

Галкин Н.Н.

ЗЕМЛЯ ДЕТЕЙ

(нетипичные таланты: документально-художественное исследование)

**Краснодар – Москва
2005**

ЗЕМЛЯ ДЕТЕЙ
(документально-художественное исследование)

Нетипичные таланты «Инва-Студии»
(записки реабилитолога)

Моления Кристины

Школа безруких художников

Поездки и встречи:
Поездки на Север: Соловки-Видяево. Карелия
Автобусом по Европе: Краснодар-Москва-Париж-Хельсенки.
«Русские сезоны» в Париже.

Новаторы и чиновники

«Инва-Академия» - мечта и реальность

О демографической безопасности России

Партия добрых сердец

Наша икона в Казанском соборе

**Беслан. Работа в Чечне. Социально-
реабилитационный комплекс в Чеченской республике**

От автора

Прошло более 11 лет с тех пор, как в нашей маленькой сельской студии появились дети. Я никогда не собирался работать с инвалидами. Поначалу наш первый инвалид, а это был взрослый человек, казался мне чистой случайностью. Потом, когда студия расширилась, мы открыли филиал в Краснодаре – это затянуло и, наконец, стало образом жизни. Не скрою, первое время мне приходилось преодолевать некий дискомфорт от общения с тяжелыми инвалидами. Я носил их на руках, и у меня с полгода было постоянное неловкость перед ними. Потом это прошло, я сроднился с ними. Я стал таким же, как они, я полюбил этих необычных талантливых людей. Они дали мне все, чего не могли дать здоровые люди, и в первую очередь – понимание жизни. Я знаю, в какую бездну они порой заглядывают, и все же остаются светлыми, чуткими, любящими.

Эти записки – плод многих размышлений. Они составлены для новаторов, которые хотят что-то изменить в жизни. Сделать это трудно, порой почти невозможно, и если ты готов к этому, то тебе придется, помимо всего прочего, преодолеть себя и свои проблемы.

Вот уже более 11 лет наша студия живет трудной, но интересной жизнью, постоянно расширяясь, превращаясь постепенно в крупный реабилитационный центр. Мы пошли по сложному пути общественной организации, где нет своего бюджета, а значит – финансовой, материальной стабильности. После телевизионных передач о студии, где, как правило, высвечиваются яркие привлекательные стороны нашей жизни, к нам приходят творческие люди, способные педагоги, которые загораются интересными идеями, но большинство, столкнувшись с трудностями, уходит. Жить в постоянном напряжении, преодолевать непонимание даже близких – удел всех новаторов. При этом обвинения в некомпетентности, карьеризме и вообще во всех смертных грехах почти неизбежны. И это еще не самое страшное: главная проблема – выстоять в безысходности безденежья, научиться вопреки всему добиваться

цели. „Per aspera ad astra“ не всегда подходит к нашей работе. Звезды и лавры не удел новатора, главная его награда – результат (иногда невидимый), реализация задуманного независимо от того, будет это понято или нет. Наша цель в студии – добиться адаптации нетипичного ребенка в обществе и самого общества к инвалидам; научить такого ребенка жить среди обычных людей, воспитать его талант; сделать так, чтобы он почувствовал себя в обществе равным среди равных.

Кое-что из задуманного мы уже сделали. Если Бог даст силы, сделаем и остальное.

В данной книжке собраны различные материалы о студии, ее детях, дневниковые записи, заметки автора по различным вопросам реабилитации, отзывы о студии, небольшие зарисовки. Мы постарались отразить вкратце историю студии, ее проблемы и успехи, наше видение реабилитации, как, прежде всего, прикладной науки. По существу, это попытка документально-художественного исследования реабилитационного процесса (прежде всего, в самой «Инва-Студии»). Во второй части книги представлены документальные материалы исследовательской работы автора, частично вошедшие в его диссертацию. Они могут быть использованы социальными педагогами, художниками-реабилитологами. Спрос на эти материалы большой. Нам пишут из различных городов и регионов России. Из-за рубежа. В настоящее время мы готовим программы для широкого их применения реабилитологами, специалистами в области арт-терапии. Нас просят помочь в организации реабилитационной работы в крае и далеко за его пределами, мы открыли и открываем филиалы не только на Кубани, но в Москве, республиках Северного Кавказа и за рубежом. Мы надеемся, что данная книжка окажет помощь не только социальным педагогам и реабилитологам, работающим с детьми-инвалидами, но родителям детей, всем, кого волнуют проблемы нашей страны, нашего будущего.

Земля детей

Я прихожу в студию часа за два до начала занятий. Утро. В классах еще тихо. За окном чуть брезжит рассвет. Студия у нас необычная: почти православный храм. Со стен глядят лики святых – есть строгие, но в основном добрые внимательные. Все, что вокруг меня – в классах, в нашем небольшом импровизированном выставочном зале, который мы создали из обычного коридора, сделано руками инвалидов. Они все у нас разные: маленькие (5-и, 6-и летки) и уже взрослые (Диме Барсову под сорок). В этом году нам исполнилось одиннадцать лет. За это время дети наши выросли, многие стали настоящими художниками, иконописцами.

Солнце за окном поднимается, и рассвет плавит на горизонте краски. В природе все красиво. Дотянуться бы до этой божественной красоты. Я открываю форточку, и сырой холодный воздух бьет в лицо. Два года назад умерла наша любимица – Олеся Тарасенко. Мы постарались сделать все, даже нашли огромные деньги на операцию, но болезнь была слишком уж тяжелой: легочная гипертензия. Олеся жила творчеством, это ее вытягивало. Нежные тонкие пальчики девушки делали чудеса, ее иконы, акварели, вышивки, бисер – все это было необычным, очень духовным. Когда мы узнали о смерти девушки (студия была в это время на реабилитационных сборах в Туапсе), все педагоги рыдали. Постарались скрыть трагедию от детей. Но в дни смерти девушки стало твориться невероятное: двери на этаже сами собой распахивались, из бильярдной, где мы организовали учебный класс, доносились непонятные звуки. Когда я приехал в Краснодар на похороны, мне тоже рассказали о необычном: в квартире Олеси постоянно звенела пластмассовая люстра, которая раньше только глухо стучала, по этажам в доме носился пустой лифт – старушки говорили, что это душа девушки посещает любимые ею места.

Но хватит о грустном. Я поворачиваюсь, чтобы идти в кабинет и встречаю взглядом Святого Василия Блаженного. Эта первая иконописная работа Филиппа Рысухина. У мальчика сахарный диабет в очень тяжелой форме. За

свои небольшие годы он дважды был в состоянии клинической смерти. После второго раза ему захотелось вдруг рисовать, возникла просто неодолимая тяга и мама купила краски. Поначалу ничего не получалось. Впрочем, он и сейчас как будто не рисует, а рождает образы – через муки, сомнения, и всегда необычно. Первая духовная работа Филиппа потрясла маму. Долго не получался Бог-отец, его лик Филипп писал, стирал, снова писал. Образ не давался. И вдруг, в очередной раз, после приступа отчаяния, когда мальчик начал «плавать» краски, лик вдруг ожил, контуры стали двигаться и как будто перемещаться в пространстве. Рядом была мама, и оба, пораженные, несколько минут наблюдали это действие.

С тех пор Филиппа точно подменили. Его жизнь перешла, а точнее сместилась в творчество. Где бы мальчик ни был, его глаза, руки, душа – все воспринимало окружающее в виде художественных образов. Филипп рос на глазах: и физически, и творчески, каждый раз поражая всех новыми работами (Иисус Христос, впитавший боль мира; черная пантера с тоскливым человеческим взглядом; одинокий парус, затерявшийся в морских волнах и безысходности). Болезнь методически разрушает организм мальчика, но Филипп стойчески борется с недугом. Каждый день шесть уколов, шесть месяцев в году на больничной койке, упорно занимается спортом. Внешне он крепок – настоящий спортсмен, одни мышцы. Каждый день обтирания и обливания, плюс айкидо как спорт и форма выживания. Но главное все-таки – художественное творчество.

Недавно Филипп расколол знаменитый «Черный квадрат» Малевича. Что было в нем: шутка гения или глубокий адский смысл? Над этим ломали голову многие – Филипп увидел за черным квадратом мерзость мира, его гримасы, ужасы.

Изумительное создание, наша Ирочка Воронцова. Красивее человека я не встречал. Природа поиздевалась над ней, как хотела: отняла слух, лишила речи.левой рукой Ира творит чудеса, пишет сложнейшие картины.

Помню в Лавре, после встречи с патриархом (праздничная служба на Троицу), дети решили сделать зарисовки храмов. Неожиданно нас позвал к себе отец Лука, заведующий иконописной школой. Все, побежали на встречу, кроме Иры, она работала до конца, пока храм не был завершен. На Соловках во время нашей паломнической поездки Ира не выпускала карандашей из руки. В результате – целая серия замечательных пейзажей. Особенно Ире даются портреты – она умеет выхватить самую суть характера, души человека. Портрет капитана знаменитого госпитального судна «Свирь», единственный подобного рода, так ему понравился, что он подарил Ире свою фотографию и фотографию своего плавающего госпиталя. У Иры необыкновенная чистота линий, идущая от незамутненности восприятия. Это понимаешь, когда смотришь в ясные чистые глаза девушки. Трогательно видеть, как она помогает детям во время реабилитационных сборов: поработает сама, потом подходит к столам или мольбертам малышей и начинает показывать ошибки и неточности. Первое время Иру в студии не понимали, многие дети ее сторонились, потом «раскусили» и полюбили.

В последние годы студия много выставляется, мы уже несколько раз побывали за границей. В марте прошла наша выставка в Париже в знаменитом театре «Шатле» во время «Русских сезонов», основателем которых был великий Дягилев. Радостно было смотреть на ребят в Париже. Юра Хомицкий и Дима Барсов проехали в колясках по всем центральным улицам столицы Франции.

Наши дети неизменно занимают первые или призовые места на конкурсах, в которых мы участвуем. Но главное даже не в этом – дети-инвалиды, со всеми их физическими и психологическими проблемами, начинают жить нормальной полноценной жизнью, у многих появляется перспектива обрести профессию, крепко стать на ноги.

Судьбы у наших ребят самые разные. Например, Дима Барсов до 17 лет был нормальным здоровым парнем, веселым, общительным, прекрасным спортсменом. В 17 произошла трагедия, и он оказался в коляске, в одиноче-

стве. Умер отец, все легло на хрупкие плечи матери. В крохотной комнате на 5 квадратных метрах они уже 20 лет как будто прикованы друг к другу. Им обоим нужно было пережить стресс перехода, точнее падения в новую жизнь – спасла вера: Дима стал читать Библию, на коляске с мамой ездить в храм. Стало легче духовно, да и физически. Но что мог в жизни он, скованный точно цепью, талантливый парень. После смерти отца наступила нужда, безденежье. Одна сердобольная коммерческая организация предложила Диме торговать на рынке с лотка. Там я его и увидел. Предложил попробовать поучиться рисовать в студии. Дима загорелся: «А как с моими руками, я ведь сам даже кушать не умею». К этому времени мы уже открыли свое отделение реабилитологов при Кубанском Государственном университете. Для начала, мы закрепили за Димой здорового крепкого, но главное талантливого – парня, Рому Мартыненко. Тот начал учить Диму, как держать карандаш в непослушной руке, шариковую ручку, кисть. Долго выбирали позу, положение тела в работе – нашли оптимальное: на полу, на коленях, животом на кровати. Рома почти год водил рукой Димы по бумаге, выверяя и закрепляя движения. Его и наше экспериментальное отделение в это время неоднократно исключали из университета. Через год рука у Димы окрепла, научилась самостоятельно рисовать, и пошли работы одна лучше другой. Сейчас у Димы более 200 работ. Первую свою иконку он подарил Владыке Исидору на шестидесятилетие.

Два года назад нас пригласили с выставкой на международный фестиваль детских и юношеских фильмов «Кинотаврик» в Сочи. На нашей выставке на фестивале побывала супруга президента Л. А. Путина. Она воскликнула: «Это чудо! У вас дети перестают быть инвалидами». Увидев работы Димы, Доротея Мориц, председатель жюри детского фестиваля, опустилась перед Димой на колени и назвала юношу гением. Ребята нашей студии уже мечтают о получении дипломов о высшем образовании, строят планы на будущее и забывают о той безысходности, в которой живет основная часть инвалидов – они вышли на большую дорогу духовного творчества.

Записки реабилитолога

Как мы начинали

Первый инвалид

Мы организовали студию в 1993 году. Это было маленькое учебное подразделение с лицензией на дополнительное художественное образование детей у нас на дому в ст. Новотитаровской близ г. Краснодара. Оно вызвало у окружающих, да и не только у них, скорее скептические улыбки, нежели одобрение или положительные эмоции. Поначалу никто не только не думал, но даже не мог предположить, что студия станет делать успехи, что о ней заговорят. Никто и не подозревал, что она станет известной не только в крае, но в стране и за рубежом.

Я помню тот серенький сырой сентябрьский день, когда в студии появился первый инвалид, взрослый мужчина, Андрей Ганов: невысокого роста, плотный, с умным живым лицом, он вошел к нам во двор, и мы чуть не столкнулись на дорожке.

– Что Вы здесь делаете? – удивился я.

Мужчина протянул мне бумажку, на которой было написано: «Хочу у Вас учиться». По выражению его лица я понял, что он глухой. Мы прошли в студию, и я написал на его же бумажке: «Покажите Ваши рисунки».

Он кивнул головой, поспешно достал из пакета какие-то смятые листы ватмана, развернул их, и я был просто очарован. Передо мной был человек с явными художественными способностями. Правда, рисунки были пошленькие: обнаженные женщины, белокурые голливудские красавицы, но всё в прекрасном исполнении.

Я пригласил жену, она внимательно посмотрела работы, и мы стали думать о том, как работать с парнем. Первый год в студии было всего пять человек, включая глухого Андрея Ганова и нашего сына Олега. Жена занималась художественной работой, я зарабатывал деньги на содержание студии и семьи с нашим единственным ребенком Олегом. В тот первый год работы студии у нас произошло несколько значимых событий: умерла моя мама, забеременела жена, Бог нам послал второго ребенка, но беременность прохо-

дила сложно, и студия оказалась на грани закрытия. Чтобы сохранить студию, я решил изменить ее работу. Сам стал заниматься с детьми, рисунки возил жене в родильное отделение, где она их просматривала и проверяла. Детям занятия нравились, и мы сохранили всех, кто у нас учился. В зимние каникулы сразу же после Нового года у нас родилась дочь, и радость появления ребенка была дополнена возможностью продолжать нормальный учебный процесс.

Андрей Ганов, наш первый инвалид, оказался весьма своеобразным и упорным учеником, но многое в силу своей глухоты он не понимал или недопонимал. Долго, например, мы не могли объяснить ему триединую сущность Бога, а также сущность богочеловека Иисуса Христа. Первое время его все больше тянуло на прежние сюжеты с обнаженными красавицами и суперменами, но через 2-3 месяца мне показалось, что он стал втягиваться в нашу программу, осознавать и задумываться над тем, что рисовал. Андрей часами сидел за столом, не поднимая головы, выводил кистью элементы канона. Скоро он освоил написание ликов, стал общаться. Сам заговаривал со мной о серьезных вещах, даже о политике. Сурдоперевода я не знал, но жестами, мимикой, а где было сложно – карандашом и бумагой мы помогали друг другу, обменивались впечатлениями, говорили о его работе, даже планах.

Андрей приезжал в студию один раз в неделю из своего хутора Челюскинцев, что в Брюховецком районе, и оставался на сутки, ночуя и работая у нас. Дети-студийцы первое время косились на него: он был старше всех, не слышал, дичился и сопел, как паровоз, когда увлекался и забывал об окружающих. Но скоро все к нему привыкли и даже стали общаться с ним так же, как я. Через полгода Андрей забыл о своих голливудских красавицах, и больше я не видел у него пошленьких рисунков. Вообще, поработав с ребятами по программе канона, мы поняли, какая сила в нем заложена, спрессована столетиями. Здесь и мощный пласт культуры, и своеобразная эстетика, и глубокое видение мира – синтез космического и обыденного, окружающего.

Через полгода работы у нас подобралась небольшая экспозиция канонических рисунков, выполненных в графическом варианте. Кто-то узнал о нас, и специалисты Краевого научно-методического центра культуры пригласили меня сделать на своем семинаре выставку в станице Ленинградской. Выставка понравилась, и мы стали сотрудничать. В центре работали и работают интересные творческие люди: Бойко Е.К., Гордиенко В.И., Чернышева В.М. Их приглашение и сотрудничество с центром стало началом нашей выставочной и исследовательской работы.

Поначалу я относился к выставкам несколько настороженно, но потом понял, что это важно не только для студии и студийцев, но и для детей, которые посещают выставки. Они писали восторженные отзывы, и их лица буквально просветляются. Многие после выставок вели родителей в церковь, и это, как мне представляется, может стать темой для научного исследования.

Важный шаг

Важным шагом для нас стало представление Епархиальным управлением наших работ на выставке «Православная Русь» в Санкт-Петербурге. В 1996 году мы имели уже солидную коллекцию не просто графических работ, но уже настоящих икон. Владыка Исидор одобрил нас, торжественно благословил, и в октябре наши иконы вместе с экспедицией Епархиального управления поехали на выставку. Параллельно краевой научно-методический центр культуры предложил нам принять участие в научном семинаре первого Всероссийского фестиваля художественного творчества детей-инвалидов, в Адлере и Сочи, где проходил фестиваль. Октябрь был на редкость солнечным и тихим. И я наслаждался не только средой, в которую попал, но и морем, которое плескалось в нескольких десятках метров от многоэтажек пансионата. Своими нас на фестивале еще не считали. В отличие от других организаций я платил за участие в этом мероприятии довольно солидные для нас деньги. Но участие и возможность высказаться, рассказать о работе, полу-

читать оценку, послушать ученых и практиков было неким прорывом в работе нашей маленькой сельской студии, которую в то время ещё никто не знал. Именно на семинаре этого фестиваля меня пригласили на Первый международный конгресс инвалидов.

В декабре я поехал в Тюмень. Конгресс был организован прекрасно. Помимо России на нем было представлено еще 15 стран. Меня поселили вместе с учеными, отдельно от общей группы участников, и здесь я познакомился с профессором А.В.Чоговадзе, с которым потом подружился.

Студия сблизилась и стала сотрудничать с кафедрой реабилитации при Российской детской Клинической больнице от Российского государственного медицинского университета, которой руководил Афанасий Варламович. Крупный, уже немолодой, в высшей степени деловой и деликатный человек, он воспитал несколько поколений ученых-реабилитологов медико-спортивного направления России. Его знают и уважают не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. «Вам надо защищаться», – сказал Чоговадзе, я только вздохнул. Студия заметно расширилась, я был просто придавлен теми проблемами и заботами, которые лежали на мне. К тому времени я уже осознал, что занятия с инвалидами – это дело чрезвычайной важности, которое нельзя просто так оставить. Это судьбы людей, поставленных жизнью в самые сложные подчас невыносимые условия. После конгресса я с удвоенной энергией взялся за дело, перенес базу работы из Новотитаровской в Краснодар.

Поиск методов

Работа по канону, тем более с инвалидами – непростое дело. Усталость детей в кропотливой работе (беличьей кистью) я стал замечать еще в нашей сельской студии.

– Люба, можно дать ребятам опережающее задание, лошадку, например, или голову юноши и даже Богородицы, – предложил я жене.

– Что ты, – возразила она, – как перепрыгивать в программе?

И все же я уговорил ее. И это положительно повлияло на дальнейшую работу. Усталость (в первую очередь психологическую) как рукой сняло. Работа над живыми и интересными образами увлекла, рисунки стали носить в школу, показывать в классе. В дальнейшем мы часто практиковали смену деятельности не только в рамках одной программы, но и проводили сочетание различных программ, что давало интересные результаты. Так, эмпирическим путем был накоплен значительный багаж приемов, способов и методов работы с инвалидами. В частности, мы пришли к выводу, что в работе с неподготовленными, больными детьми нельзя говорить слово «плохо», на него в студии было введено настоящее табу. «Хорошо, молодец, замечательно, – говорили мы ребенку, – давай только подправим здесь и здесь, и, смотри, получается еще лучше».

В работе с больными ДЦП, с теми, у кого нарушена координация движений, мы работаем не только с особым вниманием, но ищем свои, особые приемы, способы, как восстановить в работе координацию движений пальцев, руки. С Димой Барсовым студент нашего экспериментального отделения Рома Мартыненко год работал в постановке руки и пальцев. Стало правилом: если нужно, педагог своей рукой водит руку инвалида, пока не появится навык, а затем и сноровка. Сейчас наш Дима полностью работает самостоятельно, и у него уже более 200 прекрасных графических работ. В Сочи на «Кинотавре» знаменитая актриса, режиссер и педагог из Германии, председатель жюри фестиваля, Доротея Мориц стала перед Димой на колени, увидев и оценив его работы.

Говоря о качестве художественной работы, я сразу поставил вопрос о необходимости самого высокого уровня художественной работы с детьми, поэтому наши дети регулярно становятся лауреатами и победителями различных, в том числе и международных фестивалей и конкурсов.

Как к нам приходят?

Говорят, что существует такое неформальное явление, как «цыганская почта». Цыгане как народ организовали свой канал внутриэтнической информации. У инвалидов, особенно с родственными заболеваниями – нечто подобное. К нам приходят по звонкам, рекомендациям, после телепередач и статей в газетах. Студию уже знают не только в крае, но далеко за его пределами. Много было писем от инвалидов из различных городов нашей страны, но при наших условиях работы мы просто не в силах помочь всем.

Я нередко высказывал мысль о необходимости серьезной государственной поддержки тем организациям, которые не на словах, а на деле работают с инвалидами. В стране 120 тысяч общественных организаций, только в Краснодаре их больше 1000, а действительно работающих – очень мало. Нас все время приглашают к сотрудничеству те, кто стремится получить за счет детей гранты, всякого рода помощь. И когда мы отказываем, начинают мстить, говорить о студии различные глупости. Тем не менее, инвалиды идут к нам. Несколько лет назад в студию пришел симпатичный белокурый подросток Филипп Рысухин. У него сахарный диабет, парень дважды оказывался в состоянии клинической смерти. Он пришел, не умея не только писать красками, но и рисовать карандашом. Сейчас Филипп прекрасно рисует, пишет маслом, раскрылись изумительные способности и целеустремленность молодого художника. Он наш лучший маринист, его работы привлекают глубиной образов, необычной тематикой, темпераментом. В болезненном состоянии он выплескивает на холст или иконную доску печаль, тоску, физическую и душевную боль.

Понятия «бездарь», «бесталанный» в нашей студии не прививаются: не умея рисовать, дети через полгода–год начинают показывать такое, отчего у родителей, как правило, появляются на глазах слезы радости.

На выставке в Сочи в октябре 2001 года особое внимание привлекли работы Леры Локтиковой. Высокая, не по возрасту серьезная девушка, она

страдает тяжелой болезнью, сосудистой дистонией. У нее почти все время болит голова, девушка часто теряет сознание. Когда Лера пришла в студию, многие не верили, что она научится рисовать. Многие, но не педагог Т.А.Руськина. Татьяна Алексеевна заинтересовала девушку, сумела раскрыть ее способности и, в частности, во флористике. Более того, Леру увлекли необычные сюжеты с прекрасными романтическими композициями, гармоничными цветовыми сочетаниями. Девушка подготовила эскизы для декораций театра Н. Бабкиной. Она оригинально вписала кокошники ансамбля «Русская песня» в золотые купола храмов, придумала интересную композицию казачки с конем, имея в виду происхождение и интересы знаменитой певицы. Сейчас Лера поступила в университет и одновременно занимается в студии.

Самым трудолюбивым в нашем центре ребята и педагоги считают Юру Лихошерстова, юношу с тяжелым заболеванием легких, муковисцидозом. Худеньким белокурым мальчонкой, он пришел к нам с мамой и первое время почти не привлекал внимания. Добросовестно работал, изучал канон, писал гуашью лики, делал серии акварелей. Два раза в год Юра ездил в Москву, где лечился в Российской детской клинической больнице. Однажды он приехал в состоянии тяжелой депрессии – умерла его подружка, девочка с таким же, как у него заболеванием. Дети на наших сборах обычно играют, резвятся: Юра сторонился любых развлечений. Отсутствующий взгляд был обращен в никуда. В это время крупная нефтяная компания направила нашу выставку в Германию, где можно было купить хорошие лекарства. Нам дали два места, и я сразу же включил Юру. Поездка, по словам Юры, была чудесной, как сон. После нее он ожил и стал работать с удвоенной энергией, у него затеплилась надежда на лечение за рубежом, может быть, на полное исцеление. В какой-то момент Юра осознал, что творческая работа помогает ему не только морально, но даже физически, болезнь как бы отступает перед творческим трудом, он стал работать неистово, самозабвенно и чуть ли не до изнеможения. Я был однажды просто поражен, когда в час ночи застал юношу в учебном классе. Попытался воспротивиться, но мама возразила: «Не мешайте, Нико-

лай Николаевич. Это ему на пользу. Юра стал настоящим трудоголиком, и в первую очередь потому, что обрел через творчество силы в борьбе с болезнью».

Работая с детьми, я все время думаю о перспективе ребенка и студии. Что дальше? Чем заинтересовать ребят? Что станет их целью в жизни, достижение которой поможет им крепко стать на ноги?

Экспериментальное отделение

К 1997 году нас уже неплохо знали в крае. Я стал зондировать почву на предмет получения средне-специального и высшего образования нашими детьми. И вот однажды, меня пригласил к себе генеральный директор департамента образования В.И.Чистяков. Валентина Ивановича я знаю давно, наверное, с 87 или 88 года, когда в разгар перестройки был создан Творческий союз учителей Кубани, и я вошел в его координационный совет. Прекрасный организатор, он давно работал в образовании, хорошо знал его, мы вместе создавали в эти годы инновационный центр, и он также довольно хорошо знал не только меня, но и нашу студию.

Поначалу он предложил организовать отделение инвалидов-иконописцев при художественном училище, но директор училища наотрез отказался идти на эксперимент с неперспективными инвалидами. И тогда Чистяков предложил переговорить с тогдашним проректором по учебной работе Кубанского государственного университета В.А.Дербеневым. В.А. Виктор Андреевич с энтузиазмом принял нашу с Чистяковым идею и сказал, что для университета будет престижным, если появится отделение, где будут готовить специалистов по древнерусской живописи.

– У нас бюджетных денег нет, но давайте попробуем найти компромиссное решение. Мы откроем договорное, платное отделение, сделаем набор, и через год добьемся федерального финансирования, – предложил Виктор Андреевич.

Слово «платное» меня несколько озадачило.

– Где же мы возьмем деньги, – возразил я, но Виктор Андреевич меня успокоил.

– Николай Николаевич, будем идти навстречу друг другу. Найдем спонсоров, попросим их помочь, чем смогут: кирпичом, досками, электричеством, наконец. Все это университет будет в любом случае покупать. Какая нам разница, чем закрыть эту оплату.

Такое решение было приемлемым, и в сентябре месяце мы сделали наш первый набор с экзаменами по иконописному канону и собеседованием, включив в приемную комиссию священника отца Михаила Киракосова. Все шло поначалу хорошо. Я нашел спонсоров, университету передали строительные материалы. Но неожиданно трагически погиб В.А.Дербенев и вся наша договоренность с университетской администрацией в одночасье рухнула. После смерти проректора никто не хотел идти ни на какие уступки, стали требовать в качестве оплаты только деньги. Так продолжалось все пять лет, и я, можно сказать, вымучил отделение, подключая всех и вся: от депутатов Госдумы до зам. министра образования В.Д.Шадрикова. Объяснял, как важно и необходимо инвалидам, это отделение особенно с тяжелыми формами заболеваний.

Активно поддерживал нас в это время только заведующий кафедрой декоративно-прикладного искусства А.Е.Галич. Скольких усилий потребовалось, чтобы найти и перечислить более 300 тысяч рублей за эти пять лет, хотя позже нам предъявили к оплате еще около 250 тысяч. А между тем именно это отделение послужило началом нового, как сейчас говорят, направления работы с инвалидами в университете. Только на последнем 5-м курсе, когда в наш совет попечителей вошла Л.А.Путина, с нас сняли долг.

– Что с них взять, – махнул рукой ректор В. А. Бабешко. В июне 2002 года наши студенты защитились. Дипломной работой стал иконостас для церкви Св. Пантелеймона Целителя. Сейчас пятеро из выпускников работают у нас педагогами и одновременно в иконописной мастерской студии.

Нас часто спрашивают, имеем ли мы право писать иконы, тем более, – дети. Конечно, имеем: во-первых, прежде чем открыть иконописную студию, мы с женой испросили благословения у нашего руководителя Епархии Владыки Исидора, во-вторых, когда студийцы стали показывать хорошие результаты, Владыка лично благословил и коллективно рукоположил нас. Получили мы благословение и у Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Мы всегда работали и работаем в рамках канона, у нас своя Воскресная школа, которой руководит опытный педагог, богослов, монахиня матушка Варвара (Ершова О.И.). У нас есть духовники, назначенные Владыкой. Мы совершили ряд паломнических поездок и были даже на Соловках в Белом море.

Работая по канону, мы стали думать о собственной школе – не как об учебном заведении, а как о художественном направлении в рамках канона. Для этого у нас есть все условия: хорошо подготовленные мастера, которые окончили студию и университет одновременно, наше собственное видение иконы, наконец, многолетний опыт работы. Современная школа иконописи представляется нам как развитие лучших традиций прошлого с учетом современного понимания культуры и духовности. Она должна быть каноничной, то есть давать образы не мирские (как академическая школа), а божественные. Как сказано о Христе: «не от мира сего». Вместе с тем, эти образы должны быть одухотворенными и утонченными, с изысканной эстетикой лиц и рук, тщательной проработкой деталей платья и орнамента. Что интересно, пример написания подобных ликов дала нам отчасти восьмилетняя Танечка Усикова – самый маленький иконописец студии. Девочка воспитывается в духовной, глубоко верующей семье. С раннего возраста она посещает церковь и те рисунки, которые выходят из-под ее хрупкой детской ручки, больше всего соответствуют духовному идеалу, о котором я говорил выше. Таня не просто талантлива, она настоящее явление в нашей студии. Это признают все наши педагоги. Девочка прекрасно рисует, поет, никто не остается

равнодушным после встречи с ней; и в то же время, она необыкновенная шалунья.

Поездка за границу

В июне 2000 года мы с Юрой Лихошерстовым оказались с нашей выставкой в Германии. Перед началом поездки нас принял и благословил Патриарх Московский и Всея Руси Алексей 11. Со Святейшим мы и позже неоднократно встречались, но эта встреча была первой и потому, наверное, особенно запомнилась.

Выставка проходила в 2-х городах севера Германии. До сих пор у меня сохранилось от этой поездки двойственное чувство. С одной стороны, Гамбург – красивый и одновременно громадный торговый город, с другой – чужая малопонятная жизнь, которая точно ледяным ушатом окатила меня и родила мысль: не так уж мы плохи и не во многом уступаем, а в чем-то, наверное, и превосходим цивилизованных европейцев. В маленьком городке, в крохотном отеле рядом с Гамбургом, где нас разместили на время нашего пребывания, мы сделали первую выставку в местной кирхе. Все там ухоженное, приглаженное, но какое-то скучное, как затхлое болото, особенно вечера с полувымершими улочками и пошлыми танцующими пожилыми парочками в окнах ресторанов, которым больше делать нечего, как развлекаться подобным образом в свои годы.

Выставка привлекала к себе внимание многих, и особенно – выходцев из России. Мы познакомились с милой женщиной, бывшей учительницей с Урала, которая неожиданно пожаловалась:

– Вы знаете, не могу привыкнуть к Германии. В душе я русская, а здесь я духовно просто умираю. Езжу каждый год к родителям на Урал и одно желание – остаться. Но что поделаешь, дети уже пустили здесь корни.

В Гамбурге я был свидетелем грандиозной сходки молодых немцев, развязных, крикливых, далеких от прекрасной немецкой культуры. На ули-

цах городов Германии много наркоманов, значительно больше, чем у нас. С одним молодым человеком в летнем кафе за столиком я разговорился.

– Я конченный человек, – сказал он, – не верю, что от наркотиков излечиваются .

Серые тени с бумажными стаканами и крепкие националисты, выкрикивающие лозунги, – вот контрасты Германии, которые надолго врезались в память.

Работа в кардиологическом центре

Несколько лет назад мне позвонил из краевого кардиологического центра его в то время главный врач и одновременно главный кардиохирург края М.В.Самойленко и предложил организовать у них одно из наших отделений.

– У нас большая проблема: у детей страх перед операциями и мы хотим снять отрицательную доминанту по поводу операции. Я много слышал о вашей студии и хочу, чтобы вы нам помогли, пояснил Михаил Валерьевич.

Мы приехали в центр, и не скрою, у нас также возникла эта отрицательная доминанта. Было жутковато ходить по палатам и видеть крохотных детей со свежими рубцами через грудь, из которых еще торчали ниточки после операции. Естественно, ребенку, пришедшему в палату, видеть такое и знать, что через несколько дней и его также разрежут, страшно. Слезы, истерика при появлении врачей, простые осмотры, тем более уколы, становятся настоящей проблемой. Работать в таких условиях трудно.

Обсудив все эти и другие проблемы с врачами, мы начали работу в центре. Поначалу мы составили первые опытные арттерапевтические программы, в самом упрощенном варианте. Важно было не навредить детям: ведь работа, можно сказать, в экстремальных условиях. Из городской психиатрической больницы приходила – молодой психолог Оксана. Мы постоянно консультировались также и с педиатром кардиоцентра. Треугольник «педиатр – психолог – художник-реабилитолог» вскоре дал положительные ре-

зультаты: психологический климат в палатах стал улучшаться, дети с интересом рисовали, снизилась отрицательная доминанта по поводу операций. Но короткие сроки нахождения пациентов в кардиоцентре заставили нас пересмотреть и постоянно корректировать наши арттерапевтические программы: по существу, пришлось ввести интенсивную арт-терапию. Ребята старшей группы студии бесплатно оформили детские палаты кардиоцентра.

К сожалению, смена администрации города и депутатского корпуса городской думы, которые посчитали выделение средств на нашу работу слишком затратным делом, вынудило нас прекратить эту полезную работу, в том числе – и с детьми-олигофренами в спецшколе № 21.

Духовное творчество. Дети детям

Духовная работа с детьми вскоре дала положительные результаты: на занятиях, сборах во внеурочное время дети стали проявлять чуткость не только по отношению друг к другу, но наладились отношения и в семьях. Алеша Морковчин, принеся домой написанную им икону, предупредил родителей, чтобы они больше в доме не ругались; Светлана Андреевна, мама Юры Лихошерстова то ли с удивлением, то ли с радостью поделилась в студии, что Юра стал не только сам ходить в церковь, но и ей с мужем предложил делать то же самое; мама Тани Усиковой Наталья Вадимовна вообще сказала, что именно дочери они обязаны семейным воцерковлением.

Более того, дети едва ли не коллективно стали отзываться на чужую боль, будь то город, край или далекое Видяево. В 1999 году, когда Америка стала сбрасывать на Югославию самолетами бомбы, студийцы решили встретиться с детьми из Югославии и передать им свои работы. Летом эта встреча состоялась в стенах Государственной Думы. Мы организовали выставку и передали более 200 работ сверстникам наших студийцев. Две иконы привезли в посольство Югославии и передали лично послу, брату президента Бориславу Милошевичу. При всей сложности отношений с нашим руковод-

ством, которое не сумело помочь в эти тяжелые минуты Югославии, Борислав Милошевич был чрезвычайно растроган нашим подарком и, пригласив нас к себе, тепло поблагодарил детей студии за чуткость и стремление оказать помощь своим сверстникам.

То же чуткое детское милосердие, проявилось и в тяжелые дни и месяцы после гибели «Курска». По инициативе детей студии мы отвезли несколько икон в Видяево, передали икону Св. Николая Чудотворца семье Димы Колесникова в Санкт-Петербург и даже сделали портреты погибших моряков на камнях, постаравшись передать глубину трагедии в образах моряков-героев «Курска».

Встреча с М.Кабалье

Организация и проведение выставок, участие в конкурсах, фестивалях, различного рода мероприятиях дали возможность и педагогам, и детям встречаться с самыми разными и интересными людьми: деятелями культуры, политиками, учеными, предпринимателями.

В 1998 году первой большой интересной встречей была встреча со знаменитой оперной певицей М.Кабалье. Мы были приглашены для оформления сцены на Соборной площади в Кремле. За полгода мы сумели написать десятка два больших икон, которые привезли в Москву и с которых были сделаны декорации (как фон для великой певицы). Всем нам посчастливилось присутствовать на генеральной репетиции и концерте, где М. Кабалье показала не только свои вокальные способности, но и умение работать и руководить большими творческими коллективами. Известный испанский дирижер Хосе Колладо, который ее сопровождал и дирижировал оркестром, узнав о том, что декорации сцены, иконы писали дети студии, в том числе, инвалиды, был просто потрясен. Осталась фотография, которую случайно сделал мой

друг Ш.Г.Шаззо, где дирижер трясет в восторге мою руку. «Я поражен!» – воскликнул тогда Колладо.

В.Спиваков и Д.Норман

Питомцы В.Спивакова

Летом 2001 года мы впервые встретились с В.Т.Спиваковым. Мы на несколько минут опоздали к условленному времени, пробираясь по загруженным московским дорогам, и очень боялись, что прославленный скрипач и дирижер не дожидается нас. Но все окончилось благополучно. Репетиция в новом помещении Российского национального оркестра несколько затянулась, и нам даже посчастливилось понаблюдать работу музыкантов. Владимир Теодорович принял нас тепло, был он не в строгом концертном костюме, как мы обычно привыкли видеть его по телевидению, а в джинсовом костюме. Простой, милый, немногословный с хорошей спортивной выправкой и неременной сигаретой, он внимательно нас выслушал, посмотрел каталог, и у нас состоялась доверительная беседа.

– У меня есть свой фонд, и мы будем помогать студии, сказал Владимир Теодорович. – Конечно, то, что вы делаете, это очень важно. Уже завтра мы купим вам новые коляски. Сережа, – попросил он помощника, – узнай, сколько они стоят, и я дам деньги, чтобы уже сейчас наши друзья увезли из Москвы подарок своим детям.

Спустя полгода мы вновь встретились с Владимиром Теодоровичем, но уже в совершенно иной обстановке: он проводил фестиваль и совместный концерт с великой оперной певицей Джесси Норман в Большом зале Государственной консерватории в Москве.

По просьбе маэстро мы выполнили портрет американской певицы в каноническом стиле, и он ей очень понравился. Нас срочно вызвали в Москву, состоялась теплая встреча. К тому же, мы оказались на единственной репети-

ции маэстро и Д. Норман, которую я затем подробно описал в статье в местной газете.

Осенью фонд В.Спивакова прислал к нам на Кубань своих питомцев: скрипача Игоря Цинмана, молодую пианистку Елену Киселеву и победителя Всероссийского конкурса в Санкт-Петербурге, балалаечника Сашу Уткина. Концерты прошли не только в Краснодаре, но и в нескольких городах края. Ребята показали прекрасное мастерство. Наблюдая внимательно за их работой, я понял, что вся жизнь юных музыкантов, как вокруг оси, вращается около их специальности. Что бы они ни делали, они всегда возвращаются в мыслях, в поведении, в разговорах, а также во всех своих поступках к главному – к своей профессии. Это серьезно дисциплинирует, делает ребят в высшей степени целеустремленными, подчиняет всю их жизнь главной идее. То же характерно и для наших детей. Спиваковцы помогли мне осознать центральную идею в социальной реабилитации – идею освобождения от гнета болезни, своей ограниченности через любимую профессию.

Заключительный концерт юных дарований проходил в муниципальном концертном зале города Краснодара совместно с нашей студией. Как в свое время в Москве на Соборной площади, мы декорировали зал иконами, и это стало хорошим фоном, а где-то и самой сутью того, что давал концерт. На концерт собрались дети музыкальных школ, школ искусств, педагоги и интеллигенция г. Краснодара. Его блестяще провела (музыковед Московской государственной филармонии) Г.А.Боева-Машинская, приехавшая с ребятами.

После концерта, в милой тихой обстановке, в кафе ребята высказали мысль, что эта поездка в Краснодар также дала им многое: они осознали то, чего раньше не понимали – новое отношение к людям, которых называют инвалидами.

Реабилитационные сборы

Реабилитационные сборы как одна из форм нашей работы появились не сразу. Первоначально мы просто приезжали в санаторий «Смена» для отдыха. И даже не думали о том, что отдых детей может перерасти в нечто большее.

Санаторий «Смена» был в то время ещё пансионатом. Он располагается недалеко от Туапсе в поселке Шепси на высоком берегу, и отстоит от моря на достаточно большом расстоянии. К морю ведет широкая асфальтированная дорога, довольно крутая и опасная, если ехать по ней на машине, и такая же крутая, но безопасная дорожка, выложенная местным морским булыжником, с перилами, а также скамейками отдыха на переходах.

Владельцем санатория первоначально была довольно богатая нефтяная компания «Роснефть, Туапсенефтепродукт». С её генеральным директором А.С.Яровенко мы познакомились в краевом законодательном собрании, когда проводили там выставку. В 1999 году мы провели совместную конференцию в Санатории. Я пригласил туда своих хороших знакомых, ученых из Москвы, медиков. И наше посещение санатория «Смена» стало почти регулярным. Меня не устраивал пассивный отдых, где бы то ни было. Оказавшись с детьми студии в санатории, я продумал программу творческой работы детей, а потом расширил её до солидной комплексной программы, куда входило не только художественно-реабилитационная работа, но беседы по культуре, искусству, духовное образование детей, медико-спортивная работа и даже работа по программе курса английского языка. Очень удачно прошел подбор специалистов. Матушка Варвара, монахиня из Екатерининского Собора, проводила интересные беседы по Закону божьему. Олег Иванович Н. интеллигентный творческий человек не только организовал беседы по искусству, музыке, вокалу, но привёз с собой двух талантливых, артистичных девочек, которые пели, танцевали и втягивали в свое творчество наших детей. Мы завели своего педагога по музыке и вокалу. Он пел вместе с детьми, го-

товил прекрасные концерты, значительной частью которых была духовная программа.

Сборы проходили не только интересно, но и продуктивно. Во время сборов дети выполняли такой объем работы, что удивляли не только нас, но и посторонних людей. При этом творчество оказывало благотворное влияние на все области нашей жизни и в первую очередь на здоровье детишек. Они, как правило, в «Санатории» хорошо отдыхали, заметно улучшалось их физическое состояние. У диабетиков сахар снижался до нормы. Кроме того дети выносили из санатория массу впечатлений. Тем не менее, конечно же, сборы нужно было готовить. Скажем, чтобы включить детей в реабилитационное творчество, мне нужно было самому первые дни выхаживать десятки километров по этажам. Подходить к каждому ребенку, говорить ему нужные слова, так сказать инициировать творчество. Последнее требовало отлаженной системы, которую не всегда сразу понимали и принимали не только наши педагоги, но даже моя жена, также наш ведущий педагог.

С самого начала наших сборов мы стали включать в художественную реабилитационную работу студентов нашего отделения при Кубанском государственном университете, которые, работая с детьми, одновременно сами выполняли учебные задания по иконописи. С одной стороны, они проходили курс практической реабилитологии, учились общаться с инвалидами, работать с ними, с другой, их работа была неким примером для самих детей, носила, кроме прочего, обучающий характер, т.к. все и всегда свободно перемещались в наших условных классах и мастерских, которые мы организовывали в рекреациях, на этажах, в холлах и даже бильярдной. Некоторые дети предпочитали работать в номерах, где жили и мы не возражали, если им там было удобнее.

За каждым студентом была закреплена группа детей, причем разного возраста. В свою очередь кураторами групп были педагоги-профессионалы. На время сборов каждый ребенок, студент и педагог получал свое задание, и

ежедневно после ужина прямо в столовой мы подводили итоги работы за день и выделяли тех, кто отличился.

Конечно же, в работу самые существенные коррективы вносило здоровье детей, их лечение. Дети постоянно отвлекались на процедуры. Но это было необходимой частью реабилитационного процесса, и мы её учитывали. По завершению сборов мы традиционно давали концерт для работников санатория, делали персональные подарки: рисунки, художественные поделки, что определило к нам самое доброе отношение коллектива санатория. Детей искренне полюбили и нас считали едва ли не родными в санатории. Питание в санатории было исключительно хорошим. Исключительные теплые, добрые отношения у детей сложились с генеральным директором нефтяной компании «Роснефть. Туапсенефтепродукт». Александр Савельевич всегда дарил детям подарки и неизменно говорил: «Вы приезжаете к себе и будьте здесь, как дома».

Частично во время сборов мы проводили и т.н. семейную реабилитацию. Со многими детьми ездили родители, которых мы также включали в программы. В.Е.Аксенова, бабушка Сережи Аксенова, много помогала нам в программе моделирования одежды. Она, инвалид-колясочник Юра Хомицкий (из нашего Тимашевского филиала), а также другие родители сшили фартучки и курточки-безрукавки всем детям. И дети во время концерта надевали их, выделяясь своим нарядным видом. Кроме того мы по старинной традиции мастеров-художников сшили красивые шарфики, которые повязывали не только детям, но и дарили нашим попечителям во время праздников и награждений.

Самым ярким впечатлением для всех стали выставки и концерты, которые мы проводили по окончании наших сборов. Это был с одной стороны общий результат реабилитационных сборов, с другой, некая квинтэссенция совместного труда и творчества детей, педагогов, родителей, врачей и всех сотрудников санатория.

На мероприятия обычно приезжал сам генеральный директор акционерного общества А.С.Яровенко. Как правило, он привозил с собой руководителей города, района и уровень мероприятия повышался. Дети чувствовали необычность момента и также старались проявить себя с самой лучшей стороны.

Был случай, когда во время концерта Дима Барсов, наш инвалид-колясочник, позвал меня и попросил дать ему микрофон, чтобы почитать стихи Лермонтова. Признаться, я смутился. Дима говорил тихо, не все его понимали, тем не менее я не стал возражать. Получилось необыкновенно. Юноша читал не со сцены как все, а из коляски прямо из зала. Стояла полная тишина. Каждое слово стихотворения воспринималось как-то по-особому, глубоко и впечатляюще. Аплодисменты после выступления Димы длились необычно долго.

Святые источники

Как-то во время нашего посещения монастыря в Тимашевске, отец Гергий (Савва), узнав, что мы собираемся в Москву, дал нам телефон настоятеля Монастырского подворья в Радонеже отца Нектария. Невысокий седой худенький монах с пронзительным цепким взглядом встретил нас очень доброжелательно, и два дня мы жили на его подворье как паломники. Храм в Радонеже известен в Московской области, прежде всего тем, что рядом с ним находится три источника. Ближний, под весьма символическим названием «Прибавление ума» находится совсем рядом у реки. К нему ведет крутая рукотворная лесенка, выполненная монахами и послушниками монастыря. Чуть дальше – источник от физических болезней. Совсем дальний находится в километрах двух от храма в лесу. Отец Нектарий человек деятельный обустроил все три источника прекрасными срубами, обложил их кафелем, установил лесенки, так чтобы болящим было удобно погружаться в источники. Во вре-

мя нашего посещения мы посетили Казанский, дальний от душевных болезней.

Водил нас на источник послушник Сергей, высокий красивый молодой мужчина, бывший омоновец, прошедший Чечню и приобщившийся там к наркотикам. Он лечился в наркологической клинике в Москве, но лечение это ещё не всё. Мать года два назад привела его к отцу Нектарию, о котором слава идет далеко за пределы Московской области и теперь он в полном смысле слова спасается на монастырском подворье. Таких как Сергей здесь много. Болящие физически и душевно стекаются в Монастырь как паломники. Здесь их принимают, кормят, дают работу и духовно окормляют. Скит, в котором живут паломники, состоит из келий до потолка, уставленных кроватями. Теснота необыкновенная, но во всем свой порядок. Послушники разные по возрасту и воспитанию люди. Живут рядом, иногда переругиваются даже с матерком. Тут же просят у бога и друг у друга прощения. Мы ночевали одну ночь в 7-ой келье. Горбатенькая увечная, но очень добрая и милая ещё молодая женщина – староста подворья Надя принесла нам, что было из постели. Я с сыном лег на полу. Анатолию Федоровичу, нашему сотруднику, мы отдали кровать. Утром Сергей нашел нам резиновые сапоги, потому что к источнику пройти в туфлях было невозможно и, обувшись, мы отправились за Сергеем. Источник, как я уже говорил, находится километрах в двух трех от подворья. Дорога идет через лес, и послушники прорубили нечто вроде небольшой просеки. Земля кругом мокрая, ещё лежит снег и мы были рады, что надели сапоги, потому что в нашей обуви можно сразу утонуть. Пока мы шли Сергей, рассказывал о себе, о Чечне и о своих проблемах, в том числе наркотических. Накануне вечером я познакомился ещё с одним парнем Андреем лет 20, больным шизофренией.

- Я только здесь себя чувствую нормально. Вообще я на всё забил. Хочу поселиться здесь лет на 10. И по-другому нельзя. Как уезжаю отсюда, так схожу с колодок, - поделился со мной Андрей.

Сруб при источнике уже протопили. Мы разделись, помолились и Сергей спустился в источник первым. Ещё до источника я заметил, что Сергей был простужен. У него был насморк, и мне казалось, что лезть в холодную воду в таком состоянии противопоказано. Тем не менее он три раза прямо с головой окунулся в источник. Я окунулся только два раза. Вода была холодная, но, выйдя из источника, я почувствовал, что тело стало по настоящему гореть. После омовений мы стали на колени перед иконой Божьей Матери и помолились. Юра, мой больной сын, тоже окунулся в ледяную воду.

Не буду говорить банальности, но никто из нас не только не заболел, но после источника все почувствовали бодрость и энергию в теле.

Открытие филиала в Москве

Наши практические наработки, опыт, успех «Инва-Студии» обратили на нас внимание тех организаций, которые постоянно работают с детьми и могут получать пользу от использования наших реабилитационных технологий.

26 декабря 2001 года на приеме у Путиной Л.А. мы познакомились с директором Детского социально-реабилитационного центра «Отрадное» Т.М.Барсуковой, которая предложила нам организовать филиал у неё в центре. К этому времени уже больше года в Москве училась (и проживала с бабушкой на стипендию В.Т.Спивакова) одна из наших лучших учениц Надюша Типикина. Чтобы не отвлекать от Студии большие силы я взял в Москву жену (педагога студии), дочь, одну из наших учениц. Вместе с ними мы включили в программу и Надю Типикину.

Зимой, сразу же после школьных каникул мы неделю работали в приюте «Отрадное». Дети в приюте, конечно, заметно отличались от наших детей. Все они, как правило, физически здоровы или почти здоровы. Но это социальные инвалиды. Большая часть детей уже прошла такую жизненную школу, что не приведи господи пройти её взрослым. В поведении они грубо-

ваты, дерзки, нецензурщина, блатной уличный жаргон, пренебрежительное отношение к взрослым – бытовое явление.

Признаться, я опасался, что это нарушит работу. Но вышло совсем наоборот. В творчестве они вдруг стали проявляться как раз с лучшей стороны: грубость стала исчезать, зачерствевшие детские души оттаивать. Ребята так увлеклись, и именно духовной тематикой, что мы решили оформить один из уголков приюта. Как детскую часовню.

- А, что, - загорелась Татьяна Митрофановна, поддержав нашу идею, - прекрасно.

Спустя две недели, после начала работы мы провели торжественное открытие филиала и одновременно детской часовни в «Отрадном». На открытие я пригласил депутатов Государственной Думы, известных в Москве реабилитологов, ученых, с которыми мы уже много лет сотрудничаем.

Приехал из Подмосковья батюшка отец Владимир, который освятил не только часовню, но весь социально-реабилитационный центр «Отрадное».

Примечателен случай, который произошел в связи с открытием часовни и приездом батюшки. Трое ребят из приюта нарушили дисциплину. Их привели к директору Татьяне Митрофановне и она неожиданно для себя послала их к батюшке для беседы.

- Кайтесь, - сказал батюшка.

- Это как, - струсил ребята и вдруг очень серьезно стали просить прощения.

«Как хорошо, - вдохновилась Татьяна Митрофановна, - Вот она часовня. Вот, что значит духовное воспитание.»

В приюте наша Надя Типикина как-то быстро нашла общий язык с ребятами. Худенькая, целеустремленная, с длинной, по пояс косой и неизменной готовностью заниматься, она как бальзам действует на ребят.

На открытие филиала в Отрадном приехали высокие гости депутат Государственной Думы, профессор и детский врач М.Р.Рокицкий и педагог, член-корреспондент Академии педагогических наук В.Ф.Максимович. Ва-

лентина Федоровна Максимович необыкновенная женщина, она организовала Высшую школу народных искусств в Санкт-Петербурге и предложила после открытия часовни учредить в Краснодаре филиал её вуза в нашем центре.

На открытии воспитанники центра показали духовную программу о детях и Иисусе Христе, который является им в рождественскую ночь. В окружении икон это создавало особое впечатление.

Михаил Рафаилович, депутат Государственной Думы, выступая, неожиданно расплакался. Он привез с собой грамоту и вручил её мне, но я по праву передал награду Татьяне Митрофановне.

Так мы открыли филиал «Инва-Студии» в Москве.

Поступление в ВУЗы и ССУЗы

Все учащиеся, окончившие студию, поступают в ВУЗы и ССУЗы и не только в Краснодаре, но и в других городах, в том числе за границей. В тбилисской Академии художеств успешно учится выпускница студии Дорина Замтарадзе. На вступительных экзаменах в Кубанский государственный университет выпускники студии показали прекрасные результаты, группа из 10 человек была полностью зачислена на экспериментальное отделение без всяких скидок на инвалидность. Также без скидок поступили: Е.Биенко, Л.Образцова, О.Кулешова, Н.Трубников и многие другие. Большинство продолжает посещать студию.

Р.Супрун поступил в Кубанскую государственную медицинскую академию. Но он и семья не теряют с нами связь.

Специалисты социальных служб отмечают неготовность большинства учебных заведений к работе с инвалидами. Студия столкнулась и сталкивается с этим на практике, причем если брать Кубанский Государственный, то это прежде всего проблема не только с материальной обустроенностью ВУЗа (туалеты, пандусы и т.д.), но психологическая неготовность педагогов рабо-

тать с инвалидами. Получив квоту на 12 студентов дневного отделения, Кубанский государственный университет изменил её на вечернее. Расписание занятий составляется, как правило, по традиционной схеме без учета состояния здоровья инвалидов. Дети лишились положенной для дневного отделения стипендии. Что уж говорить о других учебных заведениях края. Я помню, как меня окружила на худ.графе университета группа педагогов и хором стала предъявлять претензии: зачем нам ваши инвалиды, не усложняйте нам жизнь. Тем не менее за пять лет мы добились признания отделения для инвалидов в университете и в настоящее время худ.граф даже получил дотации.

Академия: мечта и реальность

Много лет назад один мой знакомый лишился обеих рук: мальчишкой он расковырял гранату и на всю жизнь стал инвалидом. Окончив школу, Олег Иванович (так его зовут) поехал в один из городов юга России поступать в сельхозтехникум, но директор, увидев юношу без рук, резко возразил: «Нам инвалиды не нужны, мы не няньки». В Ростове в те годы ректором был знаменитый В.А. Жданов, он пожалел, поддержал парня и сделал все, чтобы тот получил хорошее образование. Всю жизнь Олег Иванович нес обиду на директора техникума и как на Бога молился на своего благодетеля, ректора Ростовского государственного университета.

Столкнувшись с нашей системой образования, мы поняли, как она еще не только несовершенна, но просто недоступна для инвалида, по существу, она отторгает его. Поэтому, с самого начала нашей работы с детьми я задался целью пробить для инвалидов (хотя бы нашей студии) возможность получения высшего образования.

С 1997 года мы начали этот тяжелый, изнурительный марафон, а в 2002 году к нему удачно подключилась Л.А. Путина, и нам, наконец, дали квоту при Кубанском государственном университете. Тем не менее, к сожалению, уже в начале эксперимента стало очевидным, что университет ни психологически, ни материально оказался не готов к работе с инвалидами. И уже через

год мы поставили вопрос о создании на базе «Инва-Студии» собственной Академии социальных отношений и реабилитации инвалидов. Так предложил назвать ее профессор И.Г. Зайнышев, наш хороший друг и попечитель. Мы решили сохранить преемственность в кратком названии нашей организации – «Инва-Академия», но при этом выйти на качественно новый уровень реабилитационно-образовательной работы.

Мы уже готовы к организации Академии: у нас два совместных с ведущими вузами города отделения, кроме того, мы создаем негосударственное образовательное учреждение, которое будет называться академией. В процессе работы мы планируем добиться создания и бюджетной государственной образовательной структуры, уже адаптированной для работы с инвалидами. В Академии будут учиться не только инвалиды, но и физически здоровые молодые люди, которые стремятся проявлять себя в социальной работе – будущие реабилитологи. Мы разработали проект академического реабилитационного городка, где будут все условия для организации комплексной работы с инвалидами. Даже храм, построенный в центре городка, будет отвечать задачам духовной реабилитации и должен быть полностью адаптирован для нормального, полноценного участия в богослужении инвалидов даже с самыми тяжелыми заболеваниями.

8 июня 2004 года у нас в студии побывали представители Фонда социальных инициатив О.В.Дерипаски (благотворительный фонд «Паритет», директор Т.Д.Румянцева) и мы показали им наш проект – Академический городок с учебным корпусом, зоной отдыха, кабинетами медицинского обслуживания и реабилитации, спортивными адаптированными для инвалидов площадками, творческими художественными мастерскими, а в центре - храмом, где всё будет для удобства участия инвалидов в литургии. В этой церкви будут пандусы, специальные кресла, комната оказания медицинской помощи инвалидам, комната отдыха. В общем это настоящий городок. Мне кажется, он им понравился.

Образование людей с нарушением умственного развития

На протяжении многих лет я наблюдал и не только наблюдал, но много работал с т.н. олигофренами как детьми, так и взрослыми. В школах к ним относятся как к ущербным. Я не хочу осуждать школьных педагогов, у которых свои отношения с этими ребятами, я не раз видел, как они кричат на этих детей или говорят с ними резко. Я в спецшколах не работал. У нас в студии индивидуальная работа с этими детьми и мы идем от любви, от ласки во взаимоотношениях с ребятами. Многие из них т.н. «пограничники» нас просто очаровали и своей любовью и необычным трогательным отношением к окружающим, друг к другу, какой-то особой преданностью.

Стесняться их как стесняются многие школьные учителя, я считаю, просто незачем. Мы в студии не только любим этих детей, но гордимся ими. Мы с женой взяли ребенка из детского дома с медицинским заключением «задержка психического развития» много лет назад, но если бы я был сейчас моложе хотя бы лет на десять, то усыновил бы и ребенка с нарушением умственного развития. Я много и часто думаю об этих детях, вообще людях с мутацией мозга. Они мне кажутся загадкой природы и нам необходимо пересмотреть во многом свое отношение к ним. Я помню, как в Гамбурге мы искали центр творчества и выставочный зал инвалидов. На улице я увидел очень пожилого лет 75 олигофрена, одежда которого была заляпана красками, а на лице романтическая улыбка художника. Мы пошли за ним, и пришли в великолепную художественную галерею, где работали эти необычные люди.

В реабилитационном центре Гамбурга нам подарили пленку, где показаны самые разные формы работы с этими людьми от организации семей до цирковых или музыкальных групп. Им еженедельно выдают деньги на содержание, и они научились распоряжаться ими.

В нашем центре мы хотим пойти дальше, давать им не только хорошее образование, но сделать их профессиональными художниками. Их видение

мира необычно и в то же время оригинально. Им ближе по жанру авангард и на наших выставках их экспозиций, пожалуй, не менее яркие и интересны, чем иконописные. Я хочу написать книгу о Кристине Жиленко, об этой замечательной девушке, которую мы в студии все полюбили. Мы с ней часто разговариваем на самые сложные жизненные темы, и она всех нас тоже искренне любит.

Во время моей защиты в университете культуры, во время дискуссии, доктор философии, зав. кафедрой Кубанской медицинской академии И.Н.Ремезов предложил мне заключить с его кафедрой договор и сотрудничать по проблеме: «Личность в современном мире». И я понимаю: это не только может быть интересно, но перспективно. Мир развивается по путям, наверное, все-таки (как у господ) неисповедимым и такие люди как Кристина Жиленко могут приоткрыть в развитии «нетрадиционной личности» что-то интересное и для нас полезное.

Инвалиды помогают здоровым

Ещё в 1997 году мы разработали программу под условным названием «Дети – детям», в рамках которой стали помогать, не только детям-инвалидам, но и здоровым физическим людям в детских домах, интернатах, социально-реабилитационных центрах. В этой главе я хочу сказать не об этом, а о той, может быть, не всегда видимой помощи людям (даже взрослым), которую могут оказать инвалиды. Эта помощь может выражаться по-разному. Но прежде всего как их собственный пример.

Личное мужество детей-инвалидов, которые живут без рук и ног, в колясках ежедневно испытывая страдания очень часто не только становятся примером исключительного мужества, но бальзамом, действующем на окружающих, создавая поистине какой-то особый реабилитационный эффект. Не забуду этого влияния на себе после того, как мой однофамилец Сережа Галкин больной миопатией, у которого двигались всего три пальца, выполнил

несколько прекрасных работ. С неделю я не просто жил, а точно на крыльях. О таких же чувствах, о таком же положительном как бальзам эффекте говорили мне не только педагоги, но многие люди, которые работают с инвалидами детства или побывали на наших выставках.

Главным я все же считаю нравственное влияние инвалидов на общество. Стремление и умение отдавать, заботиться о ближнем - это неотъемлемое свойство человека. И оно определяется во многом через отношение к инвалидам.

- Я получаю не только удовольствие, но настоящее удовлетворение от того, что помогаю вашим детям, - говорит Людмила Васильевна Гурина наш постоянный друг и помощник.

- Задумываясь о жизни инвалидов, я прихожу в ужас от того, как живу сам, - сказал как-то председатель Совета директоров одного из банков, который нам оказывает постоянную помощь. Т.е. моральное, нравственное, если хотите духовно-этическое влияние инвалидов, несомненно.

В соответствии с программой «Дети-детям» мы провели работу во многих районах не только Краснодарского края, но в Москве, Беслане, подготовили материалы для организации социально-реабилитационного комплекса в Чеченской республике, о чем будет сказано ниже.

Введение в рыночные отношения

В студии разработана система введения учащихся в рыночные отношения. Она имеет свою историю.

Первоначально на выставках мы стали проводить частичную распродажу творческих работ. Посетители по желанию покупали картины, иконы, художественные поделки и как бы вносили личный вклад в судьбу и материальное положение инвалидов. Затем, на втором этапе появились заказы. Учащимся старшей группы стали делать заказы, которые они с удовольстви-

ем выполняли и также получали материальную поддержку себе и своим семьям.

В это время мы как бы проводили подготовку к более сложной системе рыночных отношений. Мастерская получила несколько заказов от частных лиц на выполнение икон в Москву, Финляндию, в Ростов для храмов. Весной 2003 года Ростовский пенсионный фонд сделал заказ на оформление часовни, который был нашей неудачей. Деньги были перечислены на счета детей, но примерно половина не выполнила его. Мы были ещё не готовы для таких сложных заказов. Но вот в конце 2004 года в «Инва-Студии» сложилась группа мастеров, в которую вошли педагоги, учащиеся старшей группы и даже средней, уже способные к выполнению заказов. Мы наметили написать иконостасы для трех церквей и в то же время выполнить заказы частных лиц на отдельные иконы.

Наконец, нами была разработана схема заказа студийного, а затем после открытия «Инва-Академии» академического, в соответствии с которым нашим лучшим учащимся предлагалось подписать трудовое соглашение на год на выполнение заказа, оплата за который будет определена заранее. Это, по нашему мнению, должно стабилизировать систему работы. Выполняя заказ (примерно десять творческих работ за год), учащийся будет знать заранее, сколько он заработает, на что ему рассчитывать. Мы не исключили аукционную распродажу, наоборот пополнение коллекции «Инва-Академии» стимулирует её и дает возможность дополнительного заработка инвалидам.

Оценка работ должна проходить в художественных советах, в состав которых должны войти помимо педагогов и сами учащиеся.

Мы также разработали и утвердили систему оценки художественных работ, исходя из различных критериев: площадь картины или иконы, её художественные достоинства, сложность сюжета и т.п. Таким образом в этой части работы «Инва-Академия» постепенно стала входить в рыночные отношения.

Мысли на бумаге

Как мы изменились

Одиннадцать лет, создавая, формируя студию, все мы: педагоги, родители, дети очень сильно изменились. Перемена произошла в целом со всеми и с каждым в отдельности, это отмечают все – возник круг друзей, которые, с одной стороны, духовно и нравственно нас обогащают, с другой, сами испытывают на себе влияние нашего коллектива и в первую очередь детей.

Любовь к детям

Мы всех своих студийцев называем детьми, хотя некоторым уже под сорок и даже за сорок. За все время существования студии мне пришлось работать с самими разными детьми (даже с тяжелыми психическими заболеваниями), и я пришел к выводу, что главным в работе должна быть любовь к ребенку. Если она есть, реабилитация при всех прочих условиях будет проходить успешно, и у педагога, реабилитолога все получится, если любви нет – нет и реабилитации.

Маленький слепок гуманного общества

Нам часто говорят, что наша студия необычное явление. Я так не думаю, наоборот, мы – маленький слепок обычного общества. Тем не менее, мы постарались в обычной студии изменить отношение к детям-инвалидам и к людям вообще. Наша мечта, чтобы через наш пример, наши выставки и мастер-классы нас услышали, может быть, поняли, чтобы общество и каждый из нас хотя бы задумались.

Община творчества

За годы существования студии у нас сложился коллектив с почти общинным образом жизни, это отметил на защите моей диссертации профессор А.А. Хагуров, наш большой друг и попечитель.

Дети, педагоги, родители – каждый из нас несет в студию что-то свое, и в то же время, все мы живем единой жизнью. Бывают, конечно, проблемы, но в какой семье их не бывает. Тем не менее, как в семье и в общине, мы совместно решаем проблемы и разделяем горести и радости друг друга: ездим на сборы, отмечаем праздники, дни рождения и, к сожалению, поминки. Конечно, возможностей для решения самых насущных проблем у нас немного. Но, так или иначе, за годы существования студии у нас выработались свои правила, даже традиции, которые я тщательно поддерживаю.

Первая: вся наша жизнь связана с иконой – не только технически, профессионально, но, прежде всего, духовно. Икона прочно и глубоко вошла в нашу жизнь. Занимаясь разными программами, дети, тем не менее, постоянно пишут иконы, и наши выезды, обеды, выставки и другие мероприятия связаны с молитвой. Уже одно то, что во всех классах у нас иконы, заставляет каждого как бы подтянуться, задуматься, поэтому все сообща мы стараемся поддерживать духовное состояние, связанное с иконой. Я уже писал о том, что по праздникам (и не только) дети ходят в церковь и часто ведут с собой родителей. Дима Барсов с мамой регулярно ездит на службу; Юра Лихошерстов сумел поставить в своей семье вопрос о посещении родителями церкви. Семья Рысухиных вообще загорелась идеей строительства в Краснодаре церкви, специально приспособленной для инвалидов, где будут пандусы, стулья, возможность принять лекарства, даже полежать, если станет плохо. Удивительная в своей целеустремленности мама Ф. Рысухина, Людмила Васильевна, борется за реализацию этой идеи всеми силами, и, конечно, мы поможем ей в этом.

Уже сейчас, приходя в студию, ребенок попадает, прежде всего, в теплые семейные отношения. Я, Вера Прокопьевна Писковая, Василий Иванович Руськин, наши молодые девушки-педагоги – все мы стараемся обогреть детей, прежде всего лаской и добрым словом.

Переходный период и сложный возраст

У каждого ребенка наступает т.н. трудный возраст, переходный, когда он из подростка превращается в юношу, а затем мужчину. Мы знаем, как сложно он проходит у здоровых детей, у инвалидов есть своя специфика, наверное, более сложная, которую следует учитывать уже не просто в психологическом плане, но и в физиологическом именно в переходный период начинают осложняться заболевания ребенка. Многие оказываются на грани выживания, родители начинают метаться, звонить во все колокола. В это время следует корректировать все программы, учитывать условия переходного возрастного периода каждого и, конечно, изменить психологическую работу с детьми.

Вы спросите как?

У каждого по-разному, но у всех – усилить внимание и главное, любить ребенка, несмотря на все проблемы, может быть даже дерзость и грубость. Мы в работе меняли тематику художественного творчества, сообразуя её с новыми интересами ребенка, проводили беседы с родителями, старались повлиять на мировоззрение ребенка и, пожалуй, главенствующую роль здесь играла религия, включенная в психологический актив веры.

Испытание славой

Мне всегда смешно было смотреть на людей, которые, как в поговорке «из грязи в князи», начинали нахлобучивать на себя маски необычности по причине успеха или славы. Особенно смешно было видеть еще недавно нормального человека, вдруг возомнившего себя небожителем, который ждет особых почестей. Все это явно умаляет личность, и мне вспоминаются слова простой русской женщины: «Неча гордиться, побывашь и на коне, и под конем, и у кобылы под хвостом». Великий Боян хорошо это выразил в одной из своих песен: «Ни хитрому, ни умному, ни ведуну разумному суда божьего не миновать». Пришлось, к сожалению, и нам пережить это, и не всегда безбо-

лезненно. Причем, что самое интересное, болезнь периодически поражала то детей, то родителей, даже педагогов. Тем не менее, мои усилия (я все время старался и стараюсь уберечь коллектив от этого порока) дали свои положительные результаты. В целом, коллектив, несмотря на частые дифирамбы, практически ни в чем не изменился, люди остались такими же простыми, как всегда. Родители тоже со временем отошли от «синдрома гения».

Но грех в коллективе был, и о нем необходимо сказать. Самый тяжелый случай произошел с инвалидом-ампутантом, без обеих рук: слава вдруг ударила ему в голову, соединившись с природным, почти на генном уровне, эгоизмом. Он начал использовать свое положение, давить других инвалидов своим псевдаавторитетом. В конце концов, мы исключили его из студии, хотя три года работали с ним, как могли, пытаюсь уберечь от этой тяжелой болезни.

Три ступени образования инвалидов

Почти 10 лет мы работаем над проблемой образования инвалидов. При всех формальных льготах путь инвалиду в образование так тернист и сложен, что одолеть его могут немногие. Вместе с тем образование инвалидов, их профессиональная подготовка – дело большой государственной значимости, ведь в нашей стране инвалиды составляют немалую часть населения (по подсчетам реабилитологов до 20%). Конечно, у нас имеются исключительные примеры, как, скажем, пример Саши Савельева, который до 24 лет получил 5 высших образований, написал и опубликовал учебное пособие по истории Древней Греции, роман и сотни статей в различных областях науки, в том числе военной. Но, повторяю, это исключение, и достижения Саши связаны с энергией и одновременно горькой долей его мамы, Татьяны Георгиевны, которая посвятила жизнь сыну и сама стала инвалидом.

Инвалид должен иметь возможность получить то образование, которое бы удовлетворяло его и общество. Нам часто указывают на то, что во многих

ВУЗах учатся инвалиды, создан специализированный Художественный ВУЗ в Москве, но это ведь капля в море, а точнее, в океане. Отсюда даже у тех, кто близко работает с инвалидами, бытует мнение, что инвалиды мало на что способны. Когда в самом начале создания студии я однажды зашел в организацию глухих инвалидов и спросил, есть ли у них талантливые ребята, мне просто рассмеялись в лицо: есть, но больше по части выпить. Не нужно глубокого анализа, чтобы понять, что дорога в вузы для «массового» инвалида, по существу, закрыта. Найдите пандусы, специальные туалеты в наших учебных заведениях – их нет. Сурдопереводчики? Что сделано для слепых в ВУЗах? Своей многолетней практикой мы доказали, что инвалиды по меньшей мере, не уступают в способностях т.н. здоровым людям, а может быть, превосходят. Основным барьером на пути в образование является неадаптированность общества, засилье бюрократии, не желающей подойти к делу образования инвалидов по государственному.

Страшен стереотип чиновника, задающего вопрос, а зачем инвалиду образование? Виталик Галкин – инвалид, увы, уже ушедший из жизни, но пытавшийся осознать свою судьбу, написал на эту тему буквально следующее:

Я знаю цену прожитого дня,
Судьбой пожизненно прикованный к постели,
Но сотни книг прочитаны не зря,
Я сотворил свой мир и движусь к цели.

Поддержать это движение к цели, которую поставил перед собой инвалид – разве это не святая задача для общества здоровых людей?

С самого начала организации нашей студии и до настоящего времени главной своей задачей мы считаем организацию системного реабилитационного образования для инвалидов. На протяжении всех этих лет мы формируем 3 ступени образования: начальное, средне-специальное и высшее. Если первая и третья ступени нами уже почти освоены, то средняя, ПТУ-ССУЗ, пока является нашей голубой мечтой. Тем не менее, при содействии Южного

федерального округа, Людмилы Александровны Путиной мы приступили, кажется, к решению и этой задачи.

Чтобы система стала реальностью, чиновникам от образования нужно изменить отношение к инвалидам и понять, что для этих, как правило, способных, талантливых людей, не нужно снижать образовательную планку, необходимо просто создать условия, которые бы учитывали, прежде всего, их заболевание. Следует изменить программы и таким образом, чтобы инвалид мог развивать свои способности, исходя из его индивидуальных особенностей. Нашего колясочника Диму Барсова университетские чиновники заставляют подниматься на 5-й этаж и выполнять программы, которые для его нарушенной координации просто невыполнимы.

Вы скажете, что таков государственный стандарт? Но для инвалидов он должен быть своим. Просто недопустимо, чтобы тяжело больные муковисцидозом и сахарным диабетом посещали лекции поздно вечером, когда они должны уже быть дома и лежать в постелях. Сейчас мы и вузы проходим сложный процесс взаимной адаптации.

Еще раз о детях с нарушением умственного развития

За годы работы с детьми-инвалидами и, в частности, с нарушением умственного развития, я совершенно пересмотрел свои взгляды на этих людей.

Мне претит снобизм так называемых здоровых взрослых педагогов, которые стесняются своих учеников или родственников олигофренов. Я не понимаю мам и пап, которые стараются прятать «ущербных» детей. Для нас в студии они стали душой коллектива, душой всей работы, они – убогие, в том смысле, что «у Бога». Они – божьи люди и божьи дети и, наверное, в каком-то смысле не только ближе к Богу, но и выше нас. Уже первый год работы с т.н. олигофренами удивил меня тем, что я, как было уже сказано, пересмотрел свой взгляд на их возможности в творчестве. Мутация мозга меняет личность, они видят все несколько иначе. Прежде всего, это самые преданные наши студийцы, самые любящие сердца, если хотите. Никто никогда не ду-

мает об их скрытых возможностях, а они налицо. Их рисунки (тем более работы в цвете) всегда оригинальны. Они придумывают интересные образы и композиции. Конечно, отношения с этими детьми должны быть особыми. Я никогда не раздражаюсь и не повышаю голоса на детей-олигофренов, когда они по 5 раз за 10 минут приходят и показывают то, что написали, а наоборот, поощряю их голосом, жестами (всплеском рук: как хорошо!). И это дает свои результаты. Наши дети с мутацией мозга совершенно адаптировались в студии, и она действительно стала их родным домом.

Государство и общественные организации

Государство не может объять необъятное, в то же время через общественные организации оно может решить значительную часть социальных проблем, необходима лишь правильная политика в отношении этих структур. К сожалению, значительная часть общественных организаций уже на этапе формирования коррумпирована, в том смысле, что формируют эти организации под интересы отдельных личностей и занимаются зачастую исключительно их интересами. Необходима серьезная аналитическая работа и правильная социальная политика по поддержке общественных организаций.

Нравственное начало

Нравственное воздействие творчества наших детей проявлялось и проявляется по-разному. Я сам лично был свидетелем нескольких примечательных случаев.

Например, увидев работы нашей Олеси Тарасенко, заместитель министра здравоохранения О.В. Шарапова расплакалась, депутат Госдумы, врач-профессор из Казани М.Р. Рокицкий разрыдался на открытии нашего филиала в Москве в подростковом приюте «Отрадное», – все это были слезы не по ситуации, а совершенно искренние, то, что оставляет нравственный и, подчас, глубокий след в душе. Инвалиды в обществе – это не просто и не совсем

обычные люди, но своего рода целительная его повязка. И как это не звучит парадоксально, она важна и может быть даже необходима такому большому обществу, как наше. Я, конечно, не имею в виду, что мы должны создавать условия для инвалидизации населения. Совсем наоборот, мы должны сами себя оценивать через свое отношение к инвалидам, стараться участвовать в их жизни, создавать нормальные условия для их деятельности.

В дореволюционных русских семьях (как правило, многодетных) один из детей зачастую уходил в монастырь молиться за всю семью. Если в семье был инвалид, именно он становился ходатаем перед Богом (убогий – «у Бога»), и его не только любила вся семья, но и чтит – он был своего рода нравственным началом в семье (вспомним отношение к Алеше в семье Карамазовых у Ф.М.Достоевского).

Мы в студии практически исключили школьную формальность в отношениях между детьми и педагогами «ученик – учитель», заменив ее формулой «ребенок – старший товарищ», это способствует тому, что в каждом ребенке, с которым мы работаем, проявляется его уникальность. В студии каждый замечен и отмечен, и о каждом можно сказать столько доброго и интересного, что невольно выходит – ребенок не просто и не только студиец, но уникальное явление, настоящая звезда. Такие звезды, как Ф. Рысухин, Ю. Лихошерстов, О. Жугин, И. Воронцова уже описаны нами, они уже как бы вошли в книгу известных имен нашей студии; но вот появились замечательные Кристина Жиленко, Жора Осипов, многие другие, и они тоже постепенно становятся нашими звездами.

Я стараюсь, чтобы в студии поддерживалась атмосфера нравственной чистоты, не допускаю пошлости, сквернословия, поощряю всячески хорошие поступки, интересные разговоры, детские проекты. В студии, как я уже писал, все звезды, но при этом все равны. Конечно, это не исключает, а наоборот, проявляет лидерство, но оно у нас не давит на личность, а создает условия родственной близости, уважения, заботы друг о друге. В основе всего –

творчество и дело, поэтому, если говорить о нашей «студии-общине», то, прежде всего, можно сказать, что это «община творчества и нравственности».

Сфера притяжения

Уже много лет я замечаю, что многие даже самые известные и интересные люди приходят к нам в студию, чтобы пообщаться с детьми и педагогами, окунуться в атмосферу нашей как мы уже писали почти общинной жизни. К нам тянутся люди самых разных профессий, национальностей и даже вероисповеданий.

Приведу пример: мусульманин, доцент Кубанского технологического университета г. Краснодара Шумаф Гиссович Шаззо – не просто наш друг, но близкий и деятельный член нашей общины. Он приходит к нам чуть ли не каждый день, делая детям подарки, восхищаясь их работами, принимая участие во всех наших мероприятиях. Дети его не просто любят, но по настоящему обожают (Кристина Жиленко отметила его в своем дневнике как самого близкого друга). То же можно сказать о Галине Александровне Боевой, живущей в Москве, замечательному искусствоведу Московской государственной филармонии, нашей горячей поклоннице и другу и многих, многих других.

«У вас какая-то особая атмосфера в студии и гениальные дети», – говорит наш большой друг и попечитель, выдающийся наш современник, писатель Виктор Иванович Лихоносов. Конечно, он имеет в виду не только творчество детей, но весь жизненный уклад в студии.

Побывав у нас в центре в июле 2003 года, Г.Н. Селезнев, будучи еще в ранге председателя Российского парламента, восхищенно сказал, что аналога нашей студии он еще не видел. То же отметила и Л.А. Путина.

Атмосферу творчества в студии дополняет атмосфера внутренней свободы, хорошей доброй шутки. Поездки по стране и за рубеж мы, как правило, совершаем в автобусе, и всю дорогу дети не перестают смеяться, жить тем, что их окружает – можно сказать, они наслаждаются жизнью.

Заповедные зоны

Бывший министр культуры М.Е.Швыдкой сказал как-то, не устраивает вас телепередача, переключите.

- Лукавите, господин хороший, - возразила ему одна из наших родителей, - Во-первых, все каналы на одно лицо, переключать некуда, а потом, как можно заставить уже вкусившее по вашей милости грех дитя, переключить на скучный, хороший канал, скажем, «Культура», который вы уже тоже начали монополизировать вашими культурными революциями. В обществе происходит непонятное - в угоду Мамоне продается всё: совесть, дети, будущее самого общества. Мы уже наполовину, если не больше, все инвалиды и крутим педали дальше к пропасти и катастрофе. Сейчас как в природе необходимо уже создавать некие заповедные зоны, чтобы сохранить нормальную популяцию людей, уберечь их от социальных болезней разврата, полного уничтожения. Вот перед чем мы оказались.

Школа безруких художников

В музее Духовной Академии в Лавре показывают икону, которую написал инвалид, не имевший ни рук, ни ног. Он писал зубами, и икона получилась замечательной. До прихода в студию Леша Самедова (ампутанта без рук) я как-то не думал об открытии школы художников-ампутантов. На сборах Леша как-то сел и ногами и зубами довольно быстро написал акварелью интересную работу. Я предложил парню позаниматься. Он вроде бы начал, но у парня не было желания трудиться, его больше привлекало то, что связано с показухой, тусовками, и, в конце концов, порисовавшись немного по экранам, он вообще забросил рисование (как мы ему с Василием Ивановичем ни советовали продолжать).

Тем не менее, идея организовать школу художников-ампутантов у меня осталась. Мне всегда казалось, что талант, который дается от природы и от

Бога можно развивать у разных людей, и ампутанту, как и человеку с руками и ногами, можно научиться хорошо рисовать или писать красками.

Платоническая любовь

Когда ребенок-инвалид взрослеет и начинает осознавать свое положение, когда он понимает невозможность иметь то, что может иметь здоровый человек, он очень часто выбирает себе некий идеал, который становится его мечтой-реальностью. Не могу сказать, что это свойство абсолютно всех инвалидов, но большинства – точно. Это прекрасное чувство я наблюдал у Юры Хомицкого, Димы Барсова и многих других инвалидов. Так инвалиду не только легче жить, такая платоническая любовь – некая компенсация того, что имеет физически здоровый человек.

До работы в студии я как-то не очень верил в платоническую любовь, для меня она была неким вымыслом, может быть поэтическим, но отнюдь не реальным. Уже многие годы я с интересом наблюдаю это явление в нашей студии, и оно меня поражает своей реальностью и в то же время романтизмом. Я уже писал о Юре Хомицком, его привязанности и любви к Юле Кондрашкиной, но подобное встречается практически у всех инвалидов, особенно тяжелых, кто не может мечтать о плотской любви. Юра постоянно думает о Юле, пишет ей письма, на праздники и в дни ее рождения дарит ей милые, трогательные подарки. Юля отвечает ему тем же, и я уверен, ей, так же, как и Юре, приятно осознавать, что ее кто-то любит. Конечно, не всегда может состояться такой, скажем, идеальный вариант любви, но он живет в душе у каждого инвалида.

Партия добрых сердец

В октябре 2001 года, после посещения нашей выставки в Сочи, Л.А. Путина спросила меня:

– Скажите, как вы без бюджета смогли уже так много сделать?

– У нас есть своя партия, которая нам помогает, – вполне серьезно ответил я.

– Что за партия? – удивилась супруга президента.

– Партия добрых сердец, – объяснил я.

Действительно, на протяжении всех этих лет мы пользуемся помощью и поддержкой многих людей: это политики и бизнесмены, зачастую и простые люди (например, две продавщицы нашего Сенного рынка, Светлана Владимировна и Валентина Владимировна, у которых мы еженедельно перехватываем на краски и другие студийные нужды, всегда отдавая долг). К нам приходят педагоги-волонтеры, помогают, кто как может. Мы благодарны за любую поддержку даже просто словом или телефонным звонком.

О примерах такой помощи я хотел бы сказать поподробнее. С 1999 года нам регулярно помогает А.С. Яровенко, генеральный директор ОАО «Роснефть. Туапсенефтепродукт»: он выделяет нам путевки в санаторий «Смена», где нас всегда встречают как родных.

Поездку в Париж большой группы наших детей в 2003 году оплатила предпринимательница из Ростова, С.Н.Донских, замечательная, очень добрая женщина. Последний год регулярную помощь оказывает Первый республиканский банк Москвы (председатель совета директоров С.К. Юнин). Месяца два назад мы встретились с представителями ОАО «Базовый элемент» (председатель совета директоров О.В. Дерипаска) и разработали перспективную программу комплексной реабилитации инвалидов через академическое художественное образование. Директор его благотворительного фонда «Паритет», Т.Д. Румянцева и сотрудники фонда, А.В. Калугин, Г.В. Кокунько, уже два раза за короткий срок побывали в студии.

Регулярную помощь студии уже много лет оказывают краевое отделение Росбанка (управляющая Т.С. Грудина), фирма «Кубань – Кнауф» (генеральный директор Л.В. Попова), «Белкрасс – 999» (генеральный директор А.В. Гононченко). Все эти – примеры доброты, искренней и бескорыстной.

Особо следует сказать о Т.В. Казанцевой, она помогла нам в получении хороших помещений в Краснодаре. Л.А. Путина подарила нам библиотеку и два прекрасных компьютера, а также пробила квоту для наших инвалидов при университете (12 человек).

Многие приходят к нам в студию посмотреть, познакомиться и становятся нашими добрыми друзьями. Так мы и живем – пока без государственной поддержки, но на хорошей, прочной основе человеческой доброты.

Мастера и мастерство

Уже больше 11 лет мы работаем над тем, чтобы студия набрала хороший художественный уровень. Наши выпускники при всей ущербности образования, которое они получили в вузе, набирают в мастерстве очень быстро. Сами изучают канон, практически работая с заказами. То, что не может дать, наверное, ни один вуз или мастер. О чем в своё время говорил Микеланджело.

Четыре девушки Оля Мерехняк, Аня Голубь, Юлия Ложкина и Юлия Кондрашкина после окончания нашего отделения при университете остались работать у нас. Позже к ним присоединилась Лена Новикова, которая работает в нашем филиале ст.Новотитаровской.

Все они прошли одну школу и работают примерно на одном уровне может быть с какими-то индивидуальными особенностями. Были у них работы удачные и не очень. Но что я заметил: неудачные работы были всегда неким резервом или даже трамплином в накоплении уровня художественного мастерства в реализации их творческого потенциала. После неудачных появляются, как правило, работы исключительно хорошие. И даже в каком-то смысле этапные для самих девушек в студии.

Молодые педагоги много экспериментируют, но, конечно, в рамках канона. «Богородица: Кубанская Благодать», «Св. Александр Невский», «Св. Георгий Победоносец», которого мы написали для одноименного храма в Тур-

ку (Финляндия) «Св.Серафим Саровский». Двое наших ребят Роман Мартыненко и Володя Кухарь вошли в группу иконописцев, которую возглавил художник Найденов. В какое-то время, набрав неплохой уровень, они стали даже задирать перед другими носы. И даже, как мне показалось, смущать девочек. Проявились в студии даже некие элементы бунтарства, но я постарался объяснить девочкам, что все будет зависеть от них самих. Летом 2003 года мы провели стажировку в Палехе. Я сам повез наших выпускников в этот уникальный центр народных промыслов, познакомил с опытными художниками, мастерами-иконописцами и одним из лучших Кукулиевым. И они сумели, многое почерпнуть по части различных технических приемов. Я вижу, как они растут на глазах, и стараюсь даже при нашем скудном бюджете неплохо им платить, постоянно влезая в долги. В какое-то время я увидел, что они не только выросли в неплохих мастеров, но созрели и как личности. Помимо этого я постоянно работаю над ростом и развитием самой студии как учебно-реабилитационного центра, а сейчас комплекса.

Мы уже созрели для организации своего вузовского подразделения и решили открыть свою Академию.

В рамках канона

За прошедшие годы студийцами были написаны десятки икон; многие из них вполне можно считать творческими, хотя все они выполнялись в рамках канона.

Пожалуй, одной из самых интересных можно считать работу наших выпускников «Русь – древо незыблемое», которую мы поднесли музею-заповеднику М.А. Шолохова во время нашей поездки в Вешенскую летом 2003 года. Идея работы представляется мне как некая квинтэссенция судьбы нашего Отечества – она в высшей степени духовна и в то же время жертвенна. Мало на чью долю приходилось столько трагического и печального. Но Россия, Русь всегда выживала, поднимаясь даже из руин, точно птица Фе-

никс. Икона, как мне представляется, достаточно емко выразила эту идею. В верхней ее части мощное храмовое строение, некая духовная «гардарика», как называли Русь в древности; сверху ее осеняет Святая Троица; в центре храмового комплекса – Богородица – покровительница Руси и России; чуть ниже – главные русские святые (от равноапостольной Ольги до недавно прошедшего интронизацию адмирала Ушакова); на кремнистых лещадках, в углублении, символизирующем трагическую судьбу семьи императора Николая II, жертвенная группа. Через кремний лещадок рядом с жертвенной группой святых Романовых пробиваются росточки дерева, которое мощно разрослось кругом. Дерево символизирует жизненные силы России: как бы ни пытались недруги России уничтожить наше государство, покончить с его самобытностью, народом, культурой, их усилия бесплодны рядом с прорастающим жизнеспособным деревом. Икона стала этапной работой «Инва-Студии» и в первую очередь – в ее духовно-нравственном значении.

«Богородица: Кубанская Благодать»

Эту яркую и, наверное, одну из наших лучших икон, мы писали на заказ для Патриарха Алексия II. Нас пригласили на прием к Его Святейшеству, причем встреча проходила в одном из женских монастырей, где настоятельница матушка Филарета, которая руководит хозяйственной частью Патриарха (наверное, еще с тех пор, как он был Владыкой в Рижской епархии).

О матушке следует сказать отдельно. Это светлая личность, монахиня в лучшем понимании этого слова, прекрасный человек, очень добрая, отзывчивая и в тоже время простая. О таких говорят «хорош по милу», любое общение с матушкой, даже самое короткое, вызывает доброе чувство, тем более, что сама она, как я уже отметил, простой обычный человек, и в толпе ее можно не заметить, разве что по светлой искренней улыбке.

Года за два до приема мы присутствовали на закладке и освящении фундамента здания, которое проводил сам патриарх, и вот теперь здание бы-

ло готово. Патриарх его освятил. Девушки в студии писали икону старательно и увлеченно. Я задал идею, концепцию иконы, но когда она была написана, многое в ней было новым и самобытным. Прекрасная большая работа, яркая, глубокая и то же время в ней было то, что умел выражать в своих работах только Рафаэль, – женственное начало. «Как назовем икону, – спросили меня девушки и поправились, – как подпишем?» В свое время по Стоглаву иконы не освящались, но сам акт освящения заключался в надписывании икон. Я задумался над тем, как назвать эту необычную икону, что-то произошло в моей голове, что не подлежит ни анализу, ни логике. Название родилось сразу, я просто озвучил его: «Богородица: Кубанская Благодать» – всем оно понравилось.

«Спас благословляющий» для Малого театра

В июне 2001 года наша хорошая знакомая и попечительница Красавина Л.С. пригласила студию с выставкой на I съезд славянских народов, который проходил в Москве, в помещении Малого театра. Конечно, мы привезли всё лучшее, что у нас было, и когда нам показали знаменитый Щепкинский зал, по которому в своё время гуляли Пушкин, Гоголь, Лермонтов и Достоевский, мы постарались оформить его достойным образом. Впервые в тот год мы привезли в Москву нашу декоративную часовню, посвященную Великому мученикам Романовым, которую ребята написали во время реабилитационных сборов в санатории «Смена» в Туапсе. На 50 камнях 50 ликов святых. В верхней части, на маковке, икона Спаса, а под ней 7 ликов семьи Великомучеников Романовых. Выставка получилась достаточно яркой. Мы прикрепили на стенах театра указатели, и скоро к нам на выставку пришел сам М.Ю.Соломин, художественный руководитель Малого театра. Наверное, трудно рассказать о том энтузиазме, который охватил детей-инвалидов и их родителей, когда они увидели этого легендарного человека, которого раньше могли видеть только в кино или с телевизионного экрана. Юрий Мефодиевич

оказался очень коммуникабельным милым человеком. Мы обменялись подарками, и он согласился со всем своим коллективом войти в совет попечителей «Инва-Студии»; более того, он предложил нам написать икону для Малого театра. «В Щепкинском зале у нас проходит отпевание всех актеров, это традиция, а вот иконы большой, хорошей нет», - пояснил он. Заказ, а точнее задача была столь ответственна, что мы долго думали, как и что сделать, чтобы не стыдно было поставить нашу икону в Щепкинский зал (не только исторический, как я уже писал), в котором висел портрет великого русского актера М.Щепкина, написанный И.Е.Репиным. Только через полгода после нашего разговора с Юрием Мефодиевичем работа была завершена. Это был «Спас Благословляющий», которого мы написали парадным, на золоте, в Строгановском стиле, т.е. достаточно респектабельным. По лику это был русский славянский тип в одежде, богато декорированной драгоценными камнями и жемчугами. Коллективу Малого театра икона понравилась, Юрий Мефодиевич организовал все, что обычно необходимо для презентации, но сам, ввиду болезни, на ней не присутствовал. Открывал выставку и само мероприятие В.И.Коршунов, директор Малого театра. Когда он начал говорить, произошло невероятное: великий актер, прослуживший на сцене, можно сказать, всю жизнь, принимавший участие в самых трагических спектаклях, вдруг потерял дар речи, комок перехватил ему горло. Он застыл, пораженный и удивленный, потом, наклонившись ко мне, произнес: «Не могу, веди сам». Икону освятил о.Василий, священник из Патриархии, которого всегда приглашают в Малый театр на службы.

Коктейль, в котором рождаются таланты

Часто скептически говорят: «Неужели у вас все дети талантливый?» «Все», – убежденно отвечаю я. Это изначально наша позиция, и это действительно так. Задача педагога, тем более реабилитолога – найти талант ребенка, а затем помочь ему развиваться.

Организатор студии должен продумать, какой она должна быть, чтобы детям в ней было комфортно, но чтобы в ней была постоянная питательная среда для творчества. Необходимо проанализировать педагогический опыт прошлого и настоящего и взять из него все, что может работать на главную идею – воспитание таланта. Это – стартовая часть реабилитации. Когда ребенок видит, что в творчестве, которое ему интересно, у него появляются успехи, он растет, начинает меняться, у него появляются новые силы и возможности. Человек не только психологически, но даже физиологически настраивается на созидание (арттерапия); ребенок начнет расти не только творчески, но, может быть, не осознавая, станет бороться с заболеванием. Как мы говорим, необходим творческий целебный коктейль.

Конечно, мы не ставим задачу полного исцеления ребенка от тяжелого недуга, это был бы обман. Но для нас важно найти такие способы, методы борьбы с тяжелым, прежде всего, психологически тяжелым состоянием, которые позволят ребенку в самых тяжелых условиях выживать, творить, постоянно психологически поддерживать себя. Мы выделяем здесь лишь основные компоненты «творческого реабилитационного коктейля» (как мы его называем), который мы создаем для детей в студии.

Итак, подведем итоги. Первое (об этом мы уже писали) – в студии все дети талантливы, к каждому ребенку самое внимательное отношение.

Второе, школа изначально должна быть творческой, у нее должна быть высокая планка творчества, те дети, которые уже проявили себя, и задают эту планку. У нас эта планка постоянно поддерживается и растет, благодаря нашим выпускникам. Они уже закончили вуз (наше совместное с Кубанским государственным университетом отделение), с ними мы проводим творческие стажировки (в 2003 году ездили в Палех к лучшим художникам-иконописцам).

Что касается школы творчества, я многое вынес из своего детского опыта: школа, где я учился, была в этом отношении на высоте – из нее (в общем-то, простой сельской школы) дети поступали в самые престижные вузы.

В школе были свои творческие маяки, скажем, Коля Тищенко, который в 9-ом классе выполнял чертежи третьего курса технического вуза и уже в стенах школы неплохо освоил два языка, по нему многие равнялись.

В нашей работе мы многое взяли из опыта прошлого, как отечественного, так и зарубежного: в частности, практику работы разновозрастных групп, где старшие – пример творческого подражания, младшие – фактор нравственного влияния. Наши постоянные встречи с известными людьми, некоей нравственной элитой, основой современного общества, культурной, если хотите, элитой (В. Лихоносков, Ю.Соломин, В.Спиваков, Е. Евтушенко, Д. Норман, М. Кабалье) – это новые составляющие коктейля. На первом месте факт нравственности, идущий от Православия (матушка Варвара ведет воскресную школу – и не по форме, а по существу).

Восторженность

Долгие муки отнюдь не творческой работы (когда приходилось думать о деньгах и еще раз о деньгах) в определенное время стали превращаться в совершенно новое качество – наши усилия стали материализоваться в творчестве детей. Как из рога изобилия пошли интересные работы, одна лучше другой: Дима Барсов, Филипп Рысухин, Юра Лихошерстов и многие, многие другие стали очень ярко проявляться.

Было много проблем ежедневных, даже ежечасных. Я ездил в переполненных трамваях, ходил по заполненным людьми улицам, так же, как и раньше боролся с теми же ветряными мельницами от бюрократии, но посреди всего этого и вопреки всему я ловил себя даже не на мысли, а просто на физическом состоянии – восторга, какой-то эйфории. Радость прочно входила в меня, и я был уверен, что-то, что я задумал, должно получиться. И оно получалось – со скрипом, с проблемами, но я побеждал в самых разных ситуациях. Я попытался осознать, что же стояло за этой восторженностью и даже нахальством, что я смогу, и вдруг понял – дети, мои и наши ученики, которые у меня на глазах превратились из гадких утят в прекрасных лебедей, в

творцов прекрасного. Они – основа, соль всего, в том числе и моей восторженности и эйфории. Я восхищался ими, болел за них и так же, как они надеялся, что наше задуманное общее дело будет иметь успех, даже если меня не будет, ведь успех был уже не в организации студии, а глубже, в детях – художниках, творцах, личностях, у которых было не только мастерство в руках, но вера в себя, вера в Бога, и главное – его покровительство: за что бы мы ни брались, все у нас получалось.

Как-то меня спросили, есть ли у меня правительственные награды. «Ни одной, – ответил я, – но неправительственных очень много: ведь каждый ребенок, проявившийся в студии, – моя награда, и это стоит больше всех самых ценных правительственных наград».

Средства массовой информации об инвалидах

Как правило, средства массовой информации в своих репортажах и передачах скользят по поверхности основных проблем, связанных с инвалидами. Мы несколько раз предлагали сделать об инвалидах хороший видеofilm или передачу, где можно было бы показать сам процесс преодоления инвалидом себя в сложных ситуациях, то, что иногда рассматривается обычными людьми как нечто неправдоподобное, запредельное. Но телевизионщики всех наших каналов всегда ограничивались и ограничиваются какими-то ничего не значащими, хотя, может быть, и броскими эпизодами и фактами (даже Караулов в своем знаменитом «Моменте истины» не избежал внешних эффектов).

А ведь можно показать в разрезе судьбу инвалида: когда от полной безысходности, тоски и мыслей о потерянной жизни он переходит к ее новому, осмысленно полному счастью творчества. Великая сила искусства постепенно, по капелькам, отдельными штрихами входит в инвалида и, как лекарство, начинает лечить, исцелять его душу. Происходит все это не всегда заметно, но в какой-то момент ребенок скорее чувствует, чем видит, что что-то начинает получаться – и это его победа. Жизнь для ребенка в этом новом

качестве начинает обретать реальный смысл, какое-то время он даже живет в состоянии восторженности и эйфории. И когда после долгих мук и даже провалов он вдруг осознает себя художником-творцом, который не может не только жить, но даже мыслить себя без искусства, – это окончательная победа.

Даже в коляске, даже прикованный к постели человек может быть по-настоящему счастлив. В арттерапии я назвал это переходом от внешнего образа опоры к внутреннему. В жизни все идет через эмоции, чувства, образы, и в кино и через кино все это можно показать необычно и ярко.

Как-то лет пять назад нас пригласили на центральное телевидение для съемок. Когда мы приехали, перед нами извинились. Приехал какой-то знаменитый голубой – европейская знаменитость и все журналисты бросились брать у него интервью. Что уж говорить о хорошем фильме про инвалидов.

Реабилитационный эффект

Все эти годы мы по крупинкам собирали все, что касалось процесса реабилитации: конкретные технологические приемы, методики, особое внимание уделяли атмосфере в студии, различного рода влияниям, отношению педагогов к детям. Многие из того, что мы собрали, что прошло апробацию, показывало на прямой эффект в реабилитологии: художественное творчество, поездки детей по стране и за рубеж, встречи с интересными людьми; но многое имело и т.н. косвенный эффект, и иногда косвенное приобретало едва ли не решающее значение в реабилитационной работе.

В диссертационном исследовании я выделил главные компоненты социальной реабилитации, их можно использовать как конкретные методики, технологические приемы, но, тем не менее, есть в реабилитационной работе такое, что передается только с личностью и через личность – и здесь важно, кто и как проводит, организует реабилитационную работу.

Статистика и жизнь

Мы знаем статистику по детям-инвалидам, к сожалению, она печальна. Но реальность и жизнь еще печальнее: у нас по статистике полмиллиона детей-инвалидов, 44 тысячи из них находятся в социальных учреждениях – детских приютах, домах интернатах. Таким образом, по статистике большая часть, т. е. более 90%, живет как бы сама по себе, без серьезной государственной поддержки (в семьях, самых разных по материальному обеспечению и сложных во всех отношениях, в городе, на селе, в маленьких хуторках за сотни километров от более или менее адаптированных к восприятию инвалидов центров).

В наших методиках и технологиях по социокультурной реабилитации мы изначально ставим вопрос о поддержке именно тех детей, которые не имеют возможности пользоваться поддержкой государства и благами цивилизации. Любой, даже самый тяжелый инвалид, войдя в нашу инфраструктуру, может получить поддержку, возможность заниматься творчеством и, наконец, помочь себе сам.

Разное о студии

Как-то в одной из последних телевизионных передач очень известный и уже, к сожалению, ушедший из жизни кинорежиссер пожаловался, что до определенного времени, будучи уже известным человеком, он жил довольно спокойно, однако стоило ему перейти какую-то невидимую черту, и он стал предметом неожиданных и прямо-таки остервенелых нападков, и это отравляло ему жизнь. То же примерно произошло и с нами: как только о студии заговорили как о необычном явлении, у нас появились непонятные враги. Стали говорить глупости о том, что в студии за детей работают педагоги, появились нелепые слухи, которые у всех, знающих студию, вызывали негодование, но был в этом, наверное, и какой-то положительный момент – высокая оценка нашей работы.

На нескольких конференциях в г. Туапсе (в санатории «Смена») я проводил реабилитационные сборы с детьми. На глазах у ученых-реабилитологов, педагогов, дети самостоятельно выполняли полный цикл работы.

С.Н. Донских, побывавшая на наших сборах, выразилась так: «Многие не верят в чудеса, которые творят ваши дети-инвалиды. Если бы я своими глазами не наблюдала это несколько дней, я бы также не поверила. Вам явно завидуют, вы как бельмо на глазу у тех, кто плохо работает и даже мыслит вас конкурентами – не удивляйтесь и не падайте духом». И еще она добавила, что, приехав на конференцию совершенно больной и разбитой, уезжает абсолютно здоровой – это означает, что есть какой-то оздоровительный эффект в нашей работе для окружающих. Она сказала, что обязательно будет и другим советовать побольше общаться с нашими детьми.

Метаморфозы в коллективе педагогов

Наш коллектив формировался не как классический педагогический коллектив (скажем, художественной школы). В условиях безденежья мы приглашали тех, кто хоть как-то откликнулся на наши проблемы и чаяния (порой это были люди, даже не имевшие педагогического опыта и высшего образования). Конечно, подчас из-за этого возникало много проблем и сложностей. Главное, поступившие к нам люди должны были любить детей, понимать их проблемы, быть творческими людьми.

Люди приходили разные, многое мне приходилось брать на себя, выручала жена – отличный педагог и художник. Когда наши студенты окончили художественно-графический факультет университета, стало легче: выпускники сразу же включились в совместную работу с педагогами, сформировали костяк иконописной мастерской. Прекрасные работы выпускников были постоянно на глазах у всех студийцев, мы заметно подняли планку художественной работы. Творчески и как реабилитологи девушки росли и растут, и зарабатывать они стали больше. Я же мечтаю о несколько ином: чтобы во-

круг каждого педагога сформировалась группа мастеров и у нас сформировалась своя иконописная школа.

Значительно вырос как педагог и реабилитолог, мой заместитель по художественно-реабилитационной работе В.И. Руськин: он не только стал понимать те сложные задачи, которые мы решаем, но вошел, я бы сказал, во вкус реабилитационно-педагогической работы, влюбился в творчество детей, радуясь успехам и достижениям каждого. К сожалению, с некоторыми педагогами нам пришлось за эти годы расстаться. Мне всегда был непонятен снобизм в отношении детей, навешивание ярлыков наподобие «тупица», «бездарь», «неспособный», стремление больше получать, чем отдавать. Тем не менее, несмотря ни на какие преграды, мы организовали такой коллектив, где в силу особой социальной атмосферы стали быстро расти как педагоги, так и дети. Многие ребята, как я уже писал, начинали у нас едва ли не с нуля, но очень быстро совершенно уникально проявлялись, и в этом, несомненно, немалая заслуга педагогического коллектива. Конечно, если бы студия имела свой стабильный бюджет, у нас было бы больше возможностей для привлечения профессионалов. Вместе с тем, возможно именно наше безденежье повлияло на то, что отбор искренних, верящих в идею, в детей, людей состоялся как бы помимо обычных, традиционных материальных стимулов.

Несколько советов реабилитологу

Что делать, если у педагога-инноватора плохое здоровье?

Инновационная работа с детьми, тем более инвалидами, требует, прежде всего, хорошего здоровья. Болеть в такой студии, как наша, руководителю просто противопоказано – все дело может в одночасье развалиться. У меня жесткий график: утром в половине восьмого я уже на работе, днем – настоящая круговерть, ночью нужно что-то записать, прочитать, в месяц иногда по три командировки – напряжение постоянное. За 11 лет мы провели около 300 выставок в стране и за рубежом.

Тем не менее, уже много лет я могу выжимать из себя для продуктивной работы достаточно много. Я давно прекратил всякое употребление спиртного, каждую минуту своего времени, если я на природе, использую для восстановления сил и здоровья. В командировках просыпаюсь раньше других, делаю пробежки, зарядку, утром и вечером ежедневно и в любую погоду обливаюсь ледяной водой. Вода стала для меня средством не только восстановления сил, но и поддержания жизненной энергии и тонуса. Иногда мне кажется, что если бы не постоянные обливания ледяной водой, меня бы уже давно не было.

Депрессии

Депрессии в такой работе, как наша, неизбежны, и я уже писал о том, что они периодически наваливались на меня по разным причинам. Большая их часть возникала из-за тех кризисов, в которых оказывалась студия, ввиду безденежья, но были и другие причины.

После того, как нам на самом высоком уровне, в крае пообещали поддержку договорного отделения при Кубанском государственном университете, а потом все это вылилось в настоящие конфликты с администрацией, депрессии стали частью моей жизни.

Депрессии преодолеваются в работе – это аксиома. И я действительно успешно преодолеваю их, хотя иногда едва поднимаюсь утром и весь день живу как в аду. В конце концов, у меня выработалась своеобразная техника преодоления тяжелых психологических состояний: я научился себя контролировать, научился не думать о плохом, находить варианты выхода из сложных ситуаций, общаться во время депрессий с людьми, которые положительно влияют на меня, использую знаменитую макаренковскую «педагогическую паузу».

Были случаи, когда депрессия сменялась неожиданно всплеском положительных эмоций. Помню, как однажды, в трамвае, в утренней толчее, я вдруг почувствовал себя счастливым. Попытался проанализировать это

неожиданное и странное состояние и понял: я живу, я в кипении жизни, что-то получается. И наоборот: отдыхая на море, на пляже испытал смертную тоску, причина – я вдали от дел. В конце концов, неизбежность депрессий не исключает возможности нормальной работы. Я даже заметил, что депрессии могут оказывать, как это ни странно, и положительное влияние: во время депрессии происходит переоценка многих ценностей, более глубокое осмысление, становишься как бы даже мудрее, поэтому творческому человеку не стоит бояться депрессий.

Самореабилитация

Человеку, который посвятил себя такому сложному и трудному делу как новаторство необходимо научиться выдерживать стрессы, уметь сопротивляться в любых ситуациях и, конечно, научиться такому довольно сложному делу как самореабилитация. Это требует своей дисциплины, следования определенным правилам. После 50 лет я полностью исключил из своего рациона не только спиртные напитки, но даже кофе. Ежедневная пробежка, обливание холодной водой – это лишь часть самореабилитации. Этому научиться легче чем, скажем, удерживать себя от нервных потрясений, уметь переключаться с одних эмоций на другие. Самое сложное выходить из состояния депрессии, которая неизбежна в такой работе как наша. Депрессия наваливает как природная стихия. От неё трудно, подчас просто невозможно уйти. Я пробовал отключать сознание, не думать о плохом. Но душа в состоянии депрессии точно умирала. В какое-то время я придумал т.н. эффект скольжения в самореабилитации. Когда ты не пытаешься даже сопротивляться депрессии, но просто удерживаешь остатки положительных эмоций, как бы скользишь по поверхности времени среди отрицательных эмоций. Дотягиваешь до противоположного берега (положительных эмоций) и начинаешь подпитываться новым положительным. Хороши все способы: шутка, юмор,

надежда, но главное, уверенность в успехе дела. Ты должен быть убежден в том, что ты всё преодолеешь.

Преодоление наивного романтизма

Какой-то период много как, наверное, и многими владел наивный романтизм, относящийся к власти придержащим. Мне казалось, стоит нам встретиться с тем или этим известным и влиятельным человеком убедить его и дело пойдет. Они поймут, что мы делаем большое, нужное важное дело и станут нам помогать. Когда мы встречались с ними и они действительно говорили хорошие слова о необходимости помощи в нашей работе, у нас наступала чуть ли не эйфория. Потом её сменяла горькая реальность. Нас пускали по бюрократическим кругам ада, где проблема никак не решалась.

В конце концов у меня выработалась четкая позиция: с первыми или нужными людьми встречаться необходимо, но это ещё не всё. Необходимо самим добиваться: денег, материальных благ для детей-инвалидов, решения медицинских вопросов. Иногда хорошие отношения с простой секретаршей стоили большего, чем близость, скажем, к первому лицу.

Наконец, необходимо добиваться, чтобы само первое лицо стало заинтересованным в решении проблемы. Когда это будет именно так, вопрос действительно станет решаться. А это уже шире, чем встреча и знакомство с первым лицом. Тем не менее иногда бывает так, что на первое лицо как бы находит озарение и он с первого раза может понять, что проблема, которую ты перед ним поставил, важная.

Какие качества воспитали во мне инвалиды

Первое, что я не только почувствовал в себе, но и осознал – была ответственность и не только за само дело, но ответственность перед людьми, с которыми я начал работать. Работая в школе, техникуме, институте, я нико-

гда не чувствовал столь высокого уровня ответственности. Со всей очередностью проявилось это в том, что я на протяжении 5 лет вез на себе груз нашего договорного отделения в Кубанском Государственном университете.

Когда после смерти В.А.Дербенева руководство КубГУ все свалило на меня, мне можно было также умыть руки и отстраниться от ребят. Необходимо было находить и постоянно искать большие деньги для оплаты, пройти через множество дополнительных забот, даже унижений.

Все проблемы студии (я имею в виду финансовые) были мизером по сравнению с проблемой университета. Помимо финансовой здесь была прежде всего проблема морально-психологическая. Ребят стали третировать на факультете. Мне рассказывали, что педагоги не допускали их до занятий. В деканате и ректорате висел приказ об их отчислении. Сколько я ни обращался в краевую администрацию, толку не было. Обещания бюрократов это только пустые обещания. В конце концов, мы все преодолели и сделали важный для нас выпуск.

Мы сумели найти более 300 тысяч рублей, в том числе спонсорских и в мэрии, когда мэром был В.А.Самойленко, и перечислили в университет необходимые средства. По расчетам университета мы остались должны ещё 250 тысяч рублей. Но это те накрутки, которые университет делает со всеми договорниками. По закону мы рассчитались с университетом с лихвой.

И даже в условиях самых сложных ситуаций, отчаяния меня всегда поддерживала мысль о том, что детей-инвалидов, которые уже почувствовали вкус творческой жизни, нельзя лишать того, что дает высшее образование, я всегда думал также о том, как останутся они без поддержки ребят-студентов, с которыми они работали, у которых все эти годы учились.

Психологические метаморфозы и терзания

Наверное, легче всего было работать, когда в студии было всего 5 детей. Расходы на студию были небольшие, педагог всего один – моя жена. И

мне нужно было иметь терпение убеждать в правоте моих идей всего одного человека.

Когда студия выросла, расширилась, превратилась в центр, а затем комплекс, задачи настолько усложнились, что, порой, стали казаться мне невыполнимыми только по причине этого так называемого человеческого фактора. В студию пришли педагоги, казалось бы, всё для выполнения благородной миссии, но каждый со своим видением проблем и задач, своим характером, настроением. Чтобы вовлечь их в решение единой нашей задачи, необходимо было много работать с каждым, и здесь я натолкнулся на обиды, нервозность, непонимание и даже лень и сопротивление. Искажалась сама идея реабилитации детей-инвалидов. И не мог позволить в угоду всем выше-названным проблемам низвести работу до бедлама или какого-то междусобойчика.

В то же время все и каждый вроде бы делали хорошее дело: рисовали, лепили, резали, писали маслом, темперой. Ночами я не спал, обдумывал разговор с каждым и заранее понимал, что натолкнусь на непонимание. С одной стороны, мне не хотелось разрушать то, что уже было сделано, что входило в нашу теплую душевную сторону работы – общинность, с другой, метаморфоза и, прежде всего, психологическая грозила вырождению нашей реабилитационной студии в неэффективную, пошлую банальность, которой страдают практически все учебные заведения и реабилитационные центры. необходимо было запастись терпением и уже, получая удары от близких людей, идти дальше.

Новаторы

Новаторы и чиновники

Новаторы

За годы работы в инновационном центре, т. е. с 1989 года, а затем с 1993 года в «Инва-Студии» мне довелось встречаться со многими новаторами: и с такими известными, как В.Ф. Шаталов, М.П. Щетинин, супруги Никитины, и с совсем неизвестными широкой публике, но очень интересными людьми, которые вырастили сотни детей – творческих личностей, разработали прекрасные методики.

Большая часть из них испытала на себе т. н. тяготы новаторства: непонимание, обвинения, даже преследования. Но новаторы всегда шли вперед, независимо от возникающих на их пути проблем и трудностей, как общественных, так и личных. М.П. Щетинин рассказывал, как однажды его, чтобы прекратить мешающий чиновникам эксперимент, пытались обвинить в изнасиловании; В.Ф. Шаталов неоднократно обвинялся коллегами по цеху в некомпетентности, одновременно по его методикам шли защиты.

Я помню неухоженную холостяцкую квартиру Виктора Федоровича в Донецке, куда мы приезжали с горой писем от педагогов со всей страны, помню небольшую, крепко сбитую фигуру новатора, его упорство во взгляде, словах, какое-то неистовство, что ли...

Я невольно задумывался и задумываюсь, что за люди новаторы, почему, вопреки всему, они не оставляли и не оставляют своих трудных, сложных дел, живут подчас в нищете, но идут вперед? Новаторство, если посмотреть на него с точки зрения психологии, – особая социальная болезнь, заболевая ею, человек уже просто обречен на творчество, и его не пугают трудности, лишения. Новаторство – это великое благо и одновременно польза для государства, его необходимо поддерживать, ибо оно и есть тот краеугольный камень, который первоначально почти всегда отвергается, а затем становится основой фундамента. На мой взгляд, необходимы действенные государ-

ственные структуры и меры, чтобы поддержать новатора, повторяю, действенные.

Невольно обращаешься к печальной стороне новаторства, которую также нельзя отбрасывать: большинство новаторов перемалываются государственной машиной, и судьба их, за самым редким исключением, печальна.

Я помню замечательного новатора В.Н. Н. , очень пожилого больного человека, приехавшего ко мне из далекой Сибири. Он разработал уникальную систему воспитания творческих способностей ребенка. Жил у меня дома несколько месяцев, пока я помогал ему опубликовать его интересную творческую разработку. Когда брошюра была готова, он уехал и вскоре умер. Его сестра прислала мне письмо, полное благодарности и горечи о неудавшейся судьбе талантливого брата. В нем она рассказала, как замечательного, умного и по настоящему интеллигентного человека перемолола бюрократическая машина. Ни у кого не вызывала сомнения целесообразность его работы, с первых уроков Владимира Николаевича дети включались в творчество, показывали блестящие результаты (даже дети с нарушением умственного развития). Но как-то он сумел возбудить против себя чиновников, поругался с одним из бюрократов, и дело было загублено... Он упорно сражался до конца, ему многие помогали, но бюрократы победили.

России, особенно сейчас, просто необходимы новаторы, необходима, повторяю, поддержка новаторства на самом высоком государственном уровне, но, похоже, пока это только мечта...

Положение новатора

Начиная с 1990 года, когда я был руководителем инновационного центра (центра передовых педагогических технологий), мне приходилось общаться со многими новаторами и, конечно, их семьями: женами, детьми, родителями. В быту, в отношениях с родными и близкими новаторы живут не лучше наших инвалидов. Большая часть не имеет семей, разведены с женами,

и даже алименты не всегда выплачивают, так как заработной платы нет, и многие живут на пенсию.

Автор блестящей методической разработки по ускоренному изучению учебных предметов, В.Гончаров, замечательный талант, умница, сказал как-то, что переходит на трехразовое питание...три раза в неделю. Он живет с матерью, получает мизерную пенсию, положение хуже инвалида.

Можно, конечно, привести примеры и положительные: М.П. Щетинин стал академиком, известен не только в стране, но и в мире, материально не нуждается. К сожалению, это редкое исключение.

Памятник жене новатора

Особо следует сказать о женах новаторов. Не каждая может понять и поддержать своего мужа. К сожалению, большая часть современных женщин видит в подвижничестве мужчины только странность. Идеалист, придурок, фантазер, сумасшедший. Такими эпитетами, как правило, награждают жены своих мужей-новаторов, как правило, не пытаясь даже разобраться в том, чем занимается их муж. Если муж не приносит больших денег, если его не понимают там вверху, если он вопреки всему не бросает своего дела – значит с ним действительно не всё в порядке. Мне довелось быть свидетелем семейной драмы новатора, когда на протяжении многих лет жена была не просто критиком, но первым опровергателем блестящих идей мужа даже когда окружающие восхищались и принимали его блестящие новации. Воспитывались в духе скепсиса дети, не понимая контрастов отношения окружающих и матери к отцу. Всё в семье подвергалось не просто скепсису, но настоящему осмеянию: опубликованная книга, награды, статьи в газетах, просто мнения людей. В конце концов, новатор заболел, осознавая, что самые близкие для него люди не принимают дело его жизни. Редки, очень редки случаи, когда новаторы получают полную поддержку от своих жен. Таким женам я бы ставил на улицах памятники, ведь от их участия в жизни новаторов зависит успех инновационного климата в стране.

В контексте демографии

Социальная инвалидизация общества в контексте демографических проблем

Русские вымирают. От пьянства, неправильной государственной политики, нарушения экологии и еще ряда причин, о чем мы скажем ниже. Но вымирают не только русские, европейцы постоянно уступают свои позиции разного рода иммигрантам. Появилась проблема «Север – Юг», ужасающее явление – исламский терроризм. Мир так сложен, что самые мудрые политики расходятся во мнениях, как же его сейчас строить (почитайте Г. Киссиджера, нашего Е.М. Примакова).

Среди всех проблем демографическая – одна из самых сложных. Она уже в ближайшее столетие может привести к глобальной катастрофе. Появилась и на глазах у нас выросла категория т. н. социальных инвалидов. Явился некий монстр, тиражирующий пороки общества. Он как глобальная эпидемия, заражающая людей, в первую очередь детей и молодежь.

С молодых ногтей люди приучаются к жестокости, наркотикам, разврату. Социальная инвалидизация не только дополнила психофизическую, но определила ее, и как мощный локомотив тянет за собой. Перед нею бессильны короли, президенты, самые известные деятели культуры. Исламский мир хоть как-то справляется с возникшим монстром, христианский уже лежит под ним. Если в ближайшие десятилетия в России (в первую очередь, само русское население) не смогут научиться противостоять этому монстру, то мы как нация, как народ глобального уровня исчезнем, как исчезли с арены мировой политики в качестве ведущей мировой державы.

Общество самоуничтожения

Цифры по инвалидизации нашего общества (и не только населения России) говорят о постоянном ухудшении ситуации, в первую очередь – с генофондом. Казалось бы, нужно опомниться и прекратить этот «пир во время чумы», но общество (и в особенности т. н. «цивилизованное») продолжает и дальше катиться в направлении самоуничтожения.

Что пропагандируется всеми средствами массовой информации, кино, телевидением, печатью – насилие, наркотики, всякого рода извращения. Я думал, это только у нас так распустились телевизионщики, но когда приехал в Германию, пришел в ужас, у них еще хуже: бандиты, откровенные проститутки и разные извращенцы – герои всех экранов. Никто не скажет – опомнитесь, лишь дальше толкают общество к пропасти.

В России, особенно если говорить о русском населении, цифры просто угрожающие: ежегодные потери около миллиона человек. Деньги как перво-причина побеждают все остальное и, прежде всего, разум, поэтому, если давать главную характеристику современному обществу, его определенно можно назвать обществом самоуничтожения.

Что делать?

На наш взгляд, необходимо незамедлительно и коренным образом изменить отношение к главным вопросам в обществе.

Первое и основное – к человеческому здоровью: духовному, нравственному, физическому. Жизненно важно остановить дальнейшую инвалидизацию общества, пересмотреть отношение к семье, к роли женщины в семье и обществе.

Позитивная и негативная роль женщины

В демографии роль женщины особая, это должны осознать как сами женщины, так и мужчины. Как роженица, женщина должна осознать свою роль хранителя генофонда общества, пожалуй, в большей степени, чем мужчина. Кроме того, что женщина является, как правило, хранительницей очага (т. е. сохраняющим фактором семьи, а значит и общества), главным воспитателем подрастающего поколения, это еще и надежный тыл в деятельности мужчины как экономического мотора в семье.

Формально женщина, как правило, не выступает главой семьи, лидером в обществе, но фактически она определяет его благополучие и бывает той

самой шеей, которая вертит головой. Не зря французы вывели знаменитую формулу «шерше ля фам», которая действует практически во всех случаях.

Русская женщина еще в XIX веке считалась находкой для любого европейца: здоровая, воспитанная, достаточно образованная, она была предметом вожделения всех европейских мужчин. Увы, в XX столетии она стала символом разврата во многих странах: в Турции – знаменитые «Наташи» – проститутки русского происхождения, которые кочуют по всей стране, то же можно увидеть и в Европе, и это печально.

Дети, родители, педагоги

Семьи и судьбы

Максимка и его мама

Года два назад, а может чуть больше, по инвалидной почте в студии появились Максимка Соловьев и его мама. Максимка не только не умел рисовать, но, мне кажется, педагоги долго учили его, как правильно держать в руках карандаш. Юркий, подвижный как ртуть, необыкновенный баловник он, конечно же, не мог усидеть за столом и рисовать, как все. Поэтому с полгода он ходил на занятия с мамой, и та рисовала вместе с ним. Он – свое, она – тоже свое. Как ученица. Максимка смотрел на маму, педагог на Максимку, и в таком тандеме Максимка стал рисовать. Полная свобода и деловая атмосфера в студии понравилась мальчику.

Маленький, худенький, с потешной рыженькой головкой, чуть раскосыми глазками и неизменной улыбкой на лице, он сразу установил со всеми какие-то свои, особые отношения. Прежде чем идти в класс, он обычно заходит ко мне. Момент всегда необычный: в проеме двери появляется его рыженькая головка, сияющая во весь рот улыбка – вот и я! Я всплескиваю руками: Максим пришел! Это знак одобрения, и Максимка уверенно несется ко мне на колени. Несколько минут мы доверительно болтаем о том, о сем, и только после этого он идет в класс.

Научив Максимку самостоятельно посещать студию, мама мальчика перестала ходить на уроки. Максимка учится в спецшколе, но регулярно ходит к нам на занятия: здесь у него свое общение с детьми, педагогами. Стало получаться в рисовании, и родные довольны, что у мальчика нашлось хорошее интересное дело. В силу своего возраста, непосредственности, шаловливости и даже неординарной внешности Максимка – любимец коллектива.

Танечка Усикова

Вот уж кому Бог щедро отмерил таланты – так это Танечке Усиковой. Конечно, самые главные два: художественный и вокальный. Маленькая, пухленькая как колобок, с черными бусинками-глазами, Танюшка проявилась очень рано: в шесть лет стала рисовать первые иконки. Да как! Особая, своя, можно сказать, уникальная манера: продолговатые утонченные лики, каждая черта выведена с необыкновенной тщательностью и любовью, небесное – во всем.

Увидев ее работы, я собрал наших педагогов и вполне серьезно заявил: «Нам нужно учиться у этой девочки». У Танечки особый дар. Она не осваивает технику, не рисует как все; в чем-то она даже не слушает педагогов, а все время рисует свое, необычное, и в то же время божественное. Как будто кто-то свыше водит ее рукой.

Для всех просто непонятно, как могут получаться такие, тонкие божественные образы у такой, ну просто неуправляемой шалуньи: ведь она посидеть минутку спокойно не может. Когда Танюшка в студии, в классах полный бедлам – непонятно как, но она успевает пробежать за три минуты по всем классам, зацепить всех, поболтать ножками на кресле да еще разлить краски. Ее утихомиривают все: педагоги, старшие дети, мама, которая всегда посещает вместе с ней занятия. Но вот – точно сигнал свыше, и девочка затихает. Садится за мольберт и начинается действие, результат всегда потрясающий.

О Танюшке много писали. Она с раннего детства (грудничкового возраста) тяжело болеет, поэтому школу не посещает, а учится с мамой дома. Помимо таланта в рисовании у нее волшебный голосок, нежный, чистый и тоже небесный. Когда мама привела ее в музыкальную школу и она запела, послушать сбежалась чуть ли не вся школа. Не знаем, что и делать, говорит мама: какой талант развивать больше. Самый большой талант у Танечки – ее вера – с раннего возраста ее потянуло в церковь, где она почувствовала свое, если не призвание, то что-то родное. Вопреки своему характеру, она терпели-

во стоит на богослужении, ходит регулярно на исповедь, причастие. В храме Рождества Христова все батюшки ее знают и, что самое интересное, она привела в церковь обоих родителей – теперь и они постоянные прихожане храма в Юбилейном микрорайоне.

Моления Кристины

Кто знает, что происходит в голове у творческого человека, когда он создает свои произведения? Кристина Жиленко пришла к нам совсем недавно, всего год или чуть больше. Яркая красивая девушка, уже вполне взрослая, она решила попробовать себя в искусстве – появилась первая, затем вторая работы. Мы девушку ни чем не ограничивали, лишь подсказывали и присматривались, даже сначала с недоверием отнеслись к ее таланту. Уж слишком он оригинален, как и сама Кристина. А девушка вдруг увлеклась, и творчество полилось как из рога изобилия.

На выставку в Финляндию она повезла работ 30 или 40. Там, в Русском культурном центре в Хельсинки, мы организовали выставку и одновременно распродажу художественных работ студийцев. И что самое поразительное, первой купили картину Кристины. Покупателем оказался искусствовед, телевизионщик, который пришел в восторг от работ Кристины. Девушка также была поражена. Ее вдохновил успех и, вернувшись из поездки в Финляндию, она с новыми силами взялась за работу. Скоро ее картины стали предметом споров и обсуждений известных наших друзей, ученых. А выставка и работы Кристины в Государственной Думе вызвали просто восторг у тех, кто ее посетил. О нас стали писать в толстых московских журналах, портрет Кристины оказался в одном из самых солидных – «Признание», и это действительно было признание – признание не только студии, но и Кристины, как творческого человека, художника. Ну и что? Что нового или странного? – скажет читатель. Дело в том, дорогой читатель, что Кристина необычный человек: она больна, у девушки нарушение умственного развития, как раньше говорили олигофре-

ния. И если учесть это, то следует пересмотреть многое в нашем понимании личности и творчества. Что с девушкой произошло? Почему ее голова, мозг стали выдавать столь необычную, изумительную по образности и силе художественную продукцию? Я всего лишь приведу несколько примеров. Вот работа «Влюбленный волк». Волк в лесу, на поляне, среди цветов. В нашем понимании волк – всегда нечто хищное, некая биологическая агрессия. У Кристины волк влюблен, любовь в глазах, она разлита по всей его милой, доброй морде, во всем его существе. Он не замечает окружающих, не видит притаившегося рядом зайца, он думает о своей любимой и мечтает только о ней. «Влюбленный волк» больше всех других работ понравилась профессору Хагурову А.А. Другая работа девушки - «Он и она». Две большие и немного странные обезьяны среди леса. Они смотрят друг на друга, между ними невидимый импульс, мысленный диалог, и все вокруг вторит этому. Опять та же любовь, но уже несколько иная, чем на картине «Влюбленный волк». И в новых красках. И подобное, с такой силой и оригинальностью умеет делать только Кристина.

Девушка написала цикл портретов, известных деятелей отечественной эстрады: от А.Пугачевой до М.Галкина. Все они по-своему оригинальны, в каждом некая особая черта характера героя, которую видит такой только Кристина. Девушка не просто посещает студию, она влюблена в нее, ходит на занятия, как на работу, 7 дней в неделю. Ей с нами хорошо. «Я уже не могу жить без студии» – часто говорит девушка. Ее счастливые глаза – наша поддержка и опора. «Я молюсь за студию», сообщает мне шепотом Кристина. И я уверен, что ее молитвы уже дошли до Бога.

Необычный тандем

Мы все привыкли к негативной афористичности таких выражений, как «Когда слепой ведет слепого», но в нашей студии произошел необычный случай, который заставил нас о многом задуматься. Два юноши, незрячий

Слава П. и не слышащий Стас О. стали очень продуктивно сотрудничать в художественном творчестве: Слава точит на станке по дереву деревянные художественные изделия, а Стас их расписывает. Они как бы случайно нашли себя, но сейчас очень продуктивно работают в тандеме, и это очень интересное творческое сотрудничество. Слава учится на четвертом курсе Кубанского государственного университета, будет психологом-реабилитологом. Но помимо традиционной специальности, он может как реабилитолог шире показать возможности реабилитологии. Вместе со Стасом они вообще создают необычный, интересный эффект в реабилитации – раздвигают рамки возможностей этой сложной науки и практики.

Дети войны. Взрослые

После Первой чеченской войны Краснодарский край наводнили беженцы. В студии сформировалась группа примерно из 20 человек детей, с которыми мы работали около двух лет. Конечно, работа с этими детьми совершенно отличалась от работы с инвалидами – то, что они перенесли и пережили, отразилось не только на их новом восприятии мира, но, прежде всего, на психике. Когда ребенок видел и пережил гибель близких: матери, отца, бабушки и дедушки; когда бежал под пулями по улицам, чтобы найти уголок, где бы укрыться, а рядом горели люди – это остается в душе надолго, если не на всю жизнь.

По известным причинам я не называю подлинные имена и фамилии детей и взрослых, которые прошли в те годы реабилитацию в студии. Все они были жертвами и нуждались в срочной помощи, прежде всего, в реабилитации их душевного состояния. Они были людьми, разными по национальности, уровню образования, материальной обеспеченности.

Отец девочки Марины, аварец из Грозного, снял свой разрушенный дом и сгоревшего рядом человека; Марина долго рисовала войну в Чечне, которая продолжала пылать в ней. Все было в черных красках, все было трагично.

дией. Мы не останавливали Марину, ждали, когда она все из себя выплеснет, и только через три месяца появились другие цвета. Она освободилась от тяжести войны, смогла воспринимать и оценивать мир иначе.

Ещё один случай. Бабушка-армянка Люсика Сарагосовна К. привела к нам внука пяти лет, на глазах у которого ее изнасиловали боевики. Сама с потухшими ввалившимися глазами, она пыталась помочь мальчику, подавленному и потрясенному войной. Мальчик долго не мог прийти в себя и только в общении с другими детьми в художественном творчестве он постепенно «оттаял» и стал улыбаться.

Молодая чеченка, студентка Чечено-Ингушского университета, Зарема В. обратилась к нам за моральной поддержкой. Она училась в университете в г.Грозном, бежала во время войны с родителями из города и затем попыталась продолжить образование в Краснодаре. Но в голове у девушки, по ее собственному выражению, все смешалось и перепуталось: она не могла усваивать те учебные дисциплины, которые ей раньше давались легко в мирном Грозном.

Война оставила тяжелый след в душах и сердцах детей и взрослых.

На рисунках детей тех лет – пустые черные улицы, танки, разбитые машины. Людей дети почему-то старались не изображать. Видимо, это было слишком тяжело.

Помимо основной реабилитационной помощи мы старались в эти дни и месяцы помочь детям войны и их родителям и материально: брали их с собой на реабилитационные сборы в санатории, где они восстанавливали здоровье, неплохо питались; просили для них помощь на рынках и в продовольственных фирмах.

У меня дома почти год жила девушка-грузинка из Абхазии, мать которой не могла в это время помочь дочери.

Через два года группа детей-беженцев как бы рассосалась: семьи разъехались на постоянное место жительства в разные города и районы края и Рос-

сии, но об этом периоде работы с детьми у нас остались тяжелые, можно сказать неизгладимые воспоминания.

Семьи и судьбы

Семьи инвалидов разные. Конечно, они могут походить на традиционные (т. н. здоровые), но в них обязательно есть и своя специфика. Они неизбежно приобретают ее, когда годами родители (или один родитель) вынуждены заниматься больным ребенком-инвалидом. Я заметил, что больных детей в семьях не только больше жалеют, но, как правило, и больше любят. Под влиянием болезней (обычно одно главное заболевание сопровождается многими) инвалиды могут сильно меняться: меняется психика, характер, отношение с окружающими. Отсюда и все окружение и в первую очередь родители также вынуждены меняться – можно называть это «трансформацией семьи», но дело не в названии. Очень часто матери в таких семьях меняются так, что их мужья, такие же родители, не выдерживают и уходят. И все тяготы в одночасье ложатся на плечи этих несчастных женщин. Бывает и наоборот, хотя такие ситуации крайне редки (я припоминаю лишь два подобных случая в нашей практике). Нам постоянно приходится работать с такими семьями, и я глубоко уважаю тех, кто не сломался не только психологически, но и нравственно, не утратил порядочности. Хотя бывали случаи, когда ребенок становился поводом для корысти и даже вымогательства.

Расскажу о нескольких семьях и инвалидах нашей студии, чьи судьбы стали мне близки за долгие годы работы с ними.

Семья Барсовых

Совершенно уникальное явление в студии – семья Барсовых: мама, Раиса Никитична и Дима, инвалид-колясочник. Дима был в 17 лет красивым сильным здоровым парнем. Была хорошая семья: отец, мать, старшая сестра.

Никто не думал, что Дима, этот балагур и ветреник, любивший пошутить, поухаживать за девушками, посмеяться и даже попаясничать, станет почти обездвиженным инвалидом. Но в 17 лет произошло несчастье: отец купил Диме модный в те годы джинсовый костюм, и этот костюм стал причиной инвалидности. Вечером Диму встретила в темной улице компания молодых людей, они попытались снять с парня модную одежду, когда не получилось, жестоко избили – так, что, как говорит сам Дима, его потом собирали по частям 2 месяца, а затем 3 года лечили. Но из коляски Дима даже после лечения выйти самостоятельно так и не смог. После несчастья с Димой как-то все в семье разладилось: отец с матерью разошлись, сестра вышла замуж, а вскоре решила отобрать у Димы положенную ему жилую площадь. Дима пытался лечиться, сопротивлялся болезни, как мог. Трудности и страдания привели юношу к Богу. Дима стал глубоко верующим человеком. Он регулярно посещает церковь, своим духовным отцом и наставником считает отца Амвросия, бывшего зав. кафедрой и профессора Кубанского государственного университета. Живут Дима с мамой в двух маленьких комнатках в своем домике по ул. Котовского в Краснодаре. Мы там часто бываем и поражаемся стойкому оптимизму и трудолюбию Димы и его мамы. Диму почти год наш студент Роман Мартыненко учил рисовать, ставил ему руку. Поначалу ничего не получалось. Преодолеть нарушение координации движений очень трудно. Первое время ни Дима, ни мама не верили в успех. Я посоветовал юноше работать в жанре графики. Мне казалось, так ему легче будет адаптировать непослушную руку. Действительно, что-то сдвинулось, стало получаться. Через год Дима начал рисовать самостоятельно. Сейчас он трудится каждый день по десять-двенадцать часов в сутки, весь в работе и творчестве. У него большая авторская коллекция, в основном духовного содержания, Дима написал прекрасные портреты М.А.Шолохова и В.В.Путина. Каким-то шестым чувством он остро чувствует, угадывает характеры своих героев и прекрасно передает их. Особенно удался ему Шолохов, книги которого он прочитал в юности. Мы мечтаем сделать Диме операцию, чтобы он начал ходить, смог

жить самостоятельно. Раиса Никитична уже очень пожилая и слабая, она всегда рядом, но в семье постоянный страх: что будет с Димой, если мамы не станет. Рядом сестра, как ястреб, уже много лет судится с матерью и братом за жилую площадь.

– Не знаю, почему она выросла такой, – частенько плачет Раиса Никитична.

Мы в студии пытаемся, как можем, помогаем семье, но в условиях нашей нищеты это тоже сложно. Тем не менее, есть надежда, что, если нам помогут международные организации, мы поможем Диме с операцией.

Рома Супрун и его семья

Пожалуй, это одна из самых благополучных семей нашей студии. В ней чувствуется роль матери – жены, отца – кормильца, добытчика. Дети в семье не просто воспитаны, но так же, как и взрослые, живут ее интересами. Рома – старший и у него постоянно под присмотром младшенькие, особенно братишка. Когда тому было полтора годика, и мы поехали на сборы в Апшеронск, Рома постоянно носил его на руках и взял на себя все заботы о брате, дал маме хорошо отдохнуть. У Ромы сахарный диабет в тяжелой форме, он постоянно делает себе уколы и следит за уровнем сахара. Он родился во время службы отца на Семипалатинском полигоне и, видимо, это стало причиной его заболевания. Все усилия отца и мамы не смогли спасти мальчика от тяжелой болезни. Отец – офицер, большую часть времени проводил на службе, и мать все заботы взяла на себя. Когда началась перестройка эта семья, как и многие другие, оказалась в сложном положении, тем не менее, даже стихия рынка и тяжелая инвалидность Ромы не выбили ее из колеи. Марина Васильевна смогла в трудные годы поддержать мужа. Несмотря на скудные заработки, экономила, как могла, а когда он уволился из армии и устроился в какую-то частную компанию, где пришлось за кусок хлеба пропадать день и ночь, не только не осудила, но поддержала.

Рома, в отличие от большинства детей-инвалидов, с самых первых классов в школе показывал блестящие результаты в учебе. Он успевал и успевает всюду: учится в школе, музыке, рисованию, ходит за детьми, читает новинки литературы, и я не раз, беседуя с парнем, поражаюсь его недетской собранности и серьезности. Тем не менее, семья боялась, что в условиях рынка, когда все стало платным, юноша может не поступить в медицинский вуз, о котором он мечтал с детства. Однажды утром Марина Васильевна пришла в студию и попросила у меня помощи в устройстве Ромы на очень хорошие, но в то же время дорогостоящие подготовительные курсы.

– Понимаете, Николай Николаевич, там нужны большие деньги, а у нас их нет. Говорят с этих курсов поступление почти гарантировано.

Мы пошли к декану подготовительных курсов, и я захватил с собой альбом детских работ студийцев, где были также работы и Ромы. Первая реакция Жанны Григорьевны, декана курсов, была резко негативной.

– Принять бесплатно не сможем, – сухо отрезала она.

Я попытался объяснить, рассказать о семье Ромы, о самом мальчике, но все оказалось бесполезным.

Ушли мы с Мариной Васильевной из академии расстроенные и разочарованные. Тем не менее, прощаясь, я положил на стол декану наш альбом.

– Ромка не поступит, – вздохнула на улице Марина Васильевна.

К моему удивлению и радости, на следующее утро, часов в восемь, в студию позвонили. Это была Жанна Григорьевна, декан академии. Голос ее дрожал, в нем чувствовалось искренние неподдельные слезы.

– Николай Николаевич, просмотрела и прочитала ваш альбом. Мы Ро-му берем, не сомневайтесь.

Не буду писать о наших с Мариной Васильевной эмоциях, скажу лишь, что Рома блестяще проявил себя на курсах и в том же году с самыми высокими баллами поступил в медицинскую академию. Сейчас его мечта бороться с болезнью медицинскими средствами, профессионально, постепенно осуществляется. Рома, конечно, занят учебой в мединституте, но не перестает

поддерживать связь со студией и ребятами. У него в душе живет тот храм, который он создал, обучаясь и живя жизнью студии.

Юра Хомицкий

Как я уже отмечал, в нашей студии есть несколько взрослых инвалидов. И среди них Юра Хомицкий. Удивительна судьба и жизнь этого человека. Юра, можно сказать, некий образец, на который указывали и указывают как на пример своим детям-инвалидам наши родители, часто говоря: «Смотрите на Юру, куда еще хуже, а он не унывает». Его судьба действительно уникальна, как уникален и сам Юра в своем оптимизме, поведении и, если хотите, в особенностях характера. Юра имел несчастье стать сыном родных сестры и брата, которые, полюбив друг друга, решили уже в ранней юности пожениться, не думая, по молодости, о том, что делают несчастными свое потомство. Старший брат Юры родился инвалидом, но, видимо, у родителей не поднялась рука оставить его. Юра оказался более несчастным, и от него отказались прямо в родильном доме, откуда его через некоторое время перевели в дом ребенка. Через полтора года Юра оказался в детском доме для умственно отсталых детей, и здесь ему пришлось столкнуться с тем, отчего иногда хочется воскликнуть: «Господи, ну почему мы так равнодушны к судьбе своих детей, особенно таких несчастных!» Совершенно нормальный, здоровый в психическом и умственном отношении, но маленький, слабый, со скрюченными ножками и ручками Юра должен был уметь противостоять не только грубой физической силе часто жестоких сверстников, но и ладить с воспитателями, тоже не всегда тактичными и образованными людьми. В 12 лет ему сделали прививки, от которых мальчик перестал ходить, и два месяца он лежал на койке, испытывая страшные боли. Хорошо, нянечка, некая тетя Шура, сжалилась над несчастным ребенком, пригласила знакомую знахарку, и та сняла боли. Но после этого Юра на всю жизнь остался в коляске. Не умея читать и писать (Юра до сих пор не имеет ни одного класса образования), юноша к 18 годам все же добился, чтобы его перевели в интернат для психически нормаль-

ных детей. В начале 90-х годов Юра оказался в Тимашевском интернате, где, наконец, смог прилично (по нынешним меркам), жить и даже завоевать своим воздержанием и порядочным образом жизни непререкаемый авторитет. Большая, коротко стриженная голова, крохотное туловище, такие же ручки и ножки, и он – точно вросший в необычную, громадную коляску – вот примерный внешний облик нашего маленького героя. Все проблемы, о которых мы рассказали, не помешали и не мешают Юре быть в центре добрых дел в интернате, вызывать всеобщее уважение и даже почтение. Юра руководитель 2-х общественных организаций инвалидов в Тимашевске. Каждый день по несколько часов Юра сидит за швейной машинкой и не только зарабатывает себе прибавку к пенсии, но выдумывает и шьет интересные головные уборы, необычные пилотки, шляпы, кепки, фартуки. В октябре 2001 года, когда у нас на выставке была Л.А.Путина, он попросил меня вручить ей и Т.В.Казанцевой наборы кухонной одежды. Нас уже проверила служба ФСБ, но я решил пойти на риск и разрешил Юре эту «вольность», получив позже резкие выговоры со стороны представителей ФСБ. Юра ездил с нами не только по стране, но и за границу. Как правило, они с Димой Барсовым занимают в автобусе первые места. Однообразная жизнь в интернате, конечно же, надоедает, и всегда приятно смотреть на Юру, когда мы отъезжаем из Краснодара, и он, удобно усевшись в своем кресле, держась маленькими ручками за поручни, с блестящим живым взглядом, смотрит в окно. В дороге он очень неприхотлив, у него всегда все приготовлено и в полном порядке, даже неизменный синий пластмассовый горшок. Набравшись в интернатской среде всяких пошлостей, он первое время неудачно шутил по поводу и без повода, но потом понял, что у нас этого делать нельзя – кругом дети. Его особой любовью и нежностью пользуется наша Юля Кондрашкина, бывший студиец, а сейчас педагог. Он часто ей звонит, дарит подарки, хотя дружит со многими студийцами. На своей громоздкой, как телега, коляске Юра проехал весь Париж, а, вернувшись в родной Тимашевск, стал в одночасье знаменитостью маленького города. В газетах мы стали читать такие вещи, от которых приходили в ужас: например,

что Юра во время поездки в Париж выставлялся в Лувре, или что супруга президента Ширака в подметки не годится нашей Путиной. В очередной из поездок я пошутил: «Юра ты у нас дипломатический скандал между Россией и Францией устроишь», Юра самодовольно улыбнулся. Когда он встречается с известными людьми, интересно смотреть, как важно и даже с некоторым высокомерием Юра пожимает протянутую ему руку. Вместе с тем, в обычной жизни это скромный, милый, очень неглупый человек, прошедший через уйму трудностей и не потерявший в себе самые важные качества. Дай Бог ему и дальше сохранить их.

Семья Скрябиных

Как ни печально, но природа многих заболеваний до конца еще не изучена. Откуда, например, у совершенно здоровых людей рождаются дети с муковисцидозом или аутизмом? Врачи говорят генетика, где-то проявляется не тот ген. Но как он проявился? Почему вдруг проявился? Никто пока точно сказать не может. Налицо только факт болезни, и к нему, если невозможно болезнь вылечить, нужно приспособиться. Приспосабливаться придется не только ребенку, но и всей семье, и особенно сложно бывает с теми заболеваниями, где нарушена психика.

В семье Скрябиных, где родился мальчик Сережа, с таким сложным заболеванием, как аутизм, это не только сразу поняли, но со всей ответственностью осознали и отнеслись, т. к. сама Светлана Евгеньевна, мама ребенка, врач-педиатр. Бабушка, дедушка, т. е. вся семья, стали бороться за ребенка с самого раннего возраста, особенно мама. Неординарная психика мальчика стала очень рано проявляться в спонтанных истериках на улице, в трамвае, вызывая самую неординарную и, как правило, негативную реакцию окружающих. С чем только не пришлось столкнуться Светлане Евгеньевне, ввиду непонимания не только окружающими, но даже близкими людьми, не понимающим природы заболеваниями ее ребенка. «Вы воспитываете эгоиста! Ваш

ребенок ненавидит людей! Вы еще наплачетесь!» – примерно такими были постоянные сентенции в адрес мамы. Но это еще не самое страшное. Необходимо было создавать в семье комфортный климат для ребенка, а это не получалось, когда самый близкий человек, муж, не осознал меру ответственности перед ребенком. Он не мог взять в толк, почему, если ребенок капризничает ни с того ни с сего, тем более, начинает истерики, нельзя брать ремешок. Светлана Евгеньевна пыталась объяснить мужу, защищала сына, но все оказалось напрасным. Семья развалилась в одночасье, супруги расстались. Хорошо родители поддержали в этот сложный период дочь и внука. Как было уже отмечено, врач по профессии, она многое знала, но многому приходилось учиться, как говорится, по жизни, у самого ребенка. Сережа до определенного возраста был замкнутым, отстраненным от жизни мальчиком. Нужны были особые условия, которые не могла дать не только мама, но даже вся семья. И Людмила Игоревна, бабушка Сережи, стала бороться за организацию специального интерната в Краснодаре, где бы детям-аутистам и им подобным было комфортно. Многолетние усилия привели вроде бы к успеху: интернат открыли, но, как часто бывает, в той форме, которая слабо соответствует задуманному и далека от интересов и проблем подобных детей.

Постепенно, с годами, правильная организация жизни мальчика стала давать результаты: он адаптировался в семье, стал учиться в обычной школе, играть с детьми во дворе. Событием чрезвычайной важности стала для мальчика вера в Бога, Русская Православная церковь. Войдя впервые несколько лет назад в храм, он был поражен: звучание небесных голосов, лики святых, все это привлекло Сережу. Уже в первый день посещения литургии слабый на вид мальчик простоял на ногах несколько часов, на следующий день все повторилось. Сережа выучил все молитвы, освоил канон богослужения в храме и скоро сам попытался дома организовать службу. «Мы не знаем того, что знает Сережа», – говорит удивленная бабушка. «Заболев храмом», мальчик стал постепенно выходить из главной своей болезни – изолированности, отрезанности от мира.

Он безапелляционно решил стать священником. Это помогает ему в учебе. Он ходит в церковь как на работу, посещает все храмы Краснодара, все службы. Вместе с ним ходят все родные. Ревностного прихожанина заметил даже Владыка Исидор. Однажды мы взяли Сережу на встречу с архиереем, и он рассказал митрополиту свой сон, как ему явился святой Сергей Радонежский (это нечто из видения пророку Варфоломею). Ведущий психиатр Москвы, которой показали Сережу, предупредила: берегите мальчика, он очень чистый и талантливый. Конечно в семье постоянные проблемы, особенно с деньгами, но рук никто не опускает. Все члены семьи поддерживают друг друга, и Сережа перерастает свою болезнь. Медленно, но уверенно входит в жизнь.

Инвалид инвалиду

Как я уже писал, каждая семья в студии имеет свои особенности. Есть семьи, где доминанта – ребенок-инвалид, то, как его спасти от смерти. Много таких, где главная задача – дать ребенку образование, развить его талант. Но вот есть у нас одна семья, которая поставила своей главной задачей оказание помощи другим инвалидам – это семья Жидковых. В ней живут мама и дочь, обе уже в возрасте: маме за семьдесят, Люсеньке (так мы ее ласково называем в студии, несмотря на возраст) в нынешнем году исполняется 50 лет. Люся родилась крепкой здоровой девочкой. Поначалу все в ее жизни складывалось хорошо: красивая, умная девчущка, она прекрасно училась, после окончания школы поступила в медицинское училище. Но вот неожиданно, поначалу как будто и случайно, без серьезных осложнений пришла болезнь – ревматизм. Стало трудно ходить, девушку взяли лечить.

Но болезнь не отступала. По окончании училища Люся вынуждена была прибегнуть к костылям, а потом, что было для девушки самым страшным, к коляске. Трудно, когда ребенок рождается инвалидом, но вдвойне, когда он становится им в зрелом возрасте. Психологически ему сложно бывает адапти-

роваться не только к своей болезни, но и к отношению окружающих. Люсенька много лет, после того как пересела в коляску, видела ещё красивые радужные сны: точно на крыльях она носится по лесной полянке. Ноги крепкие, сильные легко несут ее то по траве. Просыпаться было трудно: низкий потолок перед глазами, рядом с кроватью коляска – печальная реальность. И все же Люся нашла себя. Как-то в санатории семья Жидковых познакомилась с инвалидом-афганцем. Красивый, еще молодой мужчина потерял в Афганистане здоровье: простреленный позвоночник не только не давал возможности ходить, но и постоянно мучил страшными болями. Несколько раз «бывший афганец» хотел наложить на себя руки. И тогда ему помогла Люся: как-то просто, по-свойски и в то же время как медик она разговорилась с мужчиной, сумела вселить в него надежду, может быть собственным примером. И он стал бороться. Ежедневно по телефону они часами беседовали: это был разговор не профессионального психолога с больным, выстроенный точно программа телефона доверия, но обычный разговор двух больных, страдающих людей. У Люси толстая тетрадь с сотнями телефонов инвалидов Краснодарского края. Ей звонят, и она всем отвечает, советует, отговаривает, сочувствует. В общем, всего не передать. Этим она живет, это ей помогает в жизни, ведь каждому, даже тяжелому инвалиду хочется быть полезным людям. Кроме моральной поддержки они с мамой, Зинаидой Андреевной, помогают многим инвалидам и материально. Как, спросите вы? Очень просто: Зинаида Андреевна ходит по спонсорам и выпрашивает, кому коляску, а кому и дорогое лекарство. Доходит до казусов: в государственную социальную службу обратились за бесплатной коляской, а там ответили – бесплатно у Жидковых. Люся тяжело болеет, часто ноги распухают так, что она плачет навзрыд. Несколько раз ее уже в последние годы вызволяли, можно сказать, с того света. Однажды нам в отчаянии позвонила Зинаида Андреевна и сказала, что Люся умирает, мы срочно приехали. Люся, опухшая, желтая, с синими губами, лежала на кровати, с трудом нам улыбнулась. Приехали врачи, сделали ей уколы, стало лучше.

Когда мы уезжали, Люсе позвонил какой-то инвалид. «Не отвечай, тебе же плохо», – попросила ее мама. «Как можно? Человеку там тоже плохо» – ответила дочь. Такая у нас Жидкова Люся.

Матери инвалидов

Совершенно ответственно могу сказать, что главное условие выживания многих инвалидов – их матери.

Конечно, мне могут возразить: сейчас матери не те, они бросают детей прямо в родильных домах, из-за них, их образа жизни многие дети еще в утробе становятся инвалидами. И все же те матери, с которыми я встречался и встречаюсь в студии, достойны не только почитания, но и поклонения. Все они точно сиамские близнецы срослись со своими дочерьми и сыновьями и вызывают самое глубокое уважение своим подвижничеством. Это Барсова Р.Н., Рысухина Л.В., Локтикова О.О., Морщакина Е.Е., Кутченко Е.Г., Лихошерстова С.А., Тарасенко Н.В., Савельева Т.Г., Артапова О.Т., Галкина Л.М., Усикова Н.В., Жидкова З.А. и еще многие, многие другие.

В основном, это матери одиночки, на плечи которых легло не просто горе, а ежедневные, ежечасные и даже ежеминутные тяготы и заботы: где найти лекарства, хлеб насущный для детей, как обустроить их жизнь и т. д. и т. п.

Хорошо, если в семьях есть отцы, крепкие хозяева. А если тебя постоянно дергают, тебе угрожают, как это скажем в семье Барсовых, или Нестеренко с отцом-алкоголиком, недавно выбросившимся с пятого этажа, то здесь главная мысль: что будет с моим ребенком, если я умру?

С этой мыслью живет большая часть матерей, и ужас интерната и жалкого положения сына или дочери маячит, как тот Дамоклов меч. Помимо этого зачастую нужно присматривать еще и за престарелыми родителями. И что уж говорить: многие ведь сами еще молодые. Белокурая красавица Рысухина

Л.В. так поразила участника кинофестиваля «Кинотавр» в Сочи, что он несколько дней ходил за ней, уговаривая выйти за него замуж.

Но связывать судьбу с кем-то при больном ребенке опасно. Во-первых, неизвестно, как сам ребенок отнесется к этому, во-вторых, ведь и с ребенком не каждый мужчина найдет общий язык.

В общем, куда ни кинь, всюду клин. А жить и выживать нужно. И поэтому молятся они, наши мамы со слезами в храмах Богородице, их главной заступнице, а ночью плачут в подушку, чтобы утром, проснувшись чуть свет, набросать на лицо минимум косметики, так сказать, замаскироваться от горя – и в путь, надо ведь как-то выживать.

Их души среди нас

В нашем последнем альбоме есть страница памяти, где мы поместили портреты тех, кто ушел от нас за эти годы: незабвенная Татьяна Алексеевна Руськина, наш самый энергичный педагог, лучшие наши ученики – Сережа Галкин и Олеся Тарасенко. О Татьяне Алексеевне до сих пор рассказывают чуть ли не легенды: о том, как она трудилась сама как художник и заводила ребят.

В какое-то время я обратил внимание на то, что все наши умершие стали как бы частью студии, а не ее прошлым: они продолжают жить, мы говорим о них, как о наших нынешних членах студии и даже без трагичности, хотя в свое время очень тяжело пережили их утрату.

Василий Иванович, супруг Татьяны Алексеевны и наш педагог, повесил картины покойной в комнате психологической разгрузки, и эта аудитория превратилась в комнату Татьяны Алексеевны, не в трагичном, а в высоком, светлом понимании. Там мы пьем с ребятами чай, принимаем гостей, обсуждаем все наши дела, проблемы и вопросы.

Помню, я впервые обратил внимание на Татьяну Алексеевну, когда она привела в студию сына Максимку и рассказала мне, что у них вся семья – ху-

дожники: она, муж, дочь и старший сын. Мы разговорились, и я увидел в ней то, что так необходимо в нашей работе: любовь к детям и увлеченность профессией. Как-то незаметно и очень естественно Татьяна Алексеевна вошла в студию и вскоре стала у нас работать. Я уже писал о том, что первое время наши педагоги пытались делить детей на перспективных и не очень (сказывается привычка, точнее традиция наших учебных заведений). У Татьяны Алексеевны этот принцип начисто отсутствовал: как, пожалуй, никто другой, она самозабвенно работала с каждым ребенком, умела вытаскивать из него то чудо, что присуще только ему. Так, в Лере Локтиковой она увидела талант художника-флориста, интересного и оригинального, и сумела за короткое время развить его.

Ниже я представляю воспоминания о моем однофамильце, Сереже Галкине, который более двух лет учился в нашей студии.

Сережа Галкин

Совсем недавно, перед Новым Годом умер наш студиец Сережа Галкин. Сереже было всего 20 лет, 12 из них он провел в постели, обездвиженный тяжелым заболеванием – миопатия. Специалисты медики знают это заболевание, трагизм его последствий: сначала отказываются двигаться конечности (руки, ноги), потом болезнь как щупальцами захватывает все органы, и человек умирает.

В то время, когда мы познакомились с Сережей (и он стал заниматься в студии), юноша уже был почти обездвижен: двигались только три пальца правой руки, и этими тремя пальцами он творил чудо.

За свою уже немалую педагогическую практику я, пожалуй, не встречал более творческого человека, чем Сережа. Работы, которые он выполнял, искрились выдумкой и юмором, рисунки были сложные, выполнялись зачастую на нескольких листах. Когда мы стали изучать православный канон, видно было, как трудно дается юноше даже прямая линия, но какие же чу-

десные, глубокие образы стали выходить из-под его пера – они были не сутью техники, а выливались точно из самой души. Он не просто писал, а казалось молился с помощью красок и кисти. Оптимизм его был всегда очевиден, юноша как будто хотел подчеркнуть: не волнуйтесь, я не унываю и вам советую быть веселее. В наши трудные, для многих беспросветные дни не мы его, а, можно сказать, он нас поддерживал.

Никогда не забуду своего тяжелого состояния, когда стали закрывать наше отделение в университете. Поначалу все шло хорошо, бывший проректор по учебной работе В.А. Дербенев говорил, что для университета будет престижным отделение древнерусской живописи, тем более что студенты работают с самыми тяжелыми инвалидами. Но после внезапной гибели проректора все изменилось, а чиновники, обещавшие финансирование, стали пускать меня по своим бюрократическим кругам ада. Я был в состоянии стресса, и вот в это время наша студентка Аня Горелова, которая работала с Сережей, принесла его рисунки: голову Богородицы и Архангела Гавриила – настроение мое изменилось в одночасье. Помню, какое-то время я не ходил, а точно летал – если уж этот мальчик тремя пальцами смог сделать такое, говорил я себе, то неужели я не пробью чиновников.

Около двух лет занимался в нашей студии Сережа, и все это время он был для меня неким стимулом и одновременно загадкой. Мужество, с которым он переносил свое положение, поражало не только меня, но всех, с кем он соприкасался.

И вот он умер. Мы хоронили его в дождливый пасмурный день. Ровно 10 лет назад таким же хмурым днем схоронили старшего брата Сережи, 17-летнего Виталика.

Виталик встретил брата тихим смиренным взглядом с перламутровой фотографии, словно говоря: «Ну вот, наконец, я тебя дождался, мне было здесь так одиноко». Два брата умерли от одной и той же болезни.

У Хемингуэя есть афоризм: «Нет ничего печальнее пережить любимую». Глядя на родителей Сережи (когда опускали гроб их младшего сына

рядом с уже слегка осевшей могилкой старшего), я невольно возразил великому американцу: печальнее хоронить детей. И тем не менее, и тогда, и сейчас я говорю супругам Галкиным, моим однофамильцам, что Господь одарил их замечательными детьми, и что они их радость.

Я никогда не знал. Даже не видел Виталика, старшего брата Сережи, но судя по стихам, которые он писал, по письмам, которые показала мне его мама, Любовь Михайловна, оба сына были даром судьбы, были наделены, прежде всего, человеческими талантами.

Если в Сереже была задорная, веселая, подчас лукавая беспечность, то Виталик воспринимал свое состояние трагически. Это было борение титана мысли (иначе не назовешь этого юношу с зрелыми философскими идеями), закованного в немощное тело. Все свои 17 лет он как бы рвался из него, пытаясь достучаться до людей своими стихами. Не берусь судить о поэтических достоинствах стихов Виталика, но талант борца, человека очевиден.

Удивительно чуткая умная девушка – адыгейка Зарема Н., узнав о Виталике из радиопередачи, стала с ним переписываться. Прекрасные стихи, умные тонкие письма, необыкновенной глубины идеи поразили девушку. Увидев на подаренной фотографии сосредоточенное благородное лицо, она решила пообщаться с юношей: приехала к нему внезапно, без предупреждения. И эта встреча стала для обоих непоправимым ударом: он был сражен ее разочарованием и своим физическим ничтожеством, прикрытым тонкой простыней. Она контрастом между выдуманном образом и реальным его восприятием.

Внешняя сторона как бы уничтожила глубинную, сущностную. Молодость видит жизнь несколько иными глазами, чем зрелость. Переписка прекратилась, и, по словам родителя Виталика, он до конца своих дней переживал несчастную встречу.

Немного работ, стихов, рисунков, писем оставили после себя братья Галкины, но они – свидетельства, над которыми нам следует задумываться постоянно. Не забывайте, люди, что на земле есть горе, подумайте, что все мы

ходим под Богом, и не отталкивайте инвалида ни руками, ни словом, ни даже взглядом.

Наши педагоги

В деле воспитания, а тем более реабилитации детей-инвалидов роль педагога очень важна. В изобразительном искусстве он должен найти формы, которые станут самым эффективным средством в творческой реабилитации. Важнейшее качество реабилитолога, конечно же, – любовь к ребенку. Но кроме этого, он должен постоянно совершенствоваться и изучать не только ребенка, теорию и практику реабилитологии, но и самого себя. В наших условиях важно не уходить от трудностей и проблем, но постоянно преодолевать их. У нас не было того, что есть как данность в государственных учебных заведениях: бюджет, помещения, методический фонд. Работая в подвалах и полуподвалах, мы пытались компенсировать внешнюю неухоженность, даже неприглядность, ярким, декоративным творчеством, лаской, вниманием по отношению к детям.

«Ну что, солнышко, как дела?», «Радость моя, как у тебя получилось?» – эти ласковые обращения стали нормой в студии. У нас маленькие помещения, но они хорошо ухожены и оформлены. Коридор мы превратили в выставочный зал с подсветкой, которая усиливает эффект восприятия. Эстетика поразительно действует на человека. Дети в студии с удовольствием убирают, им нравится, что они сами следят за порядком, хотя у нас имеется техника. И в этом заслуга прежде всего педагогов. Не все педагоги у нас имеют высшее и даже педагогическое образование. Но формальная сторона вопроса не всегда существенна. Было два случая, когда я отказался от услуг педагогов с высшим образованием, потому что реабилитация требует любви к детям и стремления к самосовершенствованию, а, возможно, и много большего, а этого у них не было.

В студии со дня ее основания работает Галкина Л.Я., занятия которой стали едва ли не хрестоматийны. В Новотитаровскую, где она работает, к ней едут отовсюду. Отделение переполнено, и нам приходится объяснять вновь приходящим, что силы человека не безмерны. Много внимания уделяет профессиональной подготовке инвалидов нашей экспериментальной группы Руськин В.И. К сожалению, полгода назад скончалась его супруга Татьяна Алексеевна, которая поражала всех нас необыкновенной энергией. После окончания университета в студию пришли наши молодые педагоги: Оля Мехняк, Ю.Ложкина, Ю.Кондрашкина, А.Голубь, которые еще в студенческие годы получили опыт практической реабилитации инвалидов.

В настоящее время мы ставим вопрос о введении института реабилитологов в систему образования, ведь без них процесс масштабной социальной реабилитации невозможен.

Поездки и встречи

**Как мы узнали о гибели АПЛ
«Курск», первая поездка на Север**

Знаменательный 2000 год – год юбилейный. Тихий летний августовский вечер. Мы проводим сборы в санатории «Солнечная Поляна» в предгорье близ г. Апшеронска. Пора замечательная особенно в лесу: пахнет спелой дичкой груши, горьковатая хвоя сосны мешается со сладким привкусом боярышника. Рядом с санаторием, огибая его, шумит быстрая горная речка Серебрячка (так её называют местные жители). Мы сидим у входа в санаторий: дети, родители, педагоги. Вдруг сверху доносится информация по радио: затонула атомная подводная лодка «Курск». Больше 100 человек гибнут под водой. Мы невольно вздрагивает – настоящий шок. Так мы узнали о трагедии, которая затем вошла в жизнь страны, планеты и, конечно, нашей студии.

Все последующие дни нашего пребывания в Апшеронске мы пристально следим за всем, что касается трагедии «Курска». Каждое утро и вечер, когда передают информацию последние известия, все бегут к телевизору. Я уже не помню сейчас, кто из детей первым предложил передать икону в Видяево, но мысль о том, что это будет великомученик Николай, возникла у нас сразу, так как именно в это время прошла канонизация семьи Романовых.

В Североморске и Видяево

(Из записей 2000 года)

Флот на Севере считается элитой. Об этом мне рассказал помощник коменданта вокзала молодой худощавый лейтенант, который встретил нас в комендатуре, куда мы зашли прямо с вокзала.

Североморск небольшой, но достаточно ухоженный городок. Разбросан по горкам, как многие наши города, построенные быстро, наспех. Дороги зимой во время обледенения становятся очень опасны и ходят, и ездят по ним очень осторожно. Люди на севере проще, добрее южан. В основном это моряки и их командиры офицеры, а также члены их семей. Гражданских мало.

Возник город на месте одноименного поселка в 1951 году. Моряки считают Североморск столицей военно-морских сил. В лучшие годы в нем проживало до 70 тыс. человек. Сейчас значительно меньше. Квартиры сравнительно дешевые. Однокомнатная – пятьсот долларов, двух, трех комнатную можно купить за 600-700. Приезшему приобрести жилье нелегко. Нужна местная прописка. В центре города небольшой, но ухоженный и даже, я бы сказал, респектабельный дворец культуры офицеров (ДОФ), построенный в 1954 году, т.е. уже через три года после основания города. Жизнь в Североморске по-военному регламентирована и достаточно сурова. Заработную плату сейчас платят исправно, но её не хватает. Цены в коммерческих магазинах высокие. Люди вздыхают по прошлой системе военторга, когда всё было сравнительно недорогим и север снабжался много лучше.

Суровость Североморска чувствуется во всем, в первую очередь в близости Баранцева моря. Тяжелые свинцовые волны медленно накатываются на берег. Плещутся между причалами.

Серые валуны гор тянутся почти до горизонта, камень прямо таки лезет из земли. Можно сказать, что земли здесь почти нет. Только камень.

На высоком берегу против причала, где стоит госпитальное судно «Свирь», принимающее на борт до 450 больных, сваренная из металла, устранившая ввысь ракета. Чуть поодаль громадный памятник моряку североморцу с автоматом.

С заместителем главкома вице-адмиралом Доброскотченко В.Г. мы познакомились в Москве в Государственной Думе. Высокий плотный, военная косточка. Без поползновений к сантиментам и многословию он сразу согласился нам помочь.

Действительно в Североморске нас приняли хорошо, поселили на «Свирь», поставили на временное довольствие и даже выделили офицера капитана- лейтенанта В.С.Худого, который нам помогал и сопровождал в поездках в Мурманск и Видяево.

Сопровождавший нас капитан-лейтенант В.С.Худой оказался весьма интересным человеком. Он - замполит боевого корабля, вместе с тем член местного исторического клуба с оригинальным хобби: сшил на себя полную коллекцию царской военной одежды. Всё сидит на нем с иголки. Усы, тонкие красивые черты лица и особый офицерский лоск. Ну прямо человек из прошлого. Олег Грознецкий корреспондент ОРТ был очарован его видом: увидев его на фотографии в форме царского офицера загорелся, попросил принести форму и сделал съемки. Мы с Лешей тоже сфотографировались, хотя по размерам форма нам не подходила.

- У нас много творческих людей собираются вместе в нашем клубе, - рассказал Валерий Станиславович. – Основное наше увлечение – живопись, но льем медали, восстанавливаем нашу историю. Командование первое время даже не подозревало, что есть такой военно-патриотический клуб. Когда я показал свои портреты Николая II, мой командир разозлился, зачем ты это ничтожество рисуешь? Такое отношение к последнему императору результат воспитания по нашим учебникам. Но Худого В.С. это не остановило. Сейчас, как мне кажется, нет в Североморске человека лучше знающего историю и трагедию императорского дома, чем Валерий Станиславович, написавший цикл портретов Николая II.

В.С.Худой занимается живописью со школьной скамьи, но не профессионально. Тем не менее портрет Николая II, выполненный как копия с знаменитого серовского портрета, весьма неплох.

х х х

Вечером первого дня пребывания в Североморске мы встретились с капитаном «Свири». Анатолием Васильевичем Шкрабаном. Он оказался нашим земляком: более того, прослужив более 30 лет на Севере, купил домик на Кубани и все его мысли теперь были об этом домике и жизни на Родине.

- Я кубанский казак по корням своим и жена у меня казачка. Здесь нам на пенсии делать нечего, - пояснил он.

Анатолий Васильевич провел нас по судну, показал знаменитый капитанский мостик с множеством приборов и даже рубку штурмана, где вершится святая святых морского дела.

Мысленно я представил себе, как трудно вывести из залива такую машину как «Свирь» и ещё сложнее управлять в открытом море во время шторма. Мы попросили капитана сделать снимки на «Свири». Он любезно согласился.

Ирина Глебовна, медицинская сестра госпитального судна рассказала нам потрясающую историю. Спустя некоторое время после гибели «Курска», «Свирь» причалила в Видяево на том месте, где стояла подводная лодка. Моряки и медики вышли на палубу. Как вдруг из моря полыхнул столб света. Никогда такого не было, рассказывала Ирина Глебова. Все были в шоке, у меня по крайней мере был настоящий мистический ужас. Кто-то сказал, тогда что это души наших ребят выходят из воды.

х х х

На «Свири» мы познакомились с семьей Колесниковых, родителями Димы. Позже именно у него нашли прощальное письмо, которое он писал в гибнущем атомоходе.

Вся семья, можно сказать, – военная история. Папа, сам бывший подводник, сейчас на пенсии. Мама, бывшая учительница, но в семье глава именно она. Младший брат, тоже будущий подводник и сноха, вдова погибшего сына Димы, с матерью. Внешне первый удар они уже снесли. Никто не плакал, хотя смотреть на них тяжело.

После митинга вечером Колесниковы поехали на опознание. Процедура эта тяжелая, тем более, что прошло уже много времени.

Вечером мы встретились в кают-компании. Тяжело вздохнув, Ирина Иннокентьевна сказала, - Узнали мы Митю. Что уж. – Ужинали с водкой, пили за сына и всех погибших моряков. Подробности трагедии толковали по-

разному. Каждый день передавали что-то новое. Выстраивалось что-то страшное. Вносили свою лепту журналисты.

Было печально и грустно. Вообще весь Североморск в эти дни казался мне каким-то тихим и печальным. Люди понимали важность и торжественность момента и не нарушали его ни лишним словом, ни жестом.

х х х

В день траурного митинга капитан В.С.Худой пришел к нам на «Свирь» пораньше.

Мы с Лешей отправились на завтрак, как вдруг по громкой связи объявили, чтобы я срочно зашел в радиорубку. Звонил капитан первого ранга Колотов, ответственный за связи с религиозными и общественными организациями.

- Николай Николаевич, подходите в 11-00 к ДОФу (дом офицеров), автобусы из Видяево подойдут туда, и вы поставите там икону.

Утро было морозное и тихое. Погода как-будто тоже готовилась к трауру. Шел снег. Было морозно. Мы вынесли икону и поставили её у колонны ДОФа.

Офицеры и все кто проходил мимо невольно подтягивались под взглядом императора.

Подшли автобусы с родными и близкими погибших, и у нас невольно сжалось сердце. Вышли молодые и пожилые, женщины в черном, мужчины, дети. На лицах у всех глубокая печать горя. Обращал на себя особое внимание капитан первого ранга в форменной одежде. Он был особенно подавлен. На митинге ему дали слово и он с тоской сказал: «Мы вырастили хороших сыновей. Не наша вина, что всё так произошло».

Одна из проблем, о которой нам рассказали родные подводников, гражданские браки. Беременные в гражданском браке жены погибших, юридически не имеют никаких прав на компенсацию. В.И.Матвиенко обещала помочь решить эту проблему, но оказалось это дело сложное.

Ирина Юрьевна Лячина, вдова капитана «Курска» держалась очень достойно, но несколько особняком. Настоящая русская женщина. Рядом с ней постоянно находился командир дивизии Иван Иванович и мужчина в гражданском без головного убора, видимо, близкий родственник. На какое-то время к ним подошел командующий Северным флотом адмирал В.А.Попов.

Мы также подошли и выразили своё соболезнование. Вручили каталог, икону от Патриарха Ирина Юрьевна неожиданно расплакалась. «Спасибо Вам», - сказал адмирал В.А.Попов. Он крепко пожал мне руку и поблагодарил за участие в их горе.

История с иконой для Ирины Юрьевны Лячиной особенная. За несколько дней до приезда в Видяево мы решили просить благословения у Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго. Надежды на встречу было мало. Патриарх занятой человек и тем не менее мы решились.

В Государственной Думе зашли к заместителю председателя комитета по международным делам Л.Э.Слуцкому и он сразу согласился и поддержал нас. Тут же перезвонил руководителю регламента Патриарха отцу Владимиру Назаркину.

– Хорошо пусть сегодня подъедут ко мне в Свято Данилов, - передал отец Владимир. Вечером мы были в канцелярии Свято Данилова.

– Вы знаете, к моему удивлению, Святейший согласился, - сказал о.Владимир, - Итальянский посол уже месяц не может попасть на прием. А Вам назначено на завтра.

Патриарх принял сначала меня, потом всю нашу группу и вручил нам для Видяево несколько икон. Одну из них передали Ирине Юрьевне Лячиной.

х х х

На следующий день после митинга мы уезжали. Тепло простились с Колесниковыми, подошли к командиру «Свири» и главному врачу госпитального судна. Все нам желали здоровья. Я позвонил вице-адмиралу

В.Г.Доброскоchenko. Он поинтересовался подъехала ли машина. До Мурманска нас проводил капитан-лейтенант В.С.Худой. Перед отъездом мы собрали сувениры: осколки серых скал, которые долго пахли морем и суровой природой Севера.

Так завершилась наша первая поездка на Север.

Соловки – Видяево – Карелия

Эти три места, которые мы посетили в 2001 году почти в одно время, тесно связаны, но, пожалуй, начинать нужно с Апшеронска. Этот небольшой провинциальный городок в 3-х часах езды от Краснодара оказался поначалу едва ли не случайностью в судьбе студии. В 2000 году (год канонизации Велikomучеников Романовых и гибели «Курска») нам дали в санатории «Солнечная поляна», расположенном в самом Апшеронске, 40 путевок для детей и педагогов. Была еще жива Татьяна Алексеевна Руськина, инициативный, очень творческий педагог, которая сумела очень интересно организовать работу детей в санатории. Стояла чудесная погода – великолепное лето в лесу и горах, близ реки Серебрянки, мутноватой, с прохладной, быстро бегущей водой, омывающей крутые берега из голубой глины и отвалы каменистых пластов в горах, содержащих серебро (почему река и называется Серебрянкой). Как вдруг, словно гром среди ясного неба – гибель «Курска». Мы, как и все, были просто шокированы, точно парализованы – прилипли к экрану единственного телевизора в санатории. И когда трагедия совершилась, решили написать и отвезти в Видяево икону.

Первый раз мы сделали это в октябре 2000-го: это был апофеоз трагедии, когда достали первые тела моряков. Но спустя девять месяцев нас пригласили на торжественную панихиду, посвященную годовщине гибели подводной лодки. Конечно, мы тщательно подготовились: организовали группу из 8-и человек, взяли несколько икон, в том числе икону великомученика царевича Алексия. Поначалу решили заехать на Соловки, чтобы в святом месте

освятить иконы. Перед поездкой на Соловки с помощью депутата Государственной Думы Слуцкого Л.Э. мы попросили аудиенции у Патриарха Алексия II. Он принял нас, благословил, а затем мы встретились в Архангельске с Владыкой Тихоном, молодым 39 летним Епископом. От него на Соловки позвонили и нас встретили в Монастыре как паломников.

Ехали мы через Кемь, где на берегу Белого моря расположена маленькая деревянная обитель, святое место поморов Севера, тихое и очень благодатное. Везли нас на Соловки на катере в сырую со срывающимся дождем погоду. Икону царевича Алексия поместили в каюте, где архиерейский детский хор г. Ростова (также паломники) всю дорогу (а это 2,5 часа) исполнял песнопения из литургии. Белое море, к нашему удивлению, оказалось не белым, а абсолютно черным как мазут или чернила. По фарватеру на всем пути к Соловкам из воды выступают как горбы громадных китов каменные глыбы.

Появление Соловков среди моря воспринимается как нечто грандиозное, почти эпическое и даже сказочное. В душе возникает не только и не просто восторг, а что-то большее, вплоть до преклонения перед великой русской историей, историей даже не государства, а просто могучих героических людей, наших предков. Ведь это действительно простые люди, монахи, рыбаки открыли и основали далеко в суровом Белом море чудо, которое затем стало называться Соловками. Впечатляет на Соловках все: и могучие стены с громадными каменными глыбами (ровесниками средневековой истории), и проржавевшие кровли, и купола церквей, которые нынче быстро восстанавливаются и, безусловно, музей как отражение истории Соловков – героической и трагической, где портреты великих мудрецов почти наших современников (священника отца Павла Флоренского и Д.С.Лихачева) бережно хранятся.

Приехали на Соловки мы в жестокий холод: шел дождь, дул холодный, пропитанный морскими запахами, северный ветер. Но постепенно природа словно оттаяла – на следующий день тучи раздвинулись, сквозь голубые прогалины выглянуло солнце, и скоро мы вынуждены были снимать теплую одежду. Устав на Соловках суровый, не только для монахов, но и для всех

приезжих, в том числе паломников. Меня заставили послушничать (белить, красить, подметать), а остальные как художники рисовали. Кормят паломников, как и всю братию, просто, но очень вкусно и сытно – нигде, пожалуй, не готовят так вкусно как на Соловках.

Утром, во время богослужения в храме, я неожиданно встретил нашу землячку из Краснодара, матушку Зосиму, руководителя канцелярии владыки. После службы мы поговорили, оказывается, матушка каждый год ездит сюда молиться к своему покровителю, святому Зосиме, одному из основателей Соловков. Пожалуй, первый и единственный раз в жизни я приложился к мощам святого без всяких стеклянных перегородок – прямо к косточкам – ощущение было пронзительно впечатляющим.

Соловки оставили след в наших душах на всю жизнь. Каждый из нас вынес с Соловков что-то свое: значительное, печальное, трагическое, где-то романтическое, даже в мелочах. Например, нежный цветок среди суровых каменных глыб в монастырской стене, или вид молодого монаха на крыше обители в мечтательной позе ежедневно после вечерней литургии. На Соловках постоянно проживает 1000 человек, из них 37 монахов на весь монастырь и острова. Но ежегодно сюда, особенно в летний сезон, тянутся паломники: каждый день по 150–200 человек. Они помогают приводить в порядок монастырь, дороги, ветхие строения. Работают, молятся, исповедуются. Соловки – некий канал очищения. Хорошо бы побольше таких каналов.

На Соловках у нас было несколько замечательных встреч не только с монахами, но даже со знаменитым генералом Коржаковым, также посетившим в это время монастырь. Он произвел впечатление спокойного, выдержанного и очень искреннего человека. Из встреч с монахами особенно запомнились две: с наместником, мощным, кряжистым, рыжеволосым – настоящим русским мужиком-помором, отцом Иосифом, и маленьким, худеньким отцом Германом, которого наш Владыка Исидор в свое время постриг в монахи. Последний пригласил меня в келью, и мы с ним долго беседовали о нашей и его жизни в монастыре, о суровой монашеской схиме, которая не зря называется

подвигом, т. к. выдерживают ее не все. На прощание о. Герман подарил нам по две иконки, освященные в монастыре.

Уезжали с Соловков мы в теплый солнечный день. Накануне я искупался в Святом озере и весь был точно пропитан зарядом бодрости и благодати. Катер мощно резал черную морскую волну, вдали, там и сям, сверкала на солнце выскакивавшая из воды белорыбица. Настроение было благостное и мирное. Монастырь и остров медленно таял в тумане. Впереди были новые встречи.

Видяево

В Видяево мы были дважды. Первый, как я уже писал, в октябре 2000, когда из погибшей подводной лодки достали первые тела моряков, в том числе Дмитрия Колесникова, написавшего предсмертное письмо своей молодой супруге. В тот раз мы приезжали в Видяево по личному приглашению адмирала В.Г.Доброскоченко, заместителя командующего Северным флотом, которого встретили в трагические дни в Государственной Думе. Нас хорошо приняли, даже закрепили за нами молодого капитана подводника. Второй раз мы были приглашены на годовщину гибели атомной подводной лодки, о чем я написал в своем дневнике.

Выдержки из дневника

Видяево – небольшой поселок: несколько жилых домов, ДОФ (дом офицеров), вокруг которого в эти трудные дни строится вся жизнь. За 10 километров от поселка гавань с причалом, где базируются подводные лодки – святая святых флота. На 10-м причале, там, где обычно стоял «Курск» сейчас находится знаменитое госпитальное судно «Свирь», громадный плавучий госпиталь (аналогов в мире нет). Первый раз нас принимали здесь год назад. Его команда – истинные патриоты своего корабля, и особенно, что меня поразило, женщины. В то время все еще были в шоковом состоянии после гибели

„Курска“, но нас приняли как своих. Здесь мы живем, сюда же поселяют прибывших родных и близких, погибших североморцев. Поселок Видяево до трагедии был (особенно жилые дома) в жалком состоянии. К годовщине все уже приведено или приводится в порядок.

Нам разрешили сделать зарисовки, и ребята, вооружившись бумагой и карандашами, разошлись по гавани вокруг новенькой бревенчатой часовни, которая пахнет смолой и свежими красками. Она небольшая, но удивительно вместительная, внутри – иконостас. Периодически сюда приезжает о. Сергей, местный молодой священник, он не монах, но похож на монаха: тонкое бледное лицо, черные длинные волосы, худощавый и стеснительный. Каждый день о. Сергей проводит службу. Рядом с часовней лежит большой гранитный камень с надписью, посвященной североморцам.

У берега 10-го причала, «нашего», как мы его называем, во время отлива остаются морские звезды. Я подобрал одну четырехпалую, мутантку. С двух стареньких подводных лодок, которые уже не ходят в море, а ждут утилизации, моряки ловят рыбу и крабов. Вечером студийцы, вернувшись с прогулки, восторженно рассказывали о том, что крабы здесь просто чудо, громадные, с большую сковороду.

Мы не устаем восхищаться северной природой – суровой и величавой. Гавань, «Губа – глубокая», метров восемьдесят, в любую погоду здесь ясно и тихо, почти уютно.

10 августа мы принимали участие в поминках, которые устроили родители погибших моряков. Мама молодого офицера Алеши Шевчука, Наталья Николаевна, читала свои стихи. Все матери плакали – для них не важны ни стиль, ни рифма, это их боль, крик души. Нам подарили два конверта со стихами. Все с благодарностью принимают наши каталоги.

Вечером вернулись из Мурманска студийцы, встречавшие очередную группу родителей погибших «курян». Ребята, как могли, утешали прибывающих, отбиваясь от назойливых журналистов.

11-го мы вручаем экипажу «Свири» икону св. Николая Чудотворца.

У нас в Видяево уже много знакомых – встречаются, пожимают руки, офицеры приглашают к себе домой. Все это очень искренне и тепло.

* * *

Сегодня мы торжественно, в присутствии священника о. Сергия вручили икону св. Николая Чудотворца команде «Свири». Отныне в наш Совет попечителей вошла и команда «Свири». После обеда мы продолжили портретный цикл несколькими портретами моряков со «Свири» и о. Сергия.

Утром я разговаривал с Сергеем Аркадьевичем, отцом погибшего подводника Телегина. Он сам капитан первого ранга, опытный моряк. Я помню его подавленность в октябре прошлого года. Тогда он выступал на торжественной церемонии и сказал: «Мы вырастили хороших сыновей, не наша вина, что так получилось».

Существует много домыслов о причинах трагедии. Родителей и близких возмущает публикация, промелькнувшая в какой-то газете о том, что на подводной лодке начался бунт, который и послужил причиной случившегося.

Конечно, трагедия, как шип или рана в сердце, едва ли она когда-нибудь заживет. Вчера приехала новая семья, зашли в каюту, где мы поминали моряков, все поднялись, обняли вновь прибывшую маму и зарыдали.

* * *

Сегодня пошел дождь. Мы были в часовне, но поспешили вернуться на «Свирь».

Вода в заливе прозрачная, дно покрыто большими глыбами, на которых местами зацепились длинные причудливые водоросли и большие, в ладонь, морские звезды. Подводные лодки, точно спины громадных китов, выступают из воды. На поверхности видна только часть подводной лодки, примерно четверть, остальное под водой.

* * *

Экипаж очень серьезно воспринял вручение иконы. В связи с вручением капитан попросил батюшку освятить «Свирь». Тот ответил, что для него это большая честь, но он должен получить благословение владыки.

14-го «Свирь» снимается и идет в море, туда, где поднимают «Курск»...

О причинах трагедии говорят разное, но все сводится примерно к одному: произошел внутренний взрыв. Часть экипажа погибла сразу, но вот почему так преступно медлили со спасением другой, – здесь остается много вопросов, ведь первоначально расстояние до поверхности воды, когда лодка еще не легла на грунт, было всего 40 метров.

Среди родителей твердое убеждение, что не только Дима Колесников, но и все, оставшиеся в живых, писали родным письма. В этом есть своя логика, хотя, кто знает, что было на самом деле.

* * *

Налетел легкий ветер, по заливу пробежала рябь. Плавные изгибы гор, окружающих бухту, напоминают тела громадных подводных лодок. С утра свинцово-серое небо сеет дождем. Хмуро и уныло, и у всех плохое настроение, все-таки от погоды тонус или повышается или понижается.

На «Свири» четкая связь: с утра до вечера во всех помещениях громкие сообщения, работает радио, в основном «Маяк»; передачи «Маяка» прерываются сообщениями по кораблю.

* * *

Сегодня в 16.00 открыли мемориальную доску на школе № 1 в Видяево, где учились многие из погибших. Если предшествующие дни были ясными, теплыми и солнечными, то сегодня с утра пошел дождь. Природа точно в унисон траурному настроению, испортилась. Когда дождь усилился, мы зашли в часовню, где Татьяна Алексеевна и Ира Воронцова писали портрет о. Сергия. Людей в часовне битком. Наша икона св. Царевича Алексия стоит у боковой стены слева, к ней подходят, крестятся. О. Сергей благодарен вдвойне: и за икону, и за чудесный портрет, который пишут Татьяна Алексеевна и Ирочка

В 15.30 поехали на митинг. Людей собралось много – автобусы привезли всех, кого расселили на «Свири» и в гостинице в Видяево. Почетный кара-

ул, духовой оркестр – все эти атрибуты присутствовали; раздавали по 2 гвоздики. Мы подошли к директору школы и вручили наш каталог.

Адмирал В.Г.Доброскоченко, который принимал торжественный парад и руководил митингом, тепло с нами поздоровался. Он заметно волновался. На митинге выступили представители командования, родители, друзья и бывшие одноклассники погибших «курян». Наталья Николаевна, мать Алеши Шевчука, прочитала свои стихи. Родные плакали так же, как на поминках.

Когда все уже стали расходиться, мы подошли к Ирине Юрьевне Лячиной. На митинге она была с дочерью, высокой красивой девушкой, и сыном, белокурым морским офицером. Ирина Юрьевна нас не только узнала, но и рассказала необыкновенную историю о той иконе, которую мы ей поднесли от Патриарха в октябре прошлого года. «Мне кажется, что она, когда я молюсь, оживает, – сказала Ирина Юрьевна. – Может мне это кажется? Не знаю».

* * *

В день памяти нас пригласила в гости семья Алеши Шевчука – Наталья Николаевна и Владимир Николаевич. «Вечером у нас будет поминальный ужин, – сказала Наталья Николаевна – соберутся только свои».

После обеда мы наконец-то договорились посмотреть подводную лодку «Воронеж», полный аналог «Курска», и сильно задержались. В 8 вечера я предложил позвонить Шевчукам и извиниться за то, что мы не смогли к ним приехать, но неожиданно на «Свири» появился сам Владимир Николаевич. «Мы поняли, что у вас что-то не стыкуется, – сказал он, – и решили сами приехать за вами». Вечер мы провели в воспоминаниях об Алеше и о жизни на севере.

После гибели «Курска» у Натальи Николаевны был тяжелейший инсульт. Все деньги, которые выдали за Алешу, пошли на лечение мамы. Она прошла курс лечения на Филиппинах у знаменитого Хиллера, целителя, который делает сложнейшие операции без медицинских инструментов и оборудо-

вания, одними пальцами. Нам показали потрясающую фотографию момента операции.

Прощались мы как родные. На «Свири» меня остановил папа моряка Кокурина, простой русский крестьянин, чуть подвыпивший, но сохранивший и достоинство, и понимание трагедии. «Тяжело, Николаич, – пожаловался он. – Один сын у меня». Он стал рассказывать о своем житье-бытье в Казахстане, о сложностях, с которыми всегда сталкивался в жизни в силу своего прямого, непримиримого характера. Потом спохватился: «Господи, да тебе пора спать, уже три. Я тебя разбужу». Действительно, в половине пятого, он постучал к нам в каюту и проводил до автобуса.

Так закончилась наша поездка в Видяево.

Карелия

Снова дорога, Карелия, с ее соснами и чудными озерами, обрамленными каменистыми берегами, поросшими необычной карельской сосной, березой (там и сям выступающими из глади озер крохотными островками) и розовым «Иван – чаем», бегущим бесконечной плантацией вдоль железной дороги, а впрочем, – всюду, где он может и хочет зацепиться, этот нежный оккупант русского севера.

В дороге я с интересом наблюдаю за детьми и педагогами. Каждый ведет себя по-своему.

Антон Сенной – худой, сутулый, молчаливый. В нем многое от монаха-отшельника. Залег на верхнюю полку, почему-то отказался от белья. Думает, что-то в нем зреет.

Ирочка Воронцова – очень необычный человек. Худенькая, белокурая, ясные голубые глаза, как говорят, чистый взгляд. Она инвалид, и жизнь ее обусловлена всеми проблемами инвалида. Она родилась глухой, без правой руки. Рано осознала свою ущербность и как бы отстранилась от общества, тем не менее, не потеряла к нему интереса. Она много читает, наблюдает. Очень

нервная, раздражительная, но у нее два больших таланта – художественный и необыкновенное трудолюбие. Ее странности (весьма экстравагантна в своем поведении) не мешают ей тонко понимать и воспроизводить природу, видеть и передавать характеры людей, сочувствовать, сопереживать им. Вот почему мы взяли ее с собой в Видяево и на Соловки. Всю дорогу, везде, где только можно, она рисовала: в поезде, на катере, в монастыре, в храмах. Доходило до казусов, когда она, увидев из каюты начальника госпиталя «Свири» интересный пейзаж, решила на время вселиться в его кабинет. Мы попытались объяснить деликатность ситуации, и с большим трудом нам это удалось. Ира очень понравилась за усердие капитану «Свири». Он подписал и сам вручил ей фотографию госпитального судна. Девушка растрогалась и также подарила ему портрет, выполненный в карандаше.

Леша Самедов, как обычно, занят общением – бегают по судну, суетится, вручает наши каталоги.

Леша Руськин, сын Татьяны Алексеевны и Василия Ивановича, учится на последнем курсе художественного училища, ко всему присматривается, и не торопясь, выдает прекрасные графические работы: виды «Арья-Губы», катеров, подлодок.

Татьяна Алексеевна, наш педагог, работает феноменально. Кажется, она впитывает глазами всё, и ее руки едва за ней поспевают. Соловки, Карелия так потрясли ее, что она едва ли оправится от этого потрясения, и долго еще будет рисовать пейзажи с островами, перелесками, елями и голубыми озерами-зеркалами, отражающими небесную синь. Никто из нас не знал в то время, что не пройдет и года, как Татьяна Алексеевна уйдет из жизни. Но это, увы, произошло...

На Соловках у меня родилась, а точнее оформилась целая программа работы с инвалидами-ампутантами. На протяжении многих дней и месяцев я очень близко наблюдал нашего студийца Лешу Самедова. Инвалидам как он: тем, кто родился или, в силу разных обстоятельств, лишился верхних конечностей, очень трудно в жизни. При всей Лешиной энергии, универсализме,

адаптированности, он каждый день оказывается в десятках ситуаций, где бывает просто беспомощен. Супруги Руськины очень удачно продумали алгоритм работы с такими, как Леша. Он сумел сделать несколько очень неплохих работ ногами. Жаль только, что ленится и любит больше болтать, чем работать.

«Кинотаврик»

После нашей поездки в Видяево, на Соловки, на исходе лета мы неожиданно очутились в знаменитом реабилитационном комплексе «Орленок». Там проходил детский праздник, и мы получили приглашение сделать выставку. Организатором этого замечательного детского мероприятия стала супруга представителя президента в Южном федеральном округе Т.В.Казанцева. Я никогда раньше не видел Тамары Валентиновны, только слышал о ней как об известном общественном деятеле, который опекает детей Юга России.

По приезду в «Орленок» мы разместились в удобном коттедже прямо на берегу моря и оформили выставку в Центральном клубном помещении комплекса. Зал был большой, светлый и выставка получилась многоярусной, необычной по расположению экспозиций. На фестиваль приехали не только дети, но и взрослые творческие коллективы и, в частности, – знаменитый вокальный ансамбль «Лазорик» из Ростова.

В течение нескольких дней наша выставка оказалась в центре внимания всего комплекса. Пожалуй, никогда у нас не было столько посетителей, как в то лето в «Орленке»: за несколько дней их побывало более двух тысяч, и наши студийцы превратились в настоящих гидов.

– Ваша выставка меня прямо потрясла, – говорила позже Тамара Валентиновна Казанцева.

В те сказочные дни в «Орленке» мы обрели новых попечителей из аппарата Южного федерального округа: Елену Степановну Камышную, Наталью Валентиновну Корчагину, которые нам много помогли.

В октябре Тамара Валентиновна пригласили нас на первый международный фестиваль детских и юношеских фильмов «Кинотаврик» в Сочи, где мы встретились с супругой президента страны Л. А. Путиной. Среди прочих встреч эта была самой яркой и ответственной для детей. В течение почти часа мы показывали Людмиле Александровне наши работы, делились надеждами, чаяниями. Мы смеялись, строили планы, обменялись подарками и позже Людмила Александровна помогла нам в главном - в организации отделения при университете. Теперь у студии есть перспектива - в профессиональном художественном образовании детей. 26 декабря я получил приглашение на прием в Кремль, где Людмила Александровна, говоря о студии, отметила: «Наверное, нигде в мире нет такой организации инвалидов, где бы дети были так радостны, заряжены энергией и творчеством». И это для нас самая высокая оценка.

2001 год стал своего рода звездным для нашей работы. Мы обрели реальную поддержку дальнейшей творческой работы.

Краснодар–Москва–Париж–Хельсинки

Наш юбилей

2003 год стал годом нашего юбилея. Если говорить о выставках, этот год тоже был необычный. В марте мы совершили поездку в Париж, в декабре завершили год выставками в Финляндии, в промежутке сумели провести выставку в Государственной Думе и издать наш лучший альбом-монографию «Русская православная икона». Все это вошло в юбилейный цикл **«Инва-Студии» – 10 лет».**

Три дня распятия

Пожалуй, самыми тяжелыми днями в моей студийной жизни были три дня сидения в Минске перед поездкой в Париж. Причины этого сидения были две. Первая и основная – это то, что мы опоздали с оформлением документов для виз. Я уже писал о том, что родители не собрали вовремя необходимые справки и передавали документы с детьми даже в автобус, когда он уже ехал в Минск. Мне было жалко детей: Максима Золотоверха из Новотитаровской, маленького худенького, но очень способного и трудолюбивого мальчугана; запоздала с документами и Ирочка Воронцова, наша главная труженица, девочка-ампутант, к тому же глухая. И некоторые другие ребята. Я не стал исключать опоздавших из группы. Родители позже извинились, но это не облегчило положения, мне досталось от таможенников по полной программе. Второй причиной было то, что я, руководитель группы, имел несчастье родиться в Чечне, да еще в селении, где проживал и проживает клан бывшего президента Чечни, генерала Дудаева. При оформлении документов это сразу же насторожило работников французского посольства, и они передали сведения во Францию, там, в свою очередь, – в Интерпол. Когда мы приехали в Минск, ситуация выглядела почти провальной. Группа разместилась в гостинице, виз не было, и нас могли вообще отправить назад. Атмосфера была накалена до предела. Особенно бушевала одна родительница, которая всегда чем-то бывает недовольна: «Зачем нас привезли! Оторвали детей от учебы, сплошное издевательство!» Я должен был помимо борьбы за поездку вытер-

петь в эти дни и осуждающие взгляды и прямые выпады. Даже тех, кого я пригласил в поездку как группу сопровождения: журналистку, предпринимателя, врача.

И все же, несмотря на все проблемы, во мне была уверенность, что нам в конце концов дадут визы, и все кончится благополучно. Проверки Интерпола я не боялся, никогда и ни в чем (тем более в международных делах) вины за собой я не знал. Необходимо было преодолеть бюрократический барьер. Все три дня я звонил в Министерство в Москву, в Государственную Думу, в посольство в Минске, по всем инстанциям, где можно было только получить поддержку. Позвонил даже руководителю протокола Л.А.Путиной, которая нас хорошо знала, и она также подключилась к решению нашей проблемы. За три дня я только по своему сотовому телефону наговорил на 17 тысяч рублей. Телефон был благотворительный, и я не понимаю до сих пор, как его не отключили раньше, ведь нам выделяли на месяц всего три тысячи рублей. Светлана Николаевна Донских, предприниматель из Ростова, прекрасной души человек, за эти дни так расстроилась, что заболела. По этой причине она не смогла поехать с нами в Париж. Когда на обратном пути мы показали ей фотографии наших встреч в культурной столице Европы, она не поверила: поездка оказалась не только благополучной, но, сверх всех ожиданий, просто блестящей. «Как вы все выдержали?!» – долго удивлялась она.

Лично для меня эти три дня были днями, как я их назвал, распятия. За три дня я почти не сомкнул глаз. Когда мы пересекли границу Польши, напряжение спало; чуть позже сон свалил меня. Была чудная ночь, мы ехали по ночной Варшаве, и мириады неоновых огней врываются в окна автобуса. Периодически просыпаясь, я видел странный полусон, полуреальность в виде сказочного города и чудесной дороги. Так и осталась в моей памяти ночная Варшава – почти виртуальным явлением.

«Инва-Студия» в Париже

(из заметок о поездке)

Я рассматриваю фотографии, которые только что сделали в фотоателье, и мне не верится, что это было с нами. Четыре дня, которые мы провели в Париже и столько же в дороге к нему, кажутся неправдоподобными, но факт остается фактом: сбылась мечта детей, сбылась моя мечта – дети-инвалиды провели свою выставку в культурном центре Европы. Их пригласили официально, через посольство. На выставке побывало не менее 20 тысяч человек, так мне сказали организаторы. Но самое удивительное то, что нам оказали честь своим посещением супруга президента Франции мадам Ширак и вдова умершего много лет назад президента, соратника великого де Голля, Жоржа Помпиду, мадам Помпиду.

Театр «Шатле», где проходит наша выставка, необыкновенный. Здесь в начале прошлого столетия великий Сергей Дягилев организовал знаменитые «Русские сезоны». Сцена театра видела гениальную Анну Павлову, несравненного Михаила Фокина. Бюст Дягилеву недавно установили у входа в театр, он выполнен из светлой бронзы в стиле модерн и прекрасно отражает характер русского деятеля культуры.

Наши иконы и художественные работы расставлены на этажах холлов, в выставочных витринах на красивых подставках. Французы толпятся вокруг работ студийцев и выражают нам свое восхищение. Нам приятно чужими глазами видеть свою выставку. Мы видим её здесь, наверное, несколько иначе, чем в студии – более значительно, что ли. Ведь это достижение: 10 лет нашей работы – тяжелой, но интересной и творческой.

Мадам Ширак и мадам Помпиду вели себя на встрече очень просто, даже с некоторым почтением.

«Как чувствуют себя дети? – спросила мадам Ширак. Она уже знала, что мы ехали автобусом. – То, что я вижу просто замечательно!»

Мы говорили о серьезных вещах и не очень, шутили, даже смеялись. Потом поднесли супруге президента подарки: икону «Спаса», каталог и, выполненную из стекла учениками Л.С.Мозжелиной композицию «Песнь песней Соломона» – работа с глубоким смыслом.

После посещения выставки и встречи с детьми все пошли в концертный зал, где состоялся концерт маэстро В. Спивакова, нашего большого друга и попечителя. В этот вечер он был в ударе и играл просто гениально, ничего подобного я прежде не слышал. В зале стояла полная тишина. Музыкальная элита Парижа, крупнейшие политики, практически все министры были на концерте, в концертной программе звучали самые сложные произведения для скрипки, фортепиано и виолончели.

Концерт был уникальным, эксклюзивным, как сейчас говорят, публика восторженно приветствовала маэстро и его коллег. Акустика зала тоже была прекрасная, ведь чистота звука дает возможность понять все особенности произведения, каждый его нюанс, и даже самый тихий звук воспринимается отчетливо и емко.

Концерт воспринимался мною так: в первой части – глубокая духовная тема, сотворение мира, постижение человеком Бога, страдания и любовь Иисуса Христа. Во второй – сложные философские размышления: что есть жизнь, зачем дана она человеку, как он готов воспринимать то, что даровано нам свыше? Конечно, интерпретация в искусстве, тем более в музыке, дело сложное, но я понял концерт именно так.

После концерта Спивакова и его коллег долго не отпускали. Кричали «браво», аплодировали, заставили сыграть на бис.

За кулисы к маэстро поднялась мадам Ширак. С необычайной теплотой Владимир Теодорович принял нашу группу и с благодарностью наш подарок – картину, написанную Лерой Локтиковой специально для маэстро, «Скрипка Спивакова».

Четыре дня в Париже это и мало, и много. Мы выезжали из отеля утром и возвращались вечером – посетили Лувр, знаменитую галерею современной

живописи Д'Орсе, гуляли по набережной Сены и по ночному городу, сделали сотни снимков, но, главное, почувствовали очарование Парижа, его аромат, не сравнимый, пожалуй, ни с одним городом мира. Искусство, эстетика, творчество и какая-то необыкновенная свобода – суть Парижа, все это буквально разлито по его улицам.

В Париже была весна, цвели деревья, нежный запах кружил детям головы. Никому не хотелось, несмотря на усталость, возвращаться в гостиницу – дай волю, и могли хоть всю ночь оставаться на улицах. Все были в каком-то восторге, смешивались с толпой и наслаждались Парижем, как какой-то необыкновенной сказкой или чудом: смеялись, радовались, делились впечатлениями. Леша Самедов за эти дни так освоился в новой обстановке, что нашел себе друзей даже в Лувре – зная два-три слова, нахально вел беседы на самые сложные темы.

Нам провели платную обзорную экскурсию по Парижу. Центр Парижа очень небольшой, всего девять на двенадцать километров. И мудрые французы не рвутся в небоскребы – все, что касается высотных домов, вынесено за черту города. В центре Парижа чистый воздух, нет выхлопных газов. Каждое здание – это шедевр архитектуры и скульптуры, всюду чтут Наполеона, ведь это он создал Париж таким, какой он есть – собрал 200 лучших архитекторов и поставил задачу построить лучший город Европы.

По пути в Париж мы останавливались в Берлине. Удивительно чистый и красивый город, но не Париж. Даже если бы никто не знал истории культуры Франции, ее столицы, Париж все равно воспринимался бы Парижем: он – поэзия, и, конечно, музыка в камне.

Уезжали мы поздно вечером после знаменитого концерта маэстро Спивакова. Провожало нас до автобуса все руководство театра «Шатле», строгий седовласый господин Броснан, изящный, очень светский Жан Брижжи, нежная и грустная мадам Фонтен, которая отвечала за организацию нашей выставки. В дорогу детям положили вкусные бутерброды, сладости и сувениры с надписью «Театр Шатле».

Самое большое впечатление в Париже на нас произвели, конечно же, Собор Парижской Богоматери и Лувр. Символом Парижа считают Эйфелеву башню, но она, мне кажется, лишь внешний символ, сердцем Парижа остаются Собор Парижской богородицы и Лувр.

Выставки в Финляндии

Идея проведения выставок в Финляндии возникла у советника депутатской группы по Финляндии А.И.Белова, когда он посетил нашу выставку в Государственной Думе в марте – апреле 2003 года, т. е. сразу же после нашей парижской поездки. Он подошел ко мне после открытия выставки и сделал деловое предложение: помимо выставки мы должны были написать икону св. А. Невского для церкви при ген. консульстве в г. Турку и передать ее настоятелю во время поездки. Мы обсудили проект, Александр Иванович внес предварительную сумму (примерно через месяц), и я расплатился с Евстратовой Е.И., которая дала нам займы 800 долларов сразу же после Парижа на долги.

Конечно, поездка в Финляндию была легче и приятнее, чем в Париж. Она прошла практически без проблем. Всё было сделано вовремя. Мы провели на родине деда Мороза несколько выставок в городах Пори, Турку и в самой столице Хельсинки. В Пори была небольшая выставка. Нас встретили в местном православном храме русский священник и две женщины нашей русской миссии.

В тот же день мы приехали в пригородный пансионат в г.Турку, где прожили несколько дней, совершая поездки в город. Выставка в Турку проходила в Российском Ген.консульстве.

Генеральный консул Валерий Валерьевич, высокий худощавый мужчина в очках, неизменно предупредительный и деликатный сам помогал носить и расставлять иконы. Ему помогала его супруга, тоже высокая белокурая женщина, и все, кто был в это время свободен в Ген.консульстве. Выставку мы оформили достаточно быстро. Центральную часть зала в форме иконостаса

са. Зал небольшой, но с высокими потолками и достаточно светлый, при появлении икон в таком большом количестве стал походить на храм.

Все, кто заходил, восхищались. На нашу удачу в эти дни в Турку оказался ректор Санкт-Петербургской духовной Академии, невысокий чернявый владыка, который принял участие в открытии. Людей на открытии собралось много, в основном члены русской диаспоры, хотя были и финны, в частности супружеская чета с мужем, финским священником, которого привела на открытие жена, бывшая русская россиянка, ныне гид в средневековом замке г.Турку, с которой мы познакомились во время экскурсии в замок. Ей так понравились наши дети, что она любезно согласилась придти на наш праздник.

На выставке прозвучало много лестных слов в наш адрес, но главное было сказано: такие выставки важны тем, что сближают народы. Для наших отношений с Финляндией это особенно актуально, т.к. у финнов после того, как они долгое время были на колониальном положении в России, остался нехороший осадок. Финляндия произвела на нас очень приятное впечатление. Какой-то хорошей простотой, безыскусственным порядком, близкой нам Северной природой с березами и елями. Каждый день мы проезжали на автобусе среди ухоженных полей и лесов. По краям полей белели заготовленные в вакуумной упаковке травяные корма для животных. Здесь никто их не брал, не воровал. Строения, фермерские дома, даже отели на дорогах очень сильно отличались от западно-европейских: всё было просто, недорого, но сделано в высшей степени добротнo и удобно. Цены довольно высокие, но нас кормили и поэтому никто не почувствовал на себе этих высоких цен.

Средневековый замок в т.Турку произвел на детей сильное впечатление. Гиды, вся обслуга в замке были одеты в средневековые одежды и это усиливало эмоциональное воздействие. Дети фотографировались на фоне экзотических экспозиций, а в конце экскурсии сделали общую фотографию в декоративных золотых коронах. Хельсинки и выставка в Российском культурном центре были последним этапом нашего путешествия. Хельсинки - большой красивый город, хотя и не масштаба Берлина и Парижа. Но тоже очень впе-

чатляющий. Очень понравился ребятам. Александр Иванович сделал подарок детям: сводил их на хоккейный матч и в аквапарк. Радости не было предела. Настоящий хоккейный матч классных финских команд и несколько часов в роскошном аквапарке посреди зимы в теплой изумительно прозрачной воде среди причудливо расположенных декорированных бассейнов, горок и водопадов – что может быть лучше для вообще-то неизбалованной нашей ребятни.

Тем не менее центральным мероприятием нашей поездки оставалась выставка в Русском культурном центре при посольстве Российской Федерации. К ней мы тщательно подготовились; выставка получилась яркой, многоплановой с иконами, работами, выполненными маслом, гуашью, акварелью, из стекла и соломки. В центральной части мы установили резные Царские врата. Александр Иванович купил по торжественному случаю несколько золотых подсвечников и выставка с огромными свечами в нескольких залах во всем блеске красок и золота всем очень понравилась. На выставке присутствовали и выступили министр культуры Финляндии, очень пожилой, полный бородатый мужчина, с супругой, православной женщиной, депутат финского парламента. Вечер очень удался, было много поздравлений, приветствий и ребята сияли от счастья, представляя свои работы. Днем мы посетили финско-русскую школу на окраине Хельсенки и пригласили к нам на выставку мадам Лизу, её директора.

Помимо выставки мы провели для финских друзей-иконописцев мастер-класс, где показали технологию написания иконы. Это так понравилось нашим финским коллегам-иконописцам, что они подарили нам целую бадейку лака для наложения золота, очень качественного и дорогого. На выставке присутствовал и также выступил руководитель всех финских инвалидных организаций, который позже подготовил и опубликовал в своей газете обширный материал о нашей выставке.

После выставки в Хельсинки осталось много фотографий, но больше впечатлений от той теплоты общения, которая там происходила. Было нечто и

от доброго хорошего юмора. Первой работой, которую захотели купить наши гости, оказалась картина Кристины Жиленко, девушки с мутацией мозга, как раньше говорили с олигофренией. Кристина пишет замечательные картины лиричные, с юмором. Каждая с какой-то особой изюминкой. Одну из её картин выбрал высокий крупный мужчина, некто Смирнов с телевидения и согласился заплатить за неё сто евро. Кристину предложение привело в бурный восторг, но, что самое интересное, она не только не потеряла головы, но вполне серьезно заявила Василию Ивановичу, который вел за неё переговоры со Смирновым: «Смотрите, возьмите все деньги.» Смирнов с женой пришли от этого замечания также в полный восторг, и Кристина получила свой первый гонорар прямо на выставке.

Как и в Париже, выставку в Финляндии по просьбе представителей посольства нам пришлось оставить. Она там функционировала ещё несколько месяцев до мая следующего года.

Вечером того же дня, собравшись, мы выехали в Краснодар. Несмотря на то, что поездка детям понравилась, все уже сильно устали, а главное соскучились по дому.

На границе произошел смешной казус. Когда наш автобус подъехал к таможенному пункту, шлагбаум неожиданно открылся. Все решили, что нам можно ехать. Водитель включил газ, но минут через пять таможенная служба Финляндии экстренным порядком с сиреной догнала нас и перекрыла дорогу.

- Кто вам разрешил ехать, - возмущались финские таможенники.

- Как кто? Вы же сами открыли шлагбаум, - возразили мы

Документы у нас были в порядке и скоро нас отпустили. Ехали мы почти без остановки до самого Краснодара. Так прошла наша поездка в Финляндию.

Торжества в Санкт-Петербурге
Икона св. А. Невского в Казанском Соборе

В 2003 году мы провели большую работу по подготовке к 300-летию нашей северной столицы. Девочки написали икону св. Александра Невского, покровителя Санкт-Петербурга, и 21 мая я вылетел самолетом в Питер. 23 мая председатель Госдумы Селезнев Г.Н. передал в дар Санкт-Петербургу нашу икону, позже ее установили в Казанском соборе в большой золоченой раме. Селезнев рассказал, что наш подарок на торжествах был признан лучшим. По пути в Финляндию в декабре того же года мы зашли в Казанский собор с ребятами и многие плакали. «Вы вошли в историю», – сказал Геннадий Николаевич Селезнев.

Попали в историю
(из дневниковых записей)

Сегодня приехал в Москву, зашёл в Государственную Думу. Встретились с Галиной Петровной, советником Геннадия Николаевича Селезнева, доброй, умной, внимательной женщиной. Разговорились.

- Геннадий Николаевич, петербуржец, - сказала она, - готовится к 300-летию. Вот думаем, чтобы подарить городу на юбилей.

- Мы можем написать хорошую икону, - предлагаю я, - Св. Ал.Невского.

– Неплохая идея, я доложу Геннадию Николаевичу.

х х х

Я в Краснодаре. Сегодня неожиданно позвонила Галина Петровна.

- Николай Николаевич, Геннадий Николаевич одобрил Вашу идею. Хорошо будет, если Вы подвезете икону прямо в Петербург. Открытие праздника состоится в Ледовом дворце 23 мая.

- Хорошо, - ответил я.

Двадцатого мая самолетом я доставил икону в Питер. Меня встретил родственник Василия Ивановича – Егор Дмитриевич. Он мне помог доставить икону в Ледовый дворец. Мы поставили икону на сцену, а сами ушли в зал.

День был замечательный. Ясный, солнечный. Из Москвы на вручение приехала из Первого республиканского банка Оля Анохина.

Когда Геннадий Николаевич вышел на сцену с приветствием и передал мэру В.А.Яковлеву нашу икону, у меня невольно перехватило горло. После мероприятия в Ледовом дворце Геннадий Николаевич позвонил мне на сотовый телефон и тепло поблагодарил меня и всю студию.

х х х

Июнь. Студия проводит реабилитационные сборы в Апшеронском санатории «Солнечная поляна». Неожиданно по мобильной связи со мной связываются из администрации губернатора А.Н.Ткачева.

- Первого июля в Краснодаре будет Геннадий Николаевич Селезнев. В его программе посещение «Инва-Студии».

- Хорошо, мы готовы.

Мы действительно всегда готовы. На всякий случай я всё проверяю и перепроверяю. За сутки до первого звоню в администрацию. Холодный голос отвечает: «Селезнев к вам визит отменил у него не будет времени.»

У меня опускаются руки. Дети готовились. Мы пригласили гостей, родителей. На всякий случай звоню Галине Петровне советнику Г.Н.Селезнева в Москву.

- Ничего не отменялось, - удивленно говорит в трубку Галина Петровна,
- Сейчас уточню и перезвоню вам.

Через десять минут снова её звонок:

- Геннадий Николаевич возмущен, он в любом случае будет в вас. Какое-то недоразумение.

Через полчаса у нас в студии появляется мэр города Н.В.Приз. С ним свита, начинается подготовка к визиту председателя Гос.Думы. Мы все улыбаемся. За сутки подготовили автостоянку, покрасили фасады ближних домов, привели всё кругом в порядок и даже увезли с глаз долой старенький «Запорожец».

х х х

1 июля. Встреча прошла блестяще. Дети приготовили подарок, вручили спикеру каравай хлеба. Спели веселую детскую песню. Из гостей были писатель В.И.Лихоносов, профессор А.А.Хагуров, внук М.А.Шолохова, Александр Михайлович.

- Вы знаете, что попали в историю, - сообщил на встрече Геннадий Николаевич.

- Какую, плохую или хорошую.

- Настоящую. Ваша икона установлена в Петербурге в Казанском Соборе.

В декабре, когда мы ездили в Финляндию, заехали в Казанский Собор. Икона в золотой широкой раме была установлена в самом центре Казанского Собора. Действительно попали в историю.

С кем мы дружим?

Как я уже отмечал, за одиннадцать лет работы студии мы провели около 300 выставок в различных городах, станицах Краснодарского края и за его пределами, на юге, на севере нашей страны и даже за границей. На выставках по нашим подсчетам побывало не менее 100 000 человек. Сюда приходят разные люди, со многими мы подружились. В первую очередь, это наши кубанцы – великий русский писатель, классик, поэт и романтик в душе В.И.Лихоносов. Мы часто посещаем его крохотный кабинет, редакцию жур-

нала «Родная Кубань», а он приходит к нам – и это благотворно влияет на общий климат в студии. С некоторых пор нашими попечителями и друзьями стали крупные ученые, профессора, доценты наших и московских вузов: А.А.Хагуров, А.В.Чоговадзе, Б.А.Поляев, Ш.Г.Шаззо, И.М.Ханкоев. В наш попечительский совет вошли Н.Н.Губенко, Ю.М.Соломин, М.Г.Рудинштейн. Я писал уже о встречах с выдающимся скрипачом В. Спиваковым, неподражаемой Дж. Норманн; недавно мы познакомились и подружился с поэтами – Е. Евтушенко и И. Резником; в настоящее время мы договорились о сотрудничестве с Н. Бабкиной.

Дети, их творчество интересны этим людям. В то же время общение со всеми этими выдающимися людьми дает детям как бы новое дыхание, и это тоже является частью социальной реабилитации инвалидов. В 2003 году нас включили в программу «Русских сезонов» в Париже, открытых в начале прошлого столетия великим деятелем русской культуры Дягилевым. Мы ездили большой группой (около 40 человек) и возили с собой выставку. Для детей это стало событием чрезвычайной важности и, дай Бог, чтобы оно стало прологом их большой и счастливой жизни, они, несомненно, достойны этого.

Писатель В.И.Лихонос

Мы неоднократно встречались с различными замечательными людьми, в том числе известными писателями: В. Распутиным, В. Беловым, В. Карповым. Но нашим близким другом, душой студии стал прекрасный русский писатель, В.И.Лихонос. Он нам близок всем: мыслями, духом, может быть, неординарным поведением и, конечно же, своей изумительной прозой.

Среди писателей нашего времени Виктор Иванович Лихонос стоит как бы особняком. Я прочитал все его книги, и не по разу. Он по-толстовски нравственен, и все его произведения в высшей степени духовны.

Виктор Иванович увлекающаяся натура, артист в душе и, отчасти, в поведении. Я не видел другого человека, который бы так прекрасно мог выра-

зять в словах самые сложные нюансы души, мысли. Когда он говорит, тихим чуть хрипловатым голосом, все вокруг затихает. Он – человек, влюбленный в жизнь, который ненавидит всякую неправду. В каком-то смысле, он олицетворяет собой духовно-нравственное начало в нашем крае. Его многие не любят, в том числе большие начальники. Но его маленький темноватый и неухоженный кабинетик в бывшем Ленинском райкоме партии – это почти Мекка для порядочных талантливых людей России. Он любит наших детей, часто к нам приходит, принимает участие в студийных праздниках, встречах.

– У вас гениальные дети, – глядя на иконы, говорит Виктор Иванович.

Мы тоже всем сердцем любим Виктора Ивановича и гордимся дружбой с ним.

В гостях у Е. Евтушенко

Е. Евтушенко, одного из самых известных наших поэтов, я помню давно (с начала 60-х), когда его стихи стали своего рода поэтическими и политическими харизмами нашей молодости. В начале 80-х мне довелось побывать на поэтическом концерте этого знаменитого литератора в Свердловске. Он всегда казался мне молодым, несмотря на годы, седины и даже морщины.

Впервые лицом к лицу мы встретились с Е. Евтушенко на «Кинотавре» в Сочи, в летнем театре, где проводились конкурсные просмотры фильмов и где в боковом фойе мы проводили выставку икон нашей студии.

Евгений Александрович вышел, видимо, передохнуть и немного отвлечься от экрана и, оказавшись среди икон, был удивлен:

– Что это, выставка?

– Да, это выставка икон детей-инвалидов нашей студии, – пояснил я.

– А Святой Пантелеймон у вас есть? – живо поинтересовался поэт.

– Конечно, – я подвел его к большой иконе Св. Пантелеймона Целителя.

Евгений Александрович долго рассматривал ее, а я в это время наблюдал за ним, ведь я впервые видел поэта так близко. Евтушенко, несмотря на

свой уже достаточно солидный возраст (69 лет), еще не выглядел стариком. Высокий, чуть сутулый, заметно поседевший и почти полысевший. Он казался русским иностранцем в своем длинном в мелкую клетку экзотическом пи-джеке, узких брючках и кургузой, тоже очень американской кепочке.

Рассмотрев икону Св. Пантелеймона, он походил по нашей выставке, расспрашивая меня о студии, детях, а затем неожиданно заявил:

– Я, пожалуй, закажу у вас икону Св. Пантелеймона. Сколько это будет стоить?

– Для вас, Евгений Александрович, бесплатно, – улыбнулся я. – История нам не простит, если мы с Евтушенко возьмем деньги.

– Нет, без дураков, – возразил поэт.

– Евгений Александрович, давайте будем говорить об иконе, а о деньгах потом или вообще никогда, – попросил я.

– Хорошо, – согласился поэт, – тогда приезжайте, когда будете в Москве ко мне в Переделкино. Он записал на бумаге свой адрес и телефоны, в том числе и домашний, и снова зашел в зал.

В начале июля я получил приглашение посетить в Свято-Даниловом монастыре службу Патриарха, посвященную празднику Всех Святых. После службы и трапезы я позвонил Евтушенко. Он оказался в Переделкино и сразу же пригласил меня к себе на дачу. Встретились мы дружески, но у Евгения Александровича было что-то с ногтем на левой ноге, и его отвлек (где-то на час) медик, специалист по педикюру.

Дача в Переделкино большая, но не очень обустроена и ухожена. Дачи новых русских рядом выглядят эффектнее. Нина Ивановна, домработница Евтушенко, оказалась милой, очень разговорчивой женщиной. Пока Евгений Александрович был занят своим ногтем, она рассказала мне о своей семье, дочери, проблемах, а потом угостила вкусными салатами, которые были ее, как я понял, хобби. С Евтушенко мы поговорили об иконах, но в основном он рассказывал мне о сыне.

Прощаясь, мы сфотографировались с ним в проеме деревянной декоративной арки. К 70 летию мы написали и поднесли Евгению Александровичу, как он просил, небольшую, в ладонь, иконку. Это был наш подарок юбиляру.

Политики и студиицы

Говорят, что политики встречаются только по случаю, когда им это выгодно. Не знаю, нас в студии, как правило, все идет от сердца. К нам большая часть людей относится хорошо – тепло и искренне. Как сказал профессор Хагуров А.А.: «В вас палку может бросить только негодяй». Нам помогают многие кубанские политики. Уже много лет мы пользуемся поддержкой депутатов Государственной Думы Б.Г.Кибирева, И.М.Ханкоева, О.И.Мащенко. С большой теплотой, будучи депутатами и руководителями местных государственных органов, к нам относились А.Н.Ткачев, В.А.Бекетов, В.А.Самойленко. Ткачев, когда впервые побывал на нашей выставке в январе 1999 года, написал, что он был просто потрясен увиденным. Большую помощь студии оказывают депутаты Государственной Думы Г.Н.Селезнев, Л.Э.Слуцкий, Д.О.Рогозин, Н.Н.Губенко и многие другие.

Г.Н.Селезнев с 2000 года – председатель совета попечителей «Инва-Студии». Впервые я увидел этого человека в 1996 году, на I Всероссийском съезде Творческого союза учителей в Сочи, когда он был главным редактором «Учительской газеты». В то время он был значительно моложе: высокий, подтянутый, красивый. В прошлом году, в наш юбилей, он посетил студию в Краснодаре, тепло пообщался с детьми, сделал подарки.

Исключительно большую помощь студии оказывает Л.Э.Слуцкий. Я иногда поражаюсь этому человеку: немногословный, скупой на похвалы, он как-то сразу увидел главное, цельное в студии, понял ее значение для детей-инвалидов, и с тех пор его помощь стала постоянной и очень действенной. Он может позвонить Патриарху, прося за наших детей, представителю президента, дать мне сотовый телефон посла России в Финляндии. Конечно, я всегда

бываю деликатен в подобных вопросах, но такое искреннее, доброе отношение невольно трогает.

Более обаятельного человека, чем Д.О.Рогозин, я, пожалуй, в своей жизни не встречал. Открывая нашу выставку в Государственной Думе в майские дни 2004, Дмитрий Олегович много добрых слов сказал о нашей студии. «Нам бы человек 500 таких новаторов, как Вы, и проблемы детей-инвалидов можно было бы существенно разрешить», – сказал он педагогам студии. После открытия выставки Дмитрий Олегович пригласил ребят студии в свой кабинет и в самой непосредственной милой обстановке провел с ними беседу, дав возможность посидеть даже в своем кресле.

Встречи с женами президентов

За время существования «Инва-Студии» наши выставки и мероприятия в России и за рубежом посетили супруги президентов: Н.И.Ельцина, Л.А.Путина, мадам Ширак и мадам Помпиду. Конечно, все они как личности разные, и встречи тоже были разными, но следует отдать должное тому, что, несмотря на занятость, все жены президентов внимательно и с теплотой относились к нашим детям, и, по возможности, помогли нам, особенно Л.А.Путина. Необыкновенная искренность, открытость сочетается в этой женщине с твердостью и обязательностью. Пять лет наша студия пробивала в министерстве образования квоту в университете для инвалидов, и только Людмила Александровна помогла нам решить этот вопрос, причем быстро и оперативно. От встречи с ней не только у взрослых (педагогов и родителей), но и у всех детей осталось прекрасное теплое чувство.

Совершенно другой показалась нам Н.И.Ельцина. Мы встретились с ней не на выставке, а в Кремле, на Соборной площади, где во время концерта Великой М. Кабалье мы с ребятами оформили для концерта певицы сцену. На заднике сцены были написаны по нашим иконам изображения святых, а на рампе сцены закреплены настоящие иконы, выполненные студией за не-

сколько месяцев по заказу организаторов концерта. Наина Иосифовна уже знала о нас, о том, что это были работы детей-инвалидов, и сфотографировалась с детьми во время антракта.

Мадам Ширак открывала нашу выставку в Париже. Невысокого роста, уже немолодая женщина, она внимательно расспросила о самочувствии детей, которые преодолели на автобусе огромное расстояние от Краснодара до Парижа. С мадам Ширак была вдова покойного президента Помпиду, высокая, худощавая, любезная и уже очень пожилая. Несмотря на возраст, она хорошо держалась и попыталась даже говорить с нами по-русски. Ей очень понравился наш каталог, и мы поднесли от студии обоим супругам президентов подарки. В свою очередь, видимо, по инициативе первых леди Франции, нам тоже сделали подарки: пакеты с майками, кепками, всякими вкусностями, которые мы взяли с собой в дорогу в обратный путь из Парижа.

Двадцать шагов к В.В.Путину

Не успели мы отдохнуть от выставки в Госдуме, где состоялась наша встреча с детишками-сербками, как ко мне домой, в Титаровку, явился помощник председателя Законодательного собрания и заявил, что буквально через два дня наша выставка открывается в Совете Федерации. Никогда ни до, ни после нам не было так легко в организации поездки – вот что такое власть: быстро подрулили, быстро загрузили в самолет, в Москве, уже перед приземлением, сообщили по громкой связи, куда и как выгружаться.

В Совете Федерации мы удачно выбрали место на первом этаже у входа. Все, кто попадал в Верхнюю Палату парламента, невольно заходили и к нам. За два дня на нашей выставке побывали все министры правительства, члены Совета Федерации и те, кто приходил в это время в Совет Федерации. Мне особенно запомнились встречи с В. Яковлевым, А. Лебедем, А. Тулеевым и В. Геращенко.

В. Яковлев отличался не только необыкновенной доброжелательностью, но простотой общения, открытой улыбкой, и главное – дельными предложениями.

– Вам необходимо встретиться с директором Софрино, – сказал он, осмотрев выставку. – Если хотите, я переговорю с ним.

В дни сессии он побывал у нас на выставке дважды, и я все время чувствовал подлинную заинтересованность этого человека в том, чтобы помочь детям-инвалидам.

Генерал Лебедь оказался интеллигентным и деликатным человеком сравнительно небольшого роста. Он был совершенно не похож на телевизионного монстра с солдафонскими рыками. С полчаса он ходил по нашей выставке, рассматривал иконы, а потом подошел и сказал:

– Я бы хотел иметь такую студию у себя в крае. Поможете?

– Конечно, – ответил я.

Он оставил в книге отзывов свой необычный автограф – лебедя. Позже я видел его еще несколько раз в Совете Федерации, но он всегда создавал впечатление очень занятого человека. Мне показалось, что в зале заседаний он сидел мало, а больше занимался делами в Москве.

Аман Тулеев – громадный, шумный и очень общительный человек, абсолютно далек от понятия «чиновник», «бюрократ». Он ломает это представление одним своим поведением: подошел ко мне, обнял и сразу на ты:

– Молодец, прекрасная выставка. Неужели, это рисовали инвалиды?

Мы сфотографировались – такое впечатление, как будто я знаю его много лет.

Необыкновенно мягкий, деликатный В.В.Геращенко. Пожал мне руку и извинился, что не может достаточно уделить время выставке. Позже у нас было еще несколько встреч с Виктором Васильевичем, но эта, первая, запомнилась ярче всех.

В общем, эти дни можно назвать днями встреч студии с главным политиками России. Я до сих пор жалею, что постеснялся пригласить на выставку

В.В.Путина, он в то время был руководителем ФСБ. Стоял недалеко от нашей выставки, встречая проходящих в Совет Федерации политиков. Через него проходили все члены правительства. Мне показалось, он был крайне занят. До Путина было всего шагов 20, но я так и не решился подойти к нему.

В гостях у Шолоховых

В конце декабря прошлого года у нас на выставке в Малом театре побывал А.М. Шолохов, внук великого писателя и генеральный директор музея-заповедника М.А. Шолохова.

Мы познакомились с ним незадолго до выставки, в Ростове, и он мне показался замечательным человеком. Невысокого роста, крепкий, ладно скроенный (по мерке деда), светлое, с высоким лбом, очень приятное лицо. В нем просматривалась порода, хорошая энергия и подлинная интеллигентность: не было ни пошлости, ни снобизма, что встречается сейчас сплошь и рядом, особенно в семьях знаменитых людей.

Александр Михайловичу понравилась наша выставка, и он пригласил нас в Вешенскую.

– Приезжайте, я пришлю за вами автобус. У нас ведь через два года юбилей.

Еще в молодости я мечтал побывать в Вешенской. С детства меня, как, наверное, и всех, кто читал «Тихий Дон» и «Поднятую целину», поразили эти замечательные произведения, ранили, можно сказать, и хотелось хоть издали посмотреть на их автора. Многие годы был некий зуд – пока жив, увидеть это диво дивное, которое может рождать такую прозу. Но время было сложное, поездка стоила немалых денег, а главное, все как-то не было времени. И когда писатель в 1984 году умер, у меня что-то внутри как будто оборвалось: так и не увидел...

Сейчас я вновь загорелся и начал готовиться к поездке. На юбилей решил повести в Вешенскую ребят студии, а прежде съездить небольшой груп-

пой, как бы на разведку. Мои разговоры о поездке в Вешенскую заинтересовали некоторых знакомых, в первую очередь – поклонника нашей студии, замечательного писателя В.И. Лихоносова. С полгода мы, можно сказать, собирались, и у меня даже были сомнения, состоится ли поездка, поедет ли Лихоносов, тоже вечно занятый и живущий в постоянных проблемах. Но соблазн оказался сильнее проблем, и к середине июня, когда была назначена встреча, мы неожиданно быстро и оперативно собрались. Предполагалось, что нас будет человек семь-десять, так оно и вышло: мы с В.И. Лихоносовым, представитель от адыгейской общественной организации «Хасе» и друг «Инва-Студии» Ш.Г. Шаззо, наш художник и педагог В.И. Руськин, потомок известного Донского казачьего атамана А.Ф. Филиппов и знакомый и друг Ш.Г. Шаззо А.П. Бершанский.

Ожидалось, что с нами также поедет известный ученый и педагог, профессор А.А. Хагуров, но 17 июня у его подопечного была защита, и он поехать не смог.

Единственной женщиной в группе оказалась наша землячка, с которой мы уже несколько лет сотрудничаем, замечательный искусствовед из Москвы Г.А. Боева-Машинская. Галина Александровна влюблена в казачью тематику и помимо того, что она задумала цикл художественных бесед с молодежью, ей хотелось пообщаться с В.И. Лихоносовым, которого она просто обожает.

В Ростове в назначенное время нас уже ждала «Газель», погода была чудесная, мы дружно сели в машину и отправились к Шолоховым.

Одна из особенностей земли шолоховской, почему ее не очень много и не очень часто посещают, заключается в том, что она, как тот заветный сказочный ключик, находится довольно далеко. Добираться до Вешенской не так легко, тем более, если едешь из Ростова, а не из Миллерово, что гораздо ближе.

В поездке мы оживленно болтали, в предвкушении встречи с прекрасным – так нам, или мне, по крайней мере, представлялась эта земля. И, дей-

ствительно, когда по дорожному указателю «Музей-заповедник М.А. Шолохова» автобус повернул с московской автотрассы направо, все неожиданно притихли – вот она, казачья земля, святая святых мудреца нашего времени, описавшего и освятившего своим присутствием и творчеством трагедию (которую мы до сих пор, наверное, еще не совсем осознали) нашего народа и всего двадцатого века.

Внешне эта земля вроде бы ничем и не примечательна: скудные, с суглинком песчаники, почти выгоревшие степи, в балках и перелесках небольшие, иногда в несколько домов, хуторки, люди живут небогато. Но, наверное, в том и заключается чудо гения: после шолоховских романов и рассказов ты не можешь уже воспринимать все просто так, по внешнему виду. Кажется, что по всей шолоховской земле разлита поэзия и романтика его произведений. Любой встречный воспринимается не просто как человек, казак или казачка, но как герои его великих романов – потомком Мелехова или Нагульного. Мне казалось, что все, кто ехал со мной, испытывали необыкновенный подъем, и дорога, несмотря на всю ее длину и долготу, показалась даже приятной.

Молодое поколение представляет прежнее, советское время каким-то не только тяжелым, но наглухо закрытым для хорошего, прекрасного. Сейчас – свобода, демократия, но, увы, и вседозволенность, доходящая порой до извращений.

Да, наше время было сложным и трудным, но, одновременно, по-своему и прекрасным: мы имели возможность читать и видеть хорошее, мы воспитывались на классике, в частности, шолоховской. Нынешнее поколение потребляет тот литературный духовный эрзац, который не развивает, а скорее отупляет – от этой зомбирующей пошлости никуда не денешься, и мне жаль молодых людей, вынужденных потреблять всю эту гадость.

Недалеко от Вешенской, там, где дорога поворачивает к хутору Кружилино, высится на кургане большой красивый памятник конному казаку.

Его маленькая копия находится в кабинете музея Михаила Александровича Шолохова.

Необычайно красива Вешенская на въезде, когда смотришь на нее сверху, от знаменитого орла Серафимовича – огромной степной птицы, распутившей в полете крылья на целых семь метров. Среди густой поросли деревьев, в излучине Дона, прячутся дома, выделяются административный здания и особенно Архангельский храм, который великий писатель сумел сохранить своим авторитетом и мужеством.

В эту поездку мы лучше поняли суть жизни вообще, не только шолоховской. Именно здесь начинаешь осознавать то, что раньше было почти недоступным: можно быть великим, удачливым, гениальным, но не уйти человеку от проблем, внутреннего дискомфорта и даже, что представляется почти неизбежным, от трагедии личности, которая оказалась на изломе эпох. Шолохову довелось испытать и пережить всю боль, личную и народную, и нельзя воспринимать его так, как он часто воспринимается: благополучный, успешный, чуть ли не друг Сталина и Хрущева. Когда читаешь его переписку, совершенно очевидным становится сложное положение писателя. Он – борец, защитник, друг народа, с которым рядом жил, вместе страдал от всех превратностей, которые обрушивались в те годы на нашу несчастную родину.

Не только народная любовь, но и человеческая глупость даже после смерти преследовала и преследует Шолохова, как мало кого из наших современников.

В Вешенской нас прекрасно встретили, разместили в частном секторе – небольшом уютном доме, приспособленном под гостиницу. Вечером мы сумели пройти экскурсией по музею и даже побывать на концерте ансамбля музея-заповедника. Александр Михайлович, внук великого писателя и генеральный директор музея-заповедника организовал эту интересную экскурсию. Несколько озадаченные торжественностью приема и специально для нас вызванным ансамблем, мы были даже смущены, лишь Лихоносов, как за-

правский телевизионщик, расчехлив свою видеокамеру, которую он десять лет назад приобрел в Америке, работал, ни на кого не обращая внимания.

– Мы приехали сюда не отдыхать, – сурово сказал он, когда к нему за чем-то обратились.

Для него важно было увезти с этой земли свое – то, что он знал и любил в Шолохове.

Музей-заповедник Шолохова замечателен и отличается от многих музеев тем, что в нем продолжает жить не только душа великого писателя, но и его потомки, дети, внуки, которые бережно хранят все, что связано с именем, традициями и даже волей отца и деда.

Когда на банкете Виктор Иванович Лихоносов обратился к дочери Михаила Александровича, Светлане Михайловне, с предложением написать воспоминания об отце, она довольно сухо сказала, что обещала отцу ничего не писать о нем после его смерти.

После смерти писателя семья не разъединилась, а наоборот, сплотилась вокруг отеческого гнезда. Даже Мария Михайловна, живущая в Москве, каждый год летом приезжает в Вешенскую. Крепкие шолоховские корни глубоко проросли в донской земле. Шолохов глубоко национален и интернационален одновременно, он – наше богатство и достояние на века. Очень важно и ценно поддерживать не только государством, но и всем обществом великое шолоховское наследие – оно имеет мировое, а не только национальное значение, и простые люди хорошо понимают это.

В первый день (а точнее вечер) нашего пребывания в Вешенской мы посетили дом, где Шолоховы жили уже после написания Михаилом Александровичем его романа «Тихий Дон». У писателя появились некоторые деньги, и он смог перейти в свое собственное жилье: скромное, по нынешним временам, но достаточно удобное для нормального проживания.

Этот дом был отнюдь не новым, выстроен прежним хозяином традиционным в казачьих станицах образом: на высоком фундаменте, с крыльцом, круговым расположением комнат и печью-голландкой в центре, обитой чер-

ным железом и дающей тепло сразу всем комнатам. Фотографии, развешанные по стенам, показывают, каким простым и рациональным были быт и жизнь людей того времени: недорогая, но удобная и крепкая мебель, такая же простая керамическая посуда, кровать, диван, плетеные коврики. Жили все вместе, одной семьей. Мать, Анастасия Даниловна, здесь же, сразу у входа, но в своем уголке, на удобной высокой кровати за занавеской. В доме светло, много окон, ничего лишнего. И, конечно, традиционный сундук, обитый железом.

Особо следует сказать о нижней части дома, так называемых «низах» – небольшое, но тоже достаточно удобное, прохладное и одновременно теплое помещение, где готовили пищу и столовались. Там у Шолоховых проживала одинокая женщина Анна, почти родственница, которая в голодные 30-е годы пришла к великому писателю за помощью, да так и осталась на всю жизнь, став полноправным членом семьи. Для нас это была дополнительная информация о жизни писателя и его душевных качествах.

Жена, незабвенная Мария Петровна, – верная спутница писателя, настоящая его половина, всю жизнь всюду следует за мужем, даже на рыбалку и охоту, и в то же время – ревнитель его творчества.

Мне невольно приходят на память слова из письма Шолохова: «Жена привязывает меня к ножке стола, чтобы писал». Боюсь за формальную неточность фразы, но смысл именно этот. Мария Петровна жила всем тем, чем жил Михаил Александрович, в первую очередь, его творчеством – это важно для понимания образа жизни семьи. У Шолоховых было четверо детей; к сожалению, Александра Михайловича уже нет в живых, но остальные дети, внуки и правнуки достойно чтят память великого отца и деда.

Но вернемся к нашей небольшой делегации. После музея и выступления ансамбля нам показали крытый камышом сарай, где размещена экспозиция, отражающая, как сейчас говорят, хобби писателя: всю жизнь Михаил Александрович был страстным охотником и рыболовом.

Михаил Михайлович, возглавляющий ныне все большое литературное шолоховское наследие, – полковник в отставке. Он ученый, писатель, философ и внешне очень похож на отца. Сейчас он работает над воспоминаниями, которые к лету выйдут отдельной книгой под названием «Воспоминания об отце». От отца Михаил Михайлович унаследовал любовь к острой шутке, рыбалке (уделяет ей, как, впрочем, и все казаки в Вешенской, довольно большое внимание). Здесь, в экспозиции, представлены подлинные снасти, одежда которую носил писатель на отдыхе. Художники с Урала, проводившие оформление экспозиции, представили в окнах-витринах 4 времени года с фотографиями Михаила Александровича и его личными вещами.

Александр Михайлович, его сын и нынешний директор музея, рассказал о том, как оформлялась экспозиция, и дополнил, что сейчас они готовят новую, которая представит другой период жизни Шолоховых, когда они жили еще на квартире. Это совсем рядом, через забор; дом-музей уже выкупили, и сейчас там проводят ремонтные работы. Предполагается, что он станет детским музеем. Мы вызвались силами наших детей-студийцев сделать художественное оформление в доме.

Вечер наступил быстро и как-то незаметно. Возвращаясь группой в нашу необычную гостиницу, мы говорили о Шолоховых, о только что увиденном.

Прохлада спустилась на землю, и среди туч выступили звезды. Хозяйка дома, Надежда Васильевна Ефремова, и ее дочь Юлия покормили нас сытным ужином (вкусным казачьим борщом и котлетами). Неожиданно за столом разгорелись споры, увы, опять о политике. Большой, тяжелый вопрос нашего времени, он невольно задевает за живое всех. Чтобы отвлечь коллег (ведь мы у Шолохова!), я распаковал икону, и о ней следует сказать отдельно. Мы писали ее долго, целой группой лучших специалистов нашей студии. Концепция была сформулирована мной, она умещается в короткой и емкой надписи на иконе: «Русь – древо незыблемое». Мы долго осмысливали нашу работу, десятки раз подвергая ее суду, сомнениям. Можно сказать, что икона «Русь –

древо незыблемое» – это наша этапная работа, и именно ее мы решили поднести музею в честь 100-летия со дня рождения М.А. Шолохова. В ней и история, и судьба России, которую не раз, наверное, прочувствовал Шолохов. В ней то, что чувствуют и испытывают наши дети-инвалиды.

На переднем плане иконы, которую мы привезли в дар музею, – главные святые Руси: от Св.княгини Ольги, Владимира, до Св. Федора Ушакова, знаменитого адмирала, который был причислен к лику святых совсем недавно.

Чуть ниже, среди скалистых горок, как бы в углублении, символизирующем трагическую судьбу, расположена группа в белых одеждах – погибшая семья Романовых, она – символ жертвенности Руси. Печаль разлита по всей иконе, но в самом центре жертвенного места и по краям его – неожиданно, крепкое и сильное зеленое дерево: оно проросло и всюду прорастает жизнью, символизируя незыблемую мощь, неистребимость славянства и Православия. Какими бы ни были нападки на нас, нашу историю, какие бы удары судьбы не пришлось пережить, Россия, Русь всегда, везде и всюду будет прорастать незыблемым древом!

Икона у всех вызвала восхищение, особенно она понравилась Галине Александровне Боевой-Машинской, искусствоведу из Москвы.

В ту ночь в Вешенской я долго не мог уснуть – слева от меня, чуть посапывая, спал В.И. Лихоносов, в соседней комнате – остальная часть группы; где-то далеко лаяли собаки; мысли будоражили голову. Слишком много впечатлений ворвалось так сразу в мою жизнь: я думал о Шолохове, Вешенской, о семье великого писателя.

Вообще-то, я достаточно хорошо знал не только произведения Шолохова, но и его биографию, следил уже давно за подлой полемикой вокруг «Тихого Дона» и не понимал страдальца Солженицына, мстительный талант которого был опошлен участием в оплевывании великого писателя.

Как, наверное, никто другой Шолохов участвовал в той жизни, которую он описывал как художник. Он воспел ее, поднимаясь до самых высоких

нот человеческой трагедии. В то же время, он резко встал на защиту своих земляков, не щадя себя и не обращая внимания на смертельную опасность, которая время от времени нависала над ним, погружаясь в ту грязь, как он любил говорить, «по ноздри», а то и по уши. И это, думается, не только не умаляет его достоинств, а, наоборот, говорит о его гражданской порядочности и принципиальности. Конечно, разумнее было бы наблюдать жизнь со стороны, из большого города, ловко уходя от проблем, как это делали многие, не наживая себе врагов-современников и врагов-потомков. Но Шолохов не смог: он был слишком русский и в большей степени казак, чем многие из тех, кто гордился и гордится своим казачьим происхождением, утверждая, что Шолохов не казак. Сталкиваясь с гадостью и подлостью жизни, он, подчас, был просто, повержен. Его уже не радовали ни успех, ни премии, ни даже любовь народа.

– Он был одинок среди людей, – сказал очень точно В.И. Лихоносков. И в этом заключалась глубокая правда.

Гений Шолохова был сродни гению Толстого, но был, видимо, трагичнее, и это еще не до конца понято и оценено критиками. Тем не менее, в отличие от Толстого у Шолохова были крепкие тылы – его семья, в первую очередь, жена, которая не только любила, но и в полной мере осознавала значение своего мужа в жизни и судьбе русского народа.

– Я долго не понимала значения отца, – говорила на встрече с нами Светлана Михайловна, дочь незабвенного писателя, – и только за границей, в Японии, когда увидела, какая толпа нас встречает, вдруг осознала, кем является Шолохов для людей, даже далеких от России и всего русского.

Во второй день нашего пребывания в Вешенской нам показали основное здание музея-заповедника. Наверняка, музей-усадьба Шолохова знакома по фотографиям всем почитателям таланта великого писателя: легкие бело-снежные строения прячутся в зелени деревьев, небольшой сад, хозяйственные постройки.

В 1957 году сюда впервые приехал наивный романтик, будущий знаменитый кубанский писатель, В.И. Лихоносов. Еще молодой и зеленый, пропыленный от длительного путешествия, длинноволосый, (стиляга, как тогда говорили), он толкнул калитку, прошел к дому и вдруг увидел Шолохова. Было нечто вроде шока.

Ну-ну, давай, заходи, заходи. Хочешь стать писателем? – грубоватоласково спросил юношу великий писатель.

Будущее литературное светило Кубани и России ни в коей мере не собиралось быть писателем, а жаждало, как и его старший друг Назаров, стать актером. Но так уж получилось, как говорит сам Лихоносов, что слова Шолохова стали пророческими. Больше всего Лихоносова удивило то, что ему вручили уже на улице 100 рублей – наверное, как поддержку за те расходы, которые понес молодой человек, пока добирался до Вешенской.

Современная усадьба (ныне музей) была построена сразу же после войны, на месте разрушенной обстрелом прежней на кредит, который Шолохов получил от государства и выплачивал потом вплоть до 70-х годов. Когда мы прочитали один из документов, где бюрократы напоминали писателю о его долге по выплате за дом, Шумаф Гиссович Шаззо, член нашей делегации, возмутился: «Великий писатель, который прославил страну, стал целой эпохой в жизни людей, вынужден заниматься таким. Ну не глупость ли?! Что у нас за государство!»

Конечно, дом по тем временам был необыкновенным, можно сказать роскошным, хотя таковым его сейчас, тем более в сравнении с дворцами т.н. новых русских, не назовешь. Удивительно, но родственники говорят, что Шолохов почему-то этот дом не любил: душе писателя было ближе то, что пахло землей, простым народным бытом. Тем не менее, его уже знали во всем мире, к нему ездили делегации со всех концов земли; здесь жила и Н.С. Хрущев с супругой, и первый космонавт Ю.А. Гагарин. И положение, так сказать, обязывало.

Приусадебный участок при доме довольно большой и ухоженный: прекрасный большой огород, чудесный сад с фруктовыми деревьями, голубые ели, молодые дубы, стройные березки – все это посажено было своими руками.

Жили Шолоховы большой дружной семьей, у детей своих комнат не было, а жили все вместе на втором этаже. Кабинет Михаила Александровича тоже располагался на втором этаже.

После экскурсии по дому-музею у нас состоялась встреча с семьей М.А. Шолохова. Михаила Михайловича, сына великого писателя-отца, директора музея-заповедника я как-то сразу не узнал, хотя до этого видел на многих фотографиях. Он выглядит моложе своих лет, еще нет седины, сразу заметно, что рыбак: смуглое обветренное лицо, одет просто, держится незаметно. Вообще, в семье Шолохова совершенно отсутствуют снобизм и поза. Это сразу располагает людей к себе и говорит о подлинном благородстве.

Михаил Михайлович сидел с сыном в конференц-зале в первом ряду (зал представляет собой скромное помещения для проведения встреч), нас посадили как бы в президиум, перед иконой, которую мы привезли для вручения. Когда Александр Михайлович сказал, что я буду вести эту встречу, тем более, назвал меня руководителем делегации, я даже растерялся. О чем говорить? Конечно, в первую очередь, о нашей студии: я люблю нашу студию, люблю приходить в нее рано, за час-два до начала занятий – обойти кабинеты, мастерские, рассматривая художественные работы детей, иконы, акварели, карандашные наброски. Наша студия постоянно растет, творческие работы детей интересны, на иконы уже хороший спрос.

В мастерской постоянно работают молодые педагоги, недавние выпускники студии, начинают включаться в работу дети старшей и даже средней группы. Мы уже выполняем заказы для церквей, наши иконы можно встретить в Кремле, у Патриарха, в Малом театре, а одну из лучших, если не лучшую икону. Мы подарили музею М.А. Шолохова. Я надеюсь, она помо-

жет нам в той работе, которую мы хотим провести к юбилею великого писателя.

Так, на встрече с семьей великого писателя и сотрудниками музея-заповедника я подробно рассказал о нашей работе, о детях, о наших перспективах. Все внимательно слушали, но вот меня сменил В.И. Лихоносов, автор знаменитого романа «Наш маленький Париж», и произошло необыкновенное, настоящее чудо: многих прекрасных рассказчиков и лекторов слушал я в своей жизни, но лучше Лихоносова слышать и видеть пока не доводилось.

Несмотря на слабый голос, какие-то шероховатости в дикции, говорит Лихоносов замечательно, его рассказ производит колоссальное впечатление. Он, скорее, не рассказывает, а размышляет вслух (беседуя, может быть, сам с собой), иногда делает паузы, как бы прислушиваясь к себе. Все вокруг невольно замолкают и слушают, затаив дыхание. Рассказ его интересен и по форме и по содержанию, но, прежде всего, по той образности, с которой он воспринимается, по ярким мыслям, идеям, свежим и необычным сравнениям. Все внимательно слушают, боясь пропустить хоть слово, даже звук, потому что потеряется самый смысл. Устные рассказы Лихоносова мне кажутся равными его замечательной прозе.

В свои 65 с хвостиком Лихоносов сохранил юношеский задор, в то же время, в нем есть какой-то злой сарказм. Он классик в прозе и очень оригинален как человек. Его, как Орину Федосову, великую русскую рассказчицу, жившую и блиставшую в знаменитый серебряный век, можно слушать и слушать не уставая.

После вступления Лихоносова Михаил Михайлович даже выразил свое недовольство сыну – директору музея, что не было магнитофона, чтобы записать замечательное выступление. Тем не менее, встреча получилась теплой, почти интимной. В конце я вручил Александру Михайловичу привезенную нами икону, и мы снова поехали в дом-музей усадьбу Шолохова. Там неожиданно нас встретил прекрасно сервированный (по старинному образцу) стол – на белых скатертях, с изысканной посудой. Наш приезд решили отме-

тить банкетом, и где! В святая святых семьи, где встречали лучших гостей – известных деятелей культуры, политиков, президентов. Вечер стал для нас незабываемым. Я сидел рядом с Александром Михайловичем, и мы обсудили много вопросов. Конечно, больше говорили о Михаиле Александровиче и предстоящем юбилее, пытались понять природу гения. Что это? Откуда? Почему вдруг он проявился именно в этом человеке, а не в другом? Гений – всегда загадка, некая вещь в себе. Шолоховский гений идет от земли, природы, от простого человека.

Язык Шолохова уникален, это прекрасный образец сочетания классического русского языка с особым ароматом, колоритом казачьего диалекта. Хорошо бы, говорили мы, составить шолоховский энциклопедический словарь. Такое явление, как Шолохов, – не просто эпохальное, оно на все времена, и наша задача состоит в том, чтобы сделать это достоянием не только российской, но и мировой общественности.

Музей-заповедник Шолохова достаточно велик, в нем почти 30 отделений, 29 000 гектаров земли, и все находится в очень приличном состоянии. Необходимо, как сейчас говорят, раскрутить его (но, конечно, не так, как сейчас раскручивают поп-музыкантов). Тогда бы он стал своеобразной Меккой не только литераторов, но всей России, а может и мира. Поездка в музей должна быть достаточно дешевой, доступной для среднестатистического россиянина, и, конечно же, интересной.

Одному Александру Михайловичу, его семье и даже сотрудникам музея этого не потянуть, необходимо целое движение, и завтра, я уверен, это окупится – не только в финансовом, но и в других отношениях. Мы должны, в хорошем смысле, больше популяризировать Шолохова, сделать его доступным для всех, и не только как память, а, наверное, больше для себя, своего народа.

Через Шолохова я и мои сверстники приходили к литературе, потому что Шолохов в самом лучшем и высоком смысле народен. Сейчас толстых

умных книг боятся, потому что народ воспитывается на пошлом, соблазняющем эрзац-романе, с погонями, убийствами, страстью к деньгам, наживе.

За столом слева от меня сидела наша энергичная кубанская москвичка Боева-Машинская – острый критик, прекрасный аналитик и искусствовед. Она уже рвалась в бой. Тематический скальпель ее ума постоянно что-то расчленяет, и людям не всегда бывает уютно от ее откровенных высказываний. В Вешенской она восторженно воспринимала все, и в этом выразался ее патриотизм и беззаветная любовь к творчеству великого писателя.

В этой поездке мы как-то распределились по общению (может быть, даже по привязанностям) с работниками музея, с членами семьи М.А. Шолохова. Как я уже отметил, В.И. Лихоносков больше общался с Михаилом Михайловичем, я – с Александром Михайловичем, Шумаф Гиссович – с Валентиной Исмаиловной, супругой Михаила Михайловича, но все мы, образно говоря, снимали шляпы перед Светланой Михайловной. Мне она чем-то напоминала не только ее мать, Марию Петровну, но всех тех некрасовских женщин, которые умеют быть рядом с мужчинами, удесятерять их силы, умеют достойно нести трудную миссию, а у Шолоховых это не только миссия отца, великого писателя, но миссия всей русской культуры – подлинной, великой и народной.

Все мы уже немолоды, и встреча с такими людьми, как Шолоховы, – просто подарок.

Я высказал мысль о том, что необходимы постоянные передачи о Шолохове, вообще о Шолоховых, чтобы люди узнали эту семью. После известных событий понятие «семья» стало чем-то пошлым, и семья Шолоховых может смыть это пятно позора, перечеркнуть то ублюдочное, опошленное понятие «семья», которое сейчас установилось в нашем обществе, она может восстановить чистый, добрый статус настоящей русской семьи. Слепые, падкие на жареное телевизионщики до сих пор не увидели этого. А вместе с тем, они могли бы сделать замечательные передачи, фильмы о семье великого писателя.

Сотрудники и все, кто окружает Шолоховых, невольно воспринимают ту добрую ауру, которая присуща этой семье. И это мы отметили не только в людях, которые находятся близко от Шолоховых, но в простых казаках, далеких от Вешенской (например, в Каширах), где продавщицы очень тепло и трогательно говорили об Александре Михайловиче, внуке писателя и их депутате.

Не знаю, как у других, а у меня в Вешенской возникло какое-то острое чувство близости к Шолоховым – не только к семье, но и к тем, кто постоянно общался и общается с ее членами: к Марине Федоровне Поповой, заместителю директора по воспитательной работе, Надежде Тимофеевне Сергеевой, экскурсоводу и научному сотруднику музея-заповедника. Надежда Тимофеевна прекрасно вела беседу и всю экскурсию в доме-усадьбе, и мы невольно любовались ею – этой уже далеко не молодой красавицей, сохранившей до пожилого возраста прекрасные черты казачки, которые воплотил в своей Наталье Михаил Александрович Шолохов.

В Вешенской мы обратили внимание на интеллигентность простых людей: мы не видели курящих женщин, матерящихся мужчин. Но, конечно, и здесь рыночные отношения уже оказали свое тлетворное влияние – ««Новые русские»» успели загадить рекламой улицы и фасады домов, тем не менее дух Шолохова, несмотря ни на что, еще живет и, думаю, неистребим.

Уже поздним вечером, после банкета, мы сходили на Дон к известной скульптурной группе «Григорий и Аксинья». Кругом было тихо, на фоне светлого чистого неба четко выделялась крупная на коне фигура Григория и чуть поменьше, с ведрами, Аксиньи. Я закрыл глаза, и на мгновение в ушах зазвучала чистая мелодия тягучей казачьей песни. Я провел детство в казачьей станице на Тереке, и казачий песенный фольклор стал частью моей жизни. Детство чистой нежной рукой коснулось лба: было и нет. Гений Шолохова сумел восстановить и удержать его во времени.

На следующий день мы уезжали. Александр Михайлович тепло проводил нас. По пути в Ростов мы заехали на хутор Кружилино, где родился М.А.

Шолохов, и посетили усадьбу, где начинали свою жизнь родители великого писателя. Дул сильный ветер, и у нас на глазах расщепило старое вишневое дерево. Пожилой, с густой проседью интеллигентный казак, смотритель музея, всплеснул руками: «Вот поди ж ты! Нужно, пока свежее, как-нибудь связать».

P.S. Поездка к Шолоховым не только для нас, но для «Инва-Студии» в целом открыла целый мир новых впечатлений, нового видения нашей истории, литературы.

В августе 2002 года мы провели по следам поездки реабилитационные сборы в Апшеронске и основной художественной темой для детей младшей и средней групп было творчество М.А.Шолохова. Прекрасные, очень оригинальные образы детей и взрослых, знаменитого «Нахаленка», Григория Мелехова, Аксины, Андрея Соколова явилось в новой нашей коллекции. Позже мы провели рядом две выставки на Поклонной горе и стали дружить с музеем-заповедником. Вешенцы даже прислали к нам на учебу способного своего мальчишку-инвалида Диму Кочетова.

Вообщем поездка оказалась во многих отношениях продуктивной и мы рады, что она так удачно прошла.

Отец Георгий

Об отце Георгии и Тимашевском монастыре, где он был наместником, я слышал давно.

- Святой человек, - говорили в крае. Вам нужно к нему съездить. Но именно поэтому я медлил и не ехал. Мне, в общем-то здоровому человеку, не отягощенному болезнями и неразрешимыми проблемами не хотелось отрывать старца (так я представлял себе отца Георгия) от более важных насущных дел. Да и времени у меня было мало, чтобы выстаивать в очередях у мона-

стыря, ведь к нему приезжали отовсюду, даже из самых отделенных областей страны. Например, из Владивостока.

Ещё одна причина, которая удерживала меня – снобизм некоторых священников, с которыми я уже сталкивался: не дай бог что-то сделать не так и ты уже не человек. Мы организовали светскую студию, где у детей были духовные наставники в лице матушки Варвары или отца Михаила Киракосова, тонко понимающих проблемы детей. Были и такие, для кого в духовном окормлении присутствовали только два цвета: белый и черный. Молодые матушки из монастыря, приехавшие к нам и увидевши детей без головных уборов и с открытыми локтями, отказались от нашей помощи в оформлении церкви.

Анатолий Федорович Филиппов, мой хороший знакомый, который давно знал и часто посещал о.Георгия рассеял мои сомнения.

- Вы не представляете, какой это простой и мудрый человек, не сомневайтесь и давайте, если хотите, поедem вместе, - сказал он.

В один из дней, когда у о.Георгия был прием, мы поехали в Тимашевск. Монастырь находится на окраине города. Колокольня с крестом видны с дороги и найти его легко, тем более, когда едешь по Ейской объездной дороге. В отличие от других монастырей, особенно старинных, он не вписан красиво в природу окружающих мест, а скорее, зажат домами, как бы прилипших к нему со всех сторон. Говорят, что районное начальство в свое время выделило для монастыря самое гиблое место – болото. Отцу Георгию с братией пришлось заниматься осушкой этих мест, прежде чем начинать строительство. У входа в монастырь и сейчас кучи песка, строительные материалы, 2 небольших киоска, где продают: в одном церковную утварь, в другом по низким ценам вкусный пахучий монастырский чай из трав и незапеченные суп и кашу для тех, кто приезжает и стоит, дожидаясь приема в длинной очереди.

На площадке перед воротами много легковых машин. Отец Георгий действительно оказался простым крепкого цветущего вида ещё нестарым мо-

нахом. Лишь длинная седая борода как у всех русских духовных подвижников, да темная простая ряса создают впечатление старца. С 12 лет отец Георгий в монастыре. Родился на Украине, папа украинец, но мама русская. Служил в армии. После армии тянул лямку в различных монастырях на Севере. Чуть ли не с детства занимался травами, конечно, в школах да вузах ему учиться не довелось. Много неправильностей в русском языке.

По светским понятиям человек малообразованный. Но у монаха свой путь. Путь молений, светлого духовного подвижничества, которое не всегда мы, светские люди, можем понять. Поэтому наши оценки с точки зрения светской культуры и грамотности здесь не приемлемы. Монахи, ведущие многие годы аскетический образ жизни, добиваются того, чего не могут добиться крупнейшие специалисты в области различных наук: психологии, социологии, медицине. Яркий пример опять таки о.Георгий. Мне показали женщину, которую он вылечил от рака.

Да и хождения великих деятелей нашей культуры в Оптину пустынь Л.Толстого,.. Ф. Достоевского, где оба получили от старцев не только пищу для размышлений, но меткие глубокие характеристики, говорят о совершенно ином в непонятной нам жизни. Культура монашества, если можно назвать её так, уникальна; великие примеры – жизнь знаменитых пророков. Нужно иметь терпение и силу воли, чтобы преодолеть все тяготы монастырской жизни.

Анатолий Федорович рассказал мне поучительную историю об отце Георгии. В бытность его служения на севере в монастыре, где популярность монаха была также очень высока, им заинтересовались соответствующие органы. Что это за святой смущающий народ, к которому каждый день стоят толпы? Последовало расследование, а затем угрозы вплоть физической расправы. Не помогло. Старца вызвали в Комитет и сделали внушение. О серьезности угроз он узнал недавно. Пару лет назад в монастырь явился отставной генерал КГБ. Тяжело больной с онкологическим заболеванием.

- Пришел покаяться батюшка, - выдохнул генерал о.Георгию с порога. Конечно, о.Георгий узнал бывшего своего преследователя, майора КГБ нынешнего генерала в отставке.

Давно простил его и, конечно, помог.

Сейчас, несмотря на новое, казалось бы, демократическое время старцу также бывает очень нелегко. И не только от светских людей, но даже от своей православной братии.

Отец Георгий терпеливо и стойко переживает свое нелегкое... положение. Многих и сейчас раздражает популярность и слава его, ведь поток людей у его церкви постоянно прибывает.

Беседа у нас состоялась самая простая и невзыскательная. Я рассказал отцу Георгию о студии, подарил ему наш каталог и он предложил расписать у них в монастыре иконостас – недавно у нас была – как бы провокация в монастыре, - поделился с милой улыбкой отец Георгий. Пришла женщина, стала на себе рвать одежду, обвинять нас, что мы надругались над её сыном.

Зачем это, для чего? Думаю, что православие вызывает ненависть у многих, в том числе у скрытых масонов. После первой встречи я ещё несколько раз бывал в монастыре, и впечатление об уникальности личности о.Георгия не уменьшилось, а постоянно росло.

**Работа в Чеченской республике.
Социально-реабилитационный
комплекс**

Как-то с полгода назад в приемной руководителя фракции «Родина» в Государственной Думе Дмитрия Олеговича Рогозина, я познакомился с красивым кавказского типа мужчиной. Его звали Турпал-Али Хазбулатов и по странному стечению обстоятельств мы оказались с ним не только земляками, но и родились (правда, в разное время) в одном родильном доме в предгорном селении Ачхой-Мартан.

Дмитрий Олегович в ту встречу познакомил меня со своей супругой, Татьяной Геннадиевной, и она попросила нас с Турпалом, занимавшимся в партийном руководстве «Родины» вопросами Чечни поработать с детишками приютов республики, которые во время двух прошедших войн, потеряли родителей и которым необходима была реабилитационная помощь. Не откладывая в долгий ящик, мы разработали программу и определили сроки поездки в Чечню: где-то конец февраля, начало марта.

Как известно, Чечня – опасный регион, где до сих пор не прекратились теракты, поэтому первую поездку я решил совершить самостоятельно, взяв с собой лишь жену Любовь Ярославовну, хорошо владеющую нашими реабилитационными технологиями и умеющую работать с детьми разных возрастов. В начале марта мы подготовили студийную «Газель» и, созвонившись с руководством «Родины», выехали в Чечню через Ставрополье, Кабарду и Северную Осетию. Уже в самом начале поездки погода не только в Краснодарском крае, но и на всем Северном Кавказе стала быстро портиться. Разгулялась метель и часов десять мы с остановками добирались до Моздока, где нас должны были встретить представители партии «Родина» в Чечне и сопровождать вместе с Турпалом-Али к месту нашей работы в один из приютов Надтеречного района. Езда в метель не особенно приятное и даже безопасное занятие, но, с божьей помощью, мы к назначенному времени благополучно преодолели немалый путь.

В Моздоке по указанному адресу нас встретил невысокого роста черноволосый интеллигентный чеченец, руководитель районного отделения «Родины» Сулиман. Перед поездкой мы позавтракали в уютном кафе и отправились к границе на его легковой машине, где нас уже ждал с коллегами по партии Турпал-Али. Конечно, всю ночь во время поездки мы не спали. Жена никогда не была раньше в Чечне и вид военных уже в кафе, а также человека с пистолетами в кобуре (совершенно открыто), который завтракал за соседним столиком, её окончательно напугал.

Когда мы проехали блок посты, мрачные угрожающие сооружения из бетонных блоков, переехали границу Чеченской республики, жена взяла меня за руку и крепко её сжала. Ей, как она призналась позже стало страшно. У меня же были иные чувства. На сердце защемило. Что-то из детства властно нахлынуло и овладело мною, ведь я родился в Чечне. Невольно, как-то само собой возникло ностальгическое чувство. Скоро нас догнала черная «Волга», из неё вышел мой знакомый Турпал-Али. С ним был мужчина с пистолетами из кафе и невысокого роста плотный человек, которого, как и хозяина квартиры в Моздоке звали Сулиман.

Человека с пистолетами я моментально узнал. Это был брат Турпала – Али, офицер ФСБ Казбек, который в данном случае выполнял роль телохранителя группы.

- Приветствуем на родной Чеченской земле, - первым пожал мне руку Сулиман.

Мы тепло поздоровались и сразу обсудили ситуацию.

- В Надтеречном районе два детских приюта, - пояснил Турпал. - Как вы думаете работать?

- Лучше не распыляться, - предложил я, - Давайте возьмем сначала один приют.

Все согласились. Приют располагался у самого въезда в село Гвардейское и оказался прекрасным большим детским учреждением с просторным двориком, обведенным красивой декоративной изгородью. Директора на

время нашего приезда на месте не оказалось, но нас тепло встретили его заместители. Минут через десять подъехал сам директор Руслан Катаевич Юсупов, высокий немолодой человек в очках. С первых слов от него повеяло энергией и необыкновенным дружелюбием, хотя в словах сквозило некоторое недоверие.

- К нам сейчас приезжают часто, привозят разные подарки, компьютеры, - сказал он. – Но, как правило, у всех задача только сфотографироваться. Мы сейчас в моде.

- У нас другие задачи, - возразил я, - Мы учим детей художественному творчеству и эти несколько дней, если вы не против, поработаем с вашими ребятами, как запланировали.

Позже мы, что называется, сошлись с Русланом Катаевичем и, можно сказать, даже подружились, перейдя на «ты».

Он оказался по-своему уникальной личностью. Можно сказать, приют – не только его детище, но даже образ жизни. Его энергия постоянное горение, искренняя забота о детях передаются всем окружающим. Ею заряжаются даже чиновники, посещающие периодически приют. Дети беззаветно любят его и одновременно беспрекословно слушаются.

Вместе с заместителем директора приюта Ларисой Вахидовной, ещё молодой очень приятной женщиной, выпускницей Омского Государственного университета, мы разработали программу работы с ребятами на все три дня. В неё входили подготовительная и основная работа. Во время подготовительной работы необходимо было заинтересовать детей художественным творчеством, научить их хотя бы минимуму технических художественных приемов, провести апробацию возможностей детей.

Основная работа много сложнее. В процессе её дети должны закрепить и развить свои знания и навыки и в завершении выполнить конкурсное задание.

Признаюсь, до начала работы у нас была некоторая неуверенность даже робость, как пойдет сама практическая её часть. Мы не знали детей, ни

разу с ними не общались. Тем не менее, когда начались занятия, произошло что-то невероятное. Детишки проявили такой энтузиазм, им так понравилось то, что они делали, что нам уже в первый день не хватило ни бумаги, ни красок.

Нужно знать чеченских ребятишек, да и вообще чеченцев, чтобы понять суть их энтузиазма. Наши проблемы в работе с людьми этой республики, все провалы и в целом трагедия только в незнании человеческой сути этих людей.

Энергетически каждый ребенок имеет свой потенциал. Он проявляется в нем в конкретной деятельности. У чеченцев он, пожалуй, выше, чем у русских и его нужно задействовать, как пар в двигателе. Иначе разорвет. В приюте большинство детей чеченцев, но есть и русские. Внешне дети, конечно, отличаются. Но не в поведении и языке. У детей, можно сказать, произошла вербальная конвергенция. Чеченцы, хотя и с акцентом, хорошо стали говорить по-русски. Русские также хорошо и даже без акцента по-чеченски. Меня поразила и другая сторона вопроса. Известно: темперамент - категория достаточно устойчивая. Тем не менее и здесь в детях произошли изменения. Чеченцы более темпераментны. В общении русские дети многое восприняли от чеченцев. Глядя на русских детей, я все время ловил себя на мысли, что это не русские, а чеченцы. При нас сцепились в драке чечененок и русский. Это была обычная детская драка. Их разняли и не возникло каких-либо делений русский – чеченец. Вообще такие приюты, как Гвардейский, создают, я бы сказал, особое нравственно-этическое поле – поле, на котором формируются добрые межэтнические отношения даже в таких экстремальных условиях, как Чечня.

Не следует думать, что это произошло автоматически само собой. Поначалу русских детей в приюте и школе, где они учатся, обижали. Руслан Катаевич предпринял необычную акцию. Он пришел утром в школу на линейку и произнес, казалось бы, непедагогическую речь.

- Дети, если кто-то еще хотя бы пальцем тронет ребенка из приюта, я приказываю - набрасывайтесь на обидчика всей кучей. Вас здесь пятьдесят. Деритесь, бейтесь руками и ногами, чем попало, но не давайте в обиду своих товарищей, своих братьев, независимо русский это или чеченец.

Это подействовало как лекарство. Избиения русских детей прекратились.

Первый день стал для нас с Любовью Ярославовной настоящим откровением.

В класс набилось столько детей, что рисовали не только на столах, тумбочках, но и на полу.

У чеченцев нет традиции называть взрослых по отчеству. Они, как правило, называют друг друга по именам. Также у них в языке нет местоимения «вы» и, когда говорят «ты», это не значит, что тебя хотят унижить или оскорбить.

У детей с раннего детства воспитывается этика горцев, традиционных объятий при встрече. Мы были приятно удивлены, когда дети, прощаясь или встречаясь с нами, обнимали нас как своих.

Вечером Руслан Катаевич пригласил нас к себе домой.

- Жена пристыдила меня, - сказал он, - твои гости должны ночевать не в приюте, а в нашем доме, тем более что он на половину пустой.

У директора два года назад погиб в автомобильной катастрофе младший сын. Остался внук. Сноха, мать внука, снова вышла замуж и даже родила сыну братика. По традициям чеченцев женщина после развода или смерти мужа отдает детей в семью прежнего мужа, как бы освобождаясь для новой семейной жизни. Видимо, по этой причине Шота Руставели назвал чеченку самой свободной женщиной на Кавказе.

Живет Руслан Катаевич, как и большинство чеченцев, на большой просторной усадьбе по соседству со старшим братом. Когда был жив сын, его семья тоже проживала в соседнем доме. Сегодня дом стоит пустой и больше используется для гостей.

Старший сын Руслана служит в ФСБ, он капитан, приезжает к отцу, но не часто. Жена Руслана Катаевича, Мариэт работает в школе. Милая, уже немолодая скромная женщина приветливо встретила нас и сразу же повела ужинать. В доме помимо взрослых дети: младшая дочь и внук. Младшая дочь, хорошенькая полуподросток, полудевушка вежливо с нами поздоровалась. Внуку три годика. Мальчик очень развит и уже самостоятельно работает на компьютере. Бабушку называет мама.

- Способный парень, - провожает любящими глазами внука дед.

После первого дня мы сильно устали. Поужинав, немного посидели у телевизора и пошли спать.

Утром следующего дня дети радостно, с объятиями, как давних знакомых встретили нас у входа в приют. Каждый подходил и, как взрослые, раскрывал объятия. Это было мило и создавало особый шарм.

Во второй день мы разделили детей на возрастные группы: младшую, среднюю и старшую. Сначала работали старшие ребята. У них задания были достаточно сложными.

Малыши от нетерпения бегали вокруг студийной комнаты и поминутно спрашивали, когда начнем.

Взрослые: воспитатели, охрана, работники блока питания тоже заинтересовались нашей работой. Им было радостно видеть, как их питомцы делают что-то красивое, рисуют животных, деревья, птиц. Темы мы выбрали разные, но в основном те, что ближе ребенку. То, что они видят каждый день, трогают руками. Среди ребят определились лидеры. Мадина высокая, статная, красивая девушка. Ей восемнадцать. Она настоящая невеста. Во время войны потеряла родителей. Они были людьми состоятельными, оставили дочери хорошее наследство: дом, деньги, даже драгоценности, но родственники на всё наложили руку и сейчас руководство приюта пытается вернуть девушке её собственность.

Каждый из детей, как впрочем большая часть не только чеченцев, но и русских пострадали от войны. Русская девушка Юля потеряла отца, мать

спилась и даже не навещает дочь. Девочке, для того чтобы выжить, приходилось несколько лет попрошайничать в поездах. Она хорошо говорит по чеченски. Как-то само собой стала молиться по мусульмански и, если бы не славянская внешность, её едва ли можно было бы отличить от чеченцев. Старательно два дня Юля выводила довольно сложную композицию, нескольких котят. Получилось неплохо, в ярких красках. Вообще война, как кремень высекает в людях что-то необычное, свои образы, краски. Но справедливо отмечено: оружие, смерть у тех, кто видел войну, вызывает аллергию. Поэтому дети в основном рисуют мирную жизнь.

Обращал на себя внимание молчаливостью и какой-то недетской сосредоточенностью подросток Шамиль. Он был брошен отцом, чеченцем с тяжелой формой туберкулеза. Матерью Шамиля была русская женщина. Мальчик внешне похож на русского, но воспитан как все чеченские ребята по горским законам. В приюте его вылечили и полюбили. Он почувствовал к себе искреннее внимание. Где-то в глубине больших голубых глаз до сих пор заметна грустинка. Отец давно не был у мальчика и тот почти уверен, что больше не увидит его. Рисует он хорошо, но, выполнив задание, стал помогать другим ребятам.

Пожалуй, самая милая часть приюта – малыши. Им так нравится рисовать, что я не успевал выдавать им бумагу и краски. Энергия выходит из них как пар из котла.

Уже в первый день во время работы мы обратили внимание на молодого мужчину, охранника, который, войдя в класс, стал довольно умело помогать ребятишкам. У него были явные способности, и это натолкнуло меня на мысль, что после нашего отъезда он смог бы работать с детьми по нашей программе. Я предложил Любови Ярославовне оставить Беслана после нашего отъезда в качестве учителя рисования. Нельзя было всё, что так успешно начали, бросить. Она согласилась.

Вечером я поговорил об этом с Русланом Катаевичем, и он одобрил мое предложение. Более того, в свою очередь он предложил еще одного кандидата, работника приюта Ваху.

- Ваха очень способный, он пишет настоящие картины, - сказал Руслан Катаевич. - Человек честный, бескорыстный и главное любит детей. Он у меня работал до приюта в школе, где я был директором. У Вахи, как у многих чеченцев, нелегкая судьба. Его чуть не убили боевики. Ранили, потом сделали контрольный выстрел, но попали не точно, и он остался жив.

На следующий день мы разработали с Вахой и Бесланом программу художественной работы с детьми, оформления приюта, и я пообещал, что через месяц привезу в Чечню группу своих студентов, с которыми мы поможем коллективу оформить красиво и профессионально актовый и спортивный залы.

Во второй день работы Турпал-Али привез из Грозного журналистку, полную уже немолодую, приятную женщину. Мы поговорили с ней в кабинете директора, а потом пошли в класс, где шли занятия, и сделали снимки. Атмосфера в классе была самой что ни на есть рабочей и на гостей практически не обращали внимания. Это умилило и журналистку, и всех, кто приехал с Турпалом.

- Я не ожидал, что у вас так сразу всё получится, - высказал свое мнение Турпал. Дети прямо на крыльях летают. У нас, откровенно говоря, были сомнения.

Турпал и его коллеги по партии «Родина» развесили на стенах флаги, установили на столах маленькие красные флажки. И затем все сфотографировались на их фоне.

Уже к концу второго дня мы поняли, что у нас получится хорошая выставка. Многие ребята сделали ну прямо таки блестящие работы: Адам, Мадина, Хусейн, Ибрагим, Юля, Саша, даже малыши Шамиль и Ислам, которые раз 5-7 брали у меня листы и рисовали то собачку, то кошку, то цветы. Во

второй день мы работали до позднего вечера. Дети не хотели уходить в спальню, а многие с разрешения воспитателей взяли краски и бумагу с собой.

За два дня, проведенные в приюте отношение к нам совершенно изменилось. Если по началу нас приняли несколько настороженно, то позже все тепло с нами общались, предлагали на каждом шагу свои услуги медсестра, бухгалтер, повара. Мы можно сказать оказались в атмосфере внимания и какой-то человеческой теплоты и старались ответить тем же. Впрочем работы было столько, что мы не заметили как быстро пролетело время. Вечером второго дня Руслан Катаевич показал мне видеозапись с посещением приюта бывшего министра социальной защиты Починка. Среди записей были люди, которых уже не было в живых, хотя прошло всего два года.

- Этого старика убили вахабиты, прямо в туалете, - комментировал Руслан Катаевич, - Он был ярим антивахабитом. Этот молодой мужчина погиб совсем недавно на фугасе. А вот этого обстреляли, когда он ехал в машине уже около дома. Мы здесь живем как на фронте, несмотря на то, что наш район считается в Чечне самым спокойным.

Как-то само собой, хотя мы и не расспрашивали, Руслан рассказал о гибели сына, красивого, цветущего полного сил молодого человека, опоры отца и всей семьи. Скупая мужская слеза, да сорвавшийся голос выдали волнение отца.

- Вот так получилось, - вздохнул он, - Не на войне, а погиб. Я после смерти сына стал другим человеком.

Третий день был последний. С утра мы собрали все работы ребят, рассортировали их по категориям. Из ста сорока работ около пятидесяти определили на выставку. Лучшие, оформили в паспарту, остальные просто обрезаем и закрепили на стене в холле перед кабинетом директора. Нам помогали дети старшей группы и к обеду выставка была готова.

- Не думал, не думал, что мои дети такие талантливые, - довольный ходил директор приюта, - Если бы сам не видел, ни за что бы не поверил, -

восхищался он. Его глаза светились радостью, и он сам помогал, как мог, хотя был все время занят.

К четырнадцати часам в приют приехали Турпал и другие руководители партии «Родина»..

На торжественное открытие выставки мы вынесли коробки с подарками и стали фотографировать ребят рядом с экспозицией. Малыши бегали счастливые и просили «щелкнуть» рядом с картинами. Большие ребята от внимания заметно смущались.

Позже всех на выставку пришла Мадина и мы ахнули: модная красивая прическа, короткая юбка. Ну совсем невеста. Работа девушки «Олени в лесу» была в центре главной экспозиции и привлекала особое внимание. Ко мне подошла воспитательница и сделала комплимент:

- Вы просто покорили наших ребят. Они никого так не любили как вас. Приезжайте, а то будут скучать. Мы чеченцы влюбчивые.

На торжественном открытии детям вручили подарки. Директор произнес большую речь. Турпал Хазбулатов от имени Татьяны Геннадьевны Рогозиной вручил ребятам ящики с подарками. Стихийно начались танцы с лезгинкой и чисто кавказским ликованием.

Напоследок мы сфотографировались всей группой на фоне выставки, а затем на ступенях у входа в приют. Дети также передали подарки в Москву Дмитрию Олеговичу Рогозину. Это были их творческие художественные работы.

Слезы невольно навернулись на глаза, когда мы, уезжая, взглянули последний раз на приют. Группа детей с счастливыми лицами махала нам в след ладошками.

Три дня общения с детьми и всеми работниками Гвардейского приюта – стали днями необыкновенного душевного комфорта. Любовь к творчеству, жажда творчества захватили ребят, и мы надеемся, что это будет не последней страницей наших взаимоотношений с ними.

Содержание

	Стр.
От автора	3-4
1. Земля детей	5
2. Записки реабилитолога	9-39
3. Мысли на бумаге	40-69
4. Новаторы	70-73
5. В контексте демографии	74-77
6. Дети, родители, педагоги	78-101
7. Семьи и судьбы	
8. Поездки и встречи	102-142
9. В гостях у Шолоховых	142-157
10. Отец Георгий	157-160
11. Работа в Чеченской республике. Социально-реабилитационный комплекс	161-171

